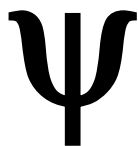

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Отделение практической психологии

**ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ
РАБОТЕ**

г.Ярославль, 1998г.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Отделение практической психологии

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Под редакцией Владимира Козлова

г. Ярославль, 1998г.

ББК 88.4 + 53.57
УДК 159.98

Психотехнологии в социальной работе./Сб. под ред.
Козлова В.В. – Ярославль: МАПН, 1998 – 201 с.

Сборник статей представляет обзор теоретических и экспериментальных работ по социальной работе и психологии.

Книга адресована социальным работникам, социальным педагогам, практическим психологам и специалистам в области социальной работы.

© Козлов В.В., 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Козлов Владимир МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ПСИХОТЕХНОЛОГИИ.....	6
Албегова Ирина ТЕХНИКИ АДАПТАЦИИ К КРИТИЧЕСКИМ СИТУАЦИЯМ.....	18
Антонова Любовь, Козлов Владимир ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ВХОЖДЕНИЯ В РСС НА СКОРОСТЬ СЕНСОМОТОРНОЙ РЕАКЦИЙ.....	24
Белякова Юлия, Тумаркин Денис ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПСИХОТЕХНИК В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ТЕРАПИИ НЕВРОЗОВ.....	28
Веремеенко Наталия, Цыганенко Майя НОВОЕ ОБЩЕСТВО - НОВЫЕ ЦЕННОСТИ.....	33
Гавришук Елена СТРЕСС И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА.....	38
Геперле Ирина, Козлов Владимир ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ НА ДИНАМИКУ ТРЕВОЖНОСТИ И ОДИНОЧЕСТВА.....	42
Глухова Ольга ВЛИЯНИЕ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ НА ПОКАЗАТЕЛИ ВНИМАНИЯ И ПАМЯТИ У ПЕДАГОГИЧЕСКИ ЗАПУЩЕННЫХ ДЕТЕЙ.....	65
Голубкова Елена САМОУБИЙСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	68
Гусева Елена, Заярная Ирина, Муляр Андрей ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕНСИВНЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРАПИИ ПОГРАНИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У ПОДРОСТКОВ.....	73
Жедунова Ирина, Киселев Игорь О ПРОЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ.....	80
Жукова Ирина ВЛИЯНИЕ ВХОЖДЕНИЙ В РСС НА ДИНАМИКУ ВНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ.....	82
Капустин Андрей ЛЮДИ И ДЕНЬГИ.....	85

Киселев Юрий	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОДУХОВНЫЙ КРИЗИС....	90
Ковшиков Михаил	
ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ	
ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ И АРМИИ.....	101
Ковшиков Михаил, Смирнова Светлана	
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ТАМОЖЕННЫХ	
ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	108
Кудеринов Т.К., Баклыкова И.В., Паршина Е.В., Сыздыкова А.К.	
К ВОПРОСУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	
И ПСИХОТЕРАПИИ.....	114
Мазилев Владимир	
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПОИСКИ НОВОЙ	
МЕТОДОЛОГИИ.....	116
Мазилев Владимир	
ПСИХОЛОГИЯ: ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО.....	140
Малеева Ирина	
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗГЛЯДА НА СМЕРТЬ.....	174
Непомилуева Елена	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С	
БЕЗРАБОТНЫМИ.....	180
Смирнова Юлия	
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ	
НА РЕАКТИВНУЮ ТРЕВОЖНОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	183
Черничкина Вера	
НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ И	
РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	187
Щербаков Александр	
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ИМИДЖ ПОЛИТИКА КАК	
ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	191
Яшков Александр	
НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЯРОСЛАВЛЕ.....	196
Никольская Инна	
ИМИДЖ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СВОЙСТВА.....	200

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ПСИХОТЕХНОЛОГИИ.

Козлов Владимир, ЯрГУ

В настоящий момент ни одно развитое государство не может обойтись без социальных работников, прошедших подготовку в университетах и специальных учебных заведениях. Они могут профессионально помогать всем нуждающимся решать проблемы, возникающие в их повседневной жизни. В первую очередь тем, кто не защищен в социальном плане (пожилым людям; инвалидам; детям, лишенным нормального семейного воспитания; лицам с психическими расстройствами; алкоголикам; наркоманам; больным СПИДом; семьям из групп “риска”; лицам с девиантным поведением). Они не только снимают социальную напряженность, но и участвуют в разработке законодательных актов, призванных полнее выразить интересы различных слоев населения.

На исходе второго тысячелетия в России после рыночных реформ, которые не только улучшили прежнюю “плохую” жизнь при коммунистах, но и довольно таки успешно понизили и без того невысокий уровень жизни, остро стоит вопрос не только о социально незащищенных слоях населения, но и о жизни среднего класса. Он благодаря экономическому реформированию приблизился вплотную к черте бедности. Долгосрочные задержки выплаты зарплат, сокращение пособий, задержка стипендий студентам, бесконечные обещания Правительства привели к социальной напряженности. Обострение социально-психологической напряженности в условиях политической нестабильности и экономического кризиса делают особенно актуальным вопрос о практической деятельности социальных работников, методологии и технологиях её осуществления.

В истории развития любой страны можно найти связь между формами, видами социальной работы и возникающими социальными проблемами. И хотя в России социальная работа как профессиональная деятельность (в западном понимании) только начинает развиваться, отдельные её виды и формы имеют длительное историческое развитие (например, патронажные службы, медико-социальная помощь, службы социального обеспечения и т.д.). Поэтому, занимаясь проблемами социальной работы на разных уровнях, важно активно использовать существующий опыт помощи различным группам населения. Следует учитывать, что существуют особенности в организации социальной работы и в

использовании отдельных её методов, обусловленные спецификой теоретико-методологических подходов к одним и тем же социальным проблемам.

Особого внимания требуют, с одной стороны, технология воздействия, оказание социальной помощи на индивидуально-личностном уровне взаимодействия с клиентом, и с другой - глобальные социальные программы социальной помощи нуждающимся в ней гражданам.

Профессиональная подготовка социальных работников в России делает первые шаги. Социальная работа как деятельность (особенно как непрофессиональная, добровольческая) уже длительное время существует в России. К непрофессиональной деятельности относятся различные виды добровольческой помощи и взаимоподдержки, которые являются неотъемлемыми компонентами жизнедеятельности отдельных субъектов и социальной практики в целом в любом обществе.

Основой профессиональной работы выступают отношения «социальный работник - клиент» (клиентом может выступать и общество, и социальная группа, и индивид). Мы можем выделить следующие уровни объектов социальной работы:

- конкретный человек
- различные социальные группы (по профессиональному признаку, по возрасту, по половому признаку и др.)
- конкретное общество
- всё человечество

Реализация этих отношений может идти по двум направлениям: социального проектирования и прогнозирования (структурная социальная работа) и непосредственной работы с индивидом или группой (психосоциальная работа).

Для российского общества в настоящее время жизненно важно развивать и структурную социальную работу, и деятельность социальных работников с применением психологических техник и технологий. Важно, чтобы оба эти направления взаимодополняли друг друга.

Социальный работник как субъект специфической деятельности должен владеть немалым арсеналом умений и навыков, обладать глубокими знаниями в области наук о человеке: психологии, акмеологии, социологии, педагогики, права. Знания и умения в сочетании с соответствующими личностными качествами и способностью к творчеству могут рассматриваться как готовность к профессиональной деятельности.

В самом общем виде суть социальной работы заключается в регуляции правовых и экономических отношений человека с обществом, оказание помощи в решении личностных проблем.

Цель социальной работы: сохранять комфортное, достойное, правовое существование человека как субъекта общества, а также адаптировать личность в социуме.

Объектом социальной работы является, как мы указывали выше, человек и различные общности. В сложившейся экономической и социальной ситуации в нашей стране помощь в основном направлена на тех, кто находится в самой тяжелой и безвыходной ситуации: многодетные семьи, беженцы, безработные, пенсионеры, инвалиды. В настоящее время забота государства о слабо защищенных слоях населения почти совсем исчезла. Пособия приходят с большим опозданием, а их размер просто смехотворен.

Использование психотехнологий в социальной работе на уровне объектов касается индивида и групп. Что касается уровня общества и всего человечества, автор данной статьи достаточно скептически относится к организации социальной работы на данных уровнях. Особенно в современном обществе.

Вопрос методологии социальной работы чрезвычайно важен, т.к. он является основным вопросом организации науки и профессиональной деятельности.

Анализ ведущих тенденций развития мировой теории и практики социальной работы свидетельствуют о том, что в этой области происходят новые важные процессы. Усиливается гуманистическая направленность социальной деятельности в целом, которая ориентируется не только на защиту отдельного индивида в его конкретной трудной ситуации, но и на целостный подход к человеку. Растет общественное признание социальной работы как профессии. Социальная работа многогранна и уникальна. Она связана с человеком в целом - в его биологическом, социальном и духовном параметрах. Обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов, характеризующих все разнообразие человеческого поведения и взаимоотношений.

Объектом социальной работы является человек. Субъектом социальной работы выступает тоже человек. Поэтому доминирующими были и остаются отношения "специалист - клиент". Для эффективной профессиональной деятельности социальному работнику необходимы знания психологии, чтобы грамотно наладить контакт с клиентом.

Но успешный социальный работник должен быть не только в какой-то степени профессиональным психологом, но и психотерапевтом. Социальная работа является максимально интегративной дисциплиной. Если посмотреть на социальную работу как на вид деятельности, то можно заметить, что эта профессия соединяет в себе множество знаний и навыков из других областей. Действительно, есть специалисты, спе-

циализирующиеся строго в своей области. Но социальная работа пытается уйти от этого узкого подхода. Она видит человека и понимает его как целостное существо, которое в конкретной ситуации испытывает трудности определенного характера. Когда мы говорим о том, что социальный работник должен быть психологом и психотерапевтом, то не имеем в виду профессиональную деятельность в качестве психолога или психотерапевта, а о профессиональных функциях, компонентах профессиональной деятельности социального работника. Это чрезвычайно важно, т.к. любая профессия, в том числе и социальная работа, имеет сферу компетентности.

Одновременно с этим нам хочется отметить, что для эффективной социальной работы в диадах «профессионал-личность» и «профессионал-группа» психологическая и психотерапевтическая компоненты являются исключительно важными, если не сказать основными.

В соответствии с этой логикой именно основные методологические принципы российской психологии и являются ведущими для формирования методологии социальной работы.

Как мы уже писали (Козлов, 1997), в приложении к социальной работе, методология психологии приобретает новые черты и особенности.

В прикладном аспекте социальной работы, каковыми является интенсивные интегративные психотехнологии (ИИПТ), методология имеет частный и конкретный характер. Но и при этом наблюдается преемственность с общенаучными и психологическими традициями.

Современная социальная работа в своем развитии приближается к формированию своей научной парадигмы. По нашим представлениям сам процесс этого формирования изменит наши понятия о смысле социальной работы, о ее содержании и механизмах.

На наш взгляд, научная парадигма социальной работы должна быть соизмерена с обыденностью человеческого существования и инструментально адаптирована к его проблемам жизни в обществе.

Мы уже описали те методологические принципы, которые могут стать некоторой базой для формирования парадигмы интегративных психотехнологий. Мы предполагаем, что они могут быть рассмотрены как принципы для формирования системы практической социальной работы на уровне «профессионал – клиент».

По этой причине хочется напомнить основные из них:

Первый принцип - целостный подход, который подразумевает системный анализ предмета науки. *Принцип целостности постулирует понимание человека как живой, открытой, сложной, многоуровневой самоорганизующейся системы, обладающей способностью под-*

держивать себя в состоянии динамического равновесия и генерировать новые структуры и новые формы организации.

Второй принцип - генетический рассматривается исходя из положений теории диссипативных структур (Никлис Г., Пригожин И., 1990). Неравновесные (диссипативные) структуры проявляют следующие свойства: избирательная неустойчивость, вероятностный отбор состояний, "режим обострения" в ходе эволюции системы, а также автономность, независимость собственной эволюции системы от начальных условий ее возникновения.

Третий принцип - принцип обусловленности, проявляется в следующих моментах при работе с клиентами:

- неравновесное состояние системы воздействует на линейную область, т.е. следствие влияет на вызвавшую его причину. Клиент в зоне дисбаланса может интерпретировать факты биографии из точки кризисного состояния и содержание интерпретации будет обусловлено неравновесным состоянием системы и исказить линейную область;

- содержательно одинаковые неравновесные состояния могут детерминировать различные векторы эволюции системы - прогрессивные и регрессивные и возможный содержательный континуум векторов (пример: одинаковый по содержанию личностный кризис может привести к суицидной попытке и к самоактуализации);

- содержательная цель трансформации и психотерапии, а также социальной работы, во многом определяет процесс его достижения.

Четвертый принцип - принцип позитивности обозначает центрированность специалиста и клиента на положительном опыте.

Использование принципа позитивности также обусловлено тем фактом, что человек, сонастроенный с положительными состояниями, является существом с высокой жизненной энергией, степенью самоактуализации, проявленности в жизни, в творчестве, в социуме.

Пятый принцип - принцип соотнесенности - необходимость учета интенсивности действия психотехнологии с уровнем сензитивности психики клиента на структуру, содержание и форму воздействия.

Шестой принцип - принцип многомерности истины - любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности, а также социально-психологических закономерностей групп и сообществ всегда будет неполным, а значит и неистинным.

При любом объяснении и понимании будет ряд неучтенных переменных, влияющих на поведение человека или группы и выведенные закономерности в индивидуальной психической реальности, групповом пространстве будут справедливы лишь при определенных условиях и с определенной (неопределенной) вероятностью.

Поэтому любое объяснение и понимание человека и групп может претендовать на жизнь и истинность.

Для нас важно как в научном, так и в прикладном аспектах, применение в социальной работе интенсивных интегративных психотехнологий. Поэтому мы хотим более подробно остановиться на содержании, структуре и стратегических моментах именно этого направления.

Как известно, понятие интеграции было введено в обиход европейской психологии Карлом Густавом Юнгом. Он понимал под интеграцией следующее:

- а) осознание конфликта между фрагментами сознания;
- б) принятие конфликтующих сторон как равных по значимости.

Смысл интеграции заключается в том, чтобы та область сознания, которая вытеснялась, подавлялась личностью, более не отвергалась. На уровне фрейдовской карты интеграция означает принятие и осознание того материала психической реальности, который изгонялся из сферы Эго в бессознательное при помощи защитных механизмов (подавление, вытеснение).

Интегративными психотехнологиями называются системы воздействия на личность, которые способствуют большей её целостности. Понятие “интеграции” в интегративных психотехнологиях было введено Джимом Ленардом (основателем движения вайвейшн). Джим Ленард понимал под интеграцией присоединение части к целому, где целым является сознание, личность, а частью вытесненный комплекс. До Д. Ленарда в интенсивных психотехнологиях было популярно понятие “высвобождение”, которое содержательно близко к понятию “катарсис” в психоанализе. Д.Ленард предложил целостную психотехнологию, которую обозначил как вайвейшн.

Понятие интеграции было более глубоко разработано среди психологов трансперсонального направления (С.Гроф, Р. Ассаджиоли, К. Уилбер, А. Маслоу).

Под интегративными психотехнологиями (“психе” - душа, “технос” - умение, навык, мастерство, “логос” – понятие, учение) понимаются совокупность концепций, методов, умений, навыков для достижения большей целостности и непротиворечивости личности, сознания, поведения и деятельности.

Интенсивность психотехнологий вызвана следующими причинами:

- огромным массивом кризисных состояний личности, высокой репрезентацией кризисной личности в социуме;
- сжатием времени, убыстрением и уплотнением энергоинформационных процессов в обществе и индивидуальном сознании;

- проявленной потребностью быстрого и эффективного, точного и безопасного разрешения проблем личности за счет расширения ресурсов самоосознания и рефлексии.

Интенсивные интегративные психотехнологии появились в начале 90-х годов в России в соответствии с теми проблемами, которые возникли перед социумом и личностью.

Интенсивные интегративные психотехнологии работают на следующих уровнях психики как живой, открытой системы:

а) физическом и психофизиологическом (работа с физическими, соматическими последствиями стрессов и стрессогенных ситуаций);

б) психологическом (разрешение внутриличностных проблем, личностная трансформация, психотерапия, достижение интеграции личности);

в) разрешение социально-психологических проблем личности (проблемы коммуникации и социальной интеракции, социальной адаптации, проявленности в общественных связях и отношениях);

г) разрешение проблем самоактуализации (расширение личностной свободы выбора; открытие внутренних, витальных, интеллектуальных, эмоциональных ресурсов; нахождение глубинной мотивации человека и приобретение права личностью проявить свою индивидуальность);

д) удовлетворение потребности личности в трансцендировании (нахождение психодуховных измерений личности, определение ответов на основные вопросы человеческого бытия и принятие права на “воплощенное” существование, “примирение человека с Богом”, просветление и “второе” рождение).

Интенсивные интегративные психотехнологии удовлетворяют качествам системности, многомерности, целостности.

Высокая адаптивность интенсивных интегративных психотехнологий (ИИПТ) обеспечивается следующими факторами:

- огромной предисторией использования (40 тысячелетий) методов и техник трансформации и интеграции личности;

- тесной связью с эмпирическими техниками самоинтеграции, которые используются людьми в обыденной жизни без теоретического осмысления;

- высокой мерой научности.

В ИИПТ существует огромное концептуальное поле, а также выверенные психофизиологические, социально-психологические, психологические исследования внутри картезианской парадигмы науки, что отвечает принципу научности. Теории и концепции ИИПТ обладают огромным разнообразием подходов (юнгианский глубинный анализ, психосинтез Р.Ассаджоли, расширенная карта бессознательного Станислава Грофа, спектр сознания К. Уилбера, концепция целостностей пси-

хической реальности В. Козлова, кластерная теория интеграции М. Щербакова, матричная теория С. Всехсвятского, информационная теория И. Пригожина и др.).

Теоретический пласт ИИПТ обладает следующими качествами:

- высокий динамизм;
- открытость;
- губчатость;
- тесная связь с практикой.

Теоретические представления при всем многообразии подходов и направлений имеют ряд общих свойств:

- нелинейность и многомерность пространства, времени и человеческого сознания;
- голографическая, голономная интерпретация психики;
- расширенные карты бессознательного;
- технологическое разрешение проблем с опорой на эмпирические практики;
- холистическая ориентированность трансформации.

Теория ИИПТ имеет следующие истоки:

- теософические (даосизм, буддизм, чань-буддизм, изотерическое направления мировых религий, философский мистицизм);
- голономная парадигма науки, сформированная в атомной физике и теории систем (теория относительности А. Эйнштейна, исследования Дэвида Бома и Карла Прибрама - голографическая модель мозга, теория шнура Джеффри Чью, теория диссипативных структур И. Пригожина).
- психолого-философские теории трансперсональной ориентации (Ст.Гроф, К.Уилбер, Ч.Тарт, Р.Дасс, Т.Маккена и др.)
- личностно-ориентированные психологические теории (У.Джеймс, З.Фрейд, В.Райх, О.Ранк, К.Г.Юнг, К.Роджерс, А.Маслоу, Ф. С. Пёрлз и др.).

Психотехнологии мы можем рассматривать на следующих уровнях:

- работа с телом (шаманские психотехники, ориентированные на тело; телесно-ориентированные психотехники, направленные на расширение осознания тела и телесности; фокусированная работа с телом в стилях: массаж (китайские, японские, европейские техники); райхианские техники; рольфинг; различные статические позы; динамические движения; ци-гун; тайцзыцюань; телесные медитативные практики; синтетический массаж; сегментарный массаж; биоэнергетика Боаделла; суфийские техники балансировки энергии; трансовые танцы; ритуальные

практики; холистический палсинг; система рейки; випассана; пранаяма и др.).

- индивидуально-психологический уровень (ребефинг; вайвейшн; холотропное дыхание; свободное дыхание; транзактный анализ; психосинтез; юнгианский анализ; суггестивные техники; аутотренинг; тренинги релаксации; техники переформулировки; игротехники; регрессия возраста; реинкарнационная терапия; различные дыхательные техники погружения; направленная визуализация; биографический метод; медитация; работа со снами; мандалотехника; терапия искусством (боди-арт, медитативная живопись и др.).

- социально-психологический уровень (коммуникативные тренинги; тренинги сензитивности; тренинги встреч; психодраматическое обыгрывание; ролевые игры; тренинг любящих взаимоотношений; гештальт; различные форматы работы: процессы "глаза в глаза"; суфийские ритуальные игротехники; обряды; групповые песнопения; групповые ритуальные взаимодействия; групповая динамика).

- психодуховный аспект (буддистские и даосские техники самоисследования; трансцендентальные медитации; дзогчен; психотехники дзень; глубинный опыт различных сессий из психоделических погружений и погружений в расширенное состояние сознания; молитвенные практики; практики аскезы; депривационные практики; направленные визуализации и идентификации; различные инициации).

Интенсивные интегративные психотехнологии, как правило, используют различные уровни измененного состояния сознания и для этого имеется колоссальный инструментарий по изменению состояний сознания.

Конечно, было бы неуместно говорить об интегративных психотехнологиях как о часто применяемом методе социальной работы с клиентами. Естественно эти техники совершенно неуместны, когда человеку необходимо оказать материальную помощь или осуществить небольшую юридическую консультацию по тому или иному вопросу. Но, когда речь идет о проблемах в семье, на работе, личностных проблемах (навязчивые страхи, физический дискомфорт, затянувшийся стресс), здесь уже можно использовать весь арсенал новых техник, чтобы облегчить ситуацию клиента.

При работе с клиентами, мы в первую очередь сталкиваемся со следующими моментами:

Во-первых - сам клиент, кто он? Ребенок, взрослый, мужчина, женщина - социально-демографический статус, возраст, образование и др.;

Во-вторых - проблемное поле, в чем проблема клиента? Внутренние психологические факторы, нарушения психического здоровья, социаль-

ная дезадаптация в виде конфликта в семье, на работе, различные фобии и др.

В-третьих - проблема выбора психотехнологии, каким образом систему человеческой психики, которая находится в дисбалансе, привести в состояние гармонии, интегрировать проблему?

Первый и второй момент, задается, как правило, ситуацией социальной работы. Третий же момент является наиболее проблематичным и требует больших знаний и опыта социального работника.

Для того, чтобы эффективно выбрать стратегию взаимодействия с клиентом и методы воздействия на него, на начальном этапе нужно провести углубленное собеседование, при необходимости с применением психодиагностических методик. То есть первый этап взаимодействия с клиентом для выбора правильной стратегии заключается в более глубоком проникновении в личность клиента, расширении представлений о проблемном поле клиента.

Для того, чтобы разрешение личностных проблем было эффективным, нужно соблюдать следующие условия:

- сонастроенность на состояние клиента;
- эмпатия;
- позитивная ориентация;
- незастревание на проблемном поле клиента.

При работе с клиентом есть одна очень существенная трудность, которая тормозит разрешение проблемы. Эта трудность связана с тем обстоятельством, что клиент уже нормально живет со своей проблемой, он прочитал много литературы о ней, некоторые даже наслаждаются сознанием собственной ущербности, и если резко разрешить их дискомфортную ситуацию, то они начнут искать в себе новую "болячку", чтобы сосредоточить на ней все свое внимание. Поэтому здесь многое зависит от умения социального работника создать притягательный образ жизни без этой проблемы, заставить клиента захотеть лишиться этой проблемы и забыть её. При работе особенно важно точно определить проблемное поле, не жалеть времени, чтобы вникнуть в проблему клиента, так как от этого зависит психическое и социальное «выздоровление» человека.

В то же время, как показывает опыт, часто адаптивные возможности личности к трансформации Эго, изменению ценностных ориентаций, направленности, мотивационно-потребностных структур ограничены. Также ограничены возможности социальной ниши, в которой обитает клиент, к восприятию и адаптации его трансформации. Ломаются старые стереотипы коммуникации, ролевые ожидания, что часто приводит к

частичной, а иногда полной дезадаптации личности. Человек уходит с работы, расстается с семьей и т.п.

Все это выдвигает требования к качеству взаимодействия специалиста с клиентом. Стратегия этого взаимодействия должна иметь системный характер и учитывать:

1. Особенности личности клиента;
2. Структуру и содержание материала, который интегрируется личностью;
3. Возможности и ограничения психотехник, используемых в процессе взаимодействия;
4. Обеспечение обратной связи;
5. Возможности системы поддержки и отслеживания в социуме.

Первый пункт выдвигает следующие требования:

- обязательное индивидуальное собеседование при групповой форме работы;
- соблюдение “закона восьми” (на одного специалиста не должно быть больше восьми клиентов);
- владение специалистом профессиональными психологическими знаниями и навыками для исследования личности.

Второй пункт обладает чрезвычайной важностью в стратегии взаимодействия. Если специалист не представляет сложной внутренней архитектоники материала, интегрируемого личностью, то это, как правило, приводит к методологическим ошибкам, потере эффективности трансформационной работы, иногда к деструктивным изменениям в личности клиента.

Вне сомнения, можно надеяться на интуицию, спонтанность сознания и внутреннюю мудрость человеческой психики. Но опыт показывает, что опора на профессиональные знания и элементарные научные представления о психическом делают качество взаимодействия гибче, многограннее и, самое главное, в возможном соответствии с внутренней картиной происходящего.

Третий пункт предполагает, что специалист по социальной работе имеет не только теоретические представления о психотехниках, но и владеет ими. В психоанализе является закономерностью то, что прежде чем психоаналитик приступает к работе с клиентами, он проходит сам психоанализ. Мы считаем, что прежде, чем социальный работник приступит к работе с использованием различных психотехник, он сам должен их пройти, испытать их во внутренней работе с самим собой. Это выдвигает требование к учебным программам в вузе и программам переподготовки в их особой практической психотехнической ориентированности.

Четвертый пункт предполагает то, что социальный работник должен иметь время и возможности для получения обратной связи от своих клиентов. В профессиональном отношении вуз обязан формировать навыки проведения рефлексивного, чуткого, открытого собеседования с клиентом.

Пятый пункт является чрезвычайно сложным в организационном аспекте в силу дефицита времени социального работника и высокой плотности трудового графика. Одновременно он является определенным критерием эффективности работы и способом контроля за процессом социализации клиента.

Все пять пунктов в их синтезе открывают широкие возможности в повышении эффективности, корректности и точности социальной работы.

В психотехнологическом обеспечении социальной работы в настоящий момент больше вопросов, чем ответов. Существует огромное количество моделей и подходов. Это показывает, что эта тема в социальной работе является перспективной как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Список литературы.

1. Гроф С. Путешествие в поисках себя: Измерение сознания. Новые перспективы в психотерапии и исслед. внутр. мира: Пер. с англ. - М., Издательство Трансперсон. Ин-та, 1994, - 338 с.
2. Козлов В.В. Истоки осознания - М., 1997 -363 с.
3. Козлов В.В. , Бубеев Ю.А. Измененное состояние сознания: психология и физиология. М., 1997 - 197с.
4. Козлов В.В.. Парадигма интегративных психотехнологий. /Психологический пульс Ярославля// Сб. под ред. В.В.Новикова –М., Ярославль,1998 – С.140-156.
5. Козлов В.В. Три аспекта психотехнологий в социальной работе. Психотехнологии в социальной работе. / Сб. под. ред. Козлова В.В. - Ярославль, 1997, с. 9 -19.
6. Пути за пределы “эго” . Под ред. Роджерса Уолша и Фрэнсис Воон. - М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. - 318 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. - М.: Прогресс, 1986.- 432 с.
8. Ребенок и пространство. Семь шагов к истине. / Сб. под. ред. В.В. Козлова. - М.; 1996. -197 с.
9. Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Теория и практика личностно-ориентированной психологии. Том 1. - М., “Три Л”, 1996. -208 с.

10. Фромм Э. Человек для себя. /Пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. - Мн. : “Коллегиум”, 1992- 253 с.

11. Этюды о новой психотерапии / Под ред. В.В. Козлова. - Мн., 1995 - 192 с.

ТЕХНИКИ АДАПТАЦИИ К КРИТИЧЕСКИМ СИТУАЦИЯМ

Албегова Ирина, ЯрГУ

Критические ситуации в самом общем виде можно охарактеризовать как ситуации, порождающие дефицит смысла в дальнейшей жизни человека.

Условия современной России способствуют тому, что большое количество людей постоянно оказывается в такого рода ситуациях. В связи с этим принципиально важной является проблема адаптации к критическим ситуациям. Одним из способов решения данной проблемы является изучение наиболее распространенных механизмов адаптации к ним, разработка на их основе приемлемых техник и обучение таковым.

Современная психологическая наука предлагает четыре ключевых понятия, которыми можно описать критические ситуации: стресс, фрустрация, конфликт, кризис.

Стресс можно определить как неспецифическую реакцию организма на ситуацию, которая требует большей или меньшей функциональной перестройки организма, соответствующей адаптации к данной ситуации. Важно иметь в виду, что любая новая жизненная ситуация вызывает стресс, но далеко не каждая из них бывает критической. Критические ситуации вызывает дистресс, который переживается как горе, несчастье, истощение сил и сопровождается нарушением адаптации, контроля, препятствует самоактуализации личности.

Фрустрация (лат. - frustratio - обман, тщетное ожидание, расстройство) определяется как состояние, вызванное двумя моментами: наличием сильной мотивированности достичь цель (удовлетворить потребность) и преграды, препятствующей этому достижению.

Преградами на пути к достижению цели могут оказаться внешние и внутренние причины различного характера: физические (лишение свободы), биологические (болезнь, старение), психологические (страх, интеллектуальная недостаточность), социо-культурные (нормы, правила, запреты), материальные (деньги).

Степень выраженности состояния фрустрации может быть различной и зависит от многих факторов (пол, возраст, характер цели, структура личности, разного рода обстоятельства).

Имея в виду отдельного человека, можно говорить о различных степенях перехода ситуации затруднения деятельности в ситуацию, когда трудность оказывается непреодолимой.

Результатом фрустрации является изменение поведения личности. Прежде всего может наблюдаться потеря волевого контроля поведения и, как следствие, его деградация (от странностей в поведении до ярко выраженного девиантного).

Не исключается снижение мотивации достижения цели, отказ от нее в результате переключения на другую или потеря ее актуальности. Это же может произойти в результате изменения физического состояния человека. Например, человек сильно заболевает и ему ничего не надо.

Конфликт как критическая психологическая ситуация предполагает наличие у человека довольно сложного внутреннего мира и актуализацию этой сложности в соответствии с требованиями жизни, то есть привлечение этой сложности с целью последующего использования.

Обычно причины, порождающие конфликт не являются такими самоочевидными, ясными для самого человека. Они не представляют безусловного запрета, “табу” и всегда сплетены с условиями проблемной задачи.

В случае конфликта именно сознание должно соизмерить ценность мотивов, сделать между ними выбор, найти компромиссное решение. С критической же ситуацией мы имеем дело тогда, когда субъективно невозможно ни выйти из данной конфликтной ситуации, ни найти приемлемого решения, в результате чего сознание капитулирует перед неразрешимой задачей.

Кризис (греч. - crisis - решение, поворотный пункт) характеризует состояние, порождаемое вставшей перед индивидом проблемой, от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом. В качестве примера такой проблемы можно привести тяжелое заболевание, изменение внешности, резкое изменение социального статуса, смерть близкого человека и тому подобное.

Обычно выделяют два типа кризисных ситуаций. Основа их выделения - возможность, которую они оставляют для человека в реализации последующей жизни.

Кризис первого типа - это серьезное потрясение, сохраняющее определенный шанс выхода на прежний уровень жизни. Например, человек, оставшийся в силу определенных причин без работы, имеет шанс ее найти снова.

Ситуация второго типа - собственно кризис - бесповоротно перечеркивает имеющиеся жизненные замыслы, оставляя в виде единственного выхода из положения модификацию самой личности и ее смысла жизни. Все критические ситуации от сравнительно легких до самых трудных (стресс, фрустрация, конфликт и кризис) требуют от человека различной внутренней работы, определенных умений по их преодолению и адаптации к ним.

Можно сказать, что вся человеческая жизнь в основном есть история преодоления критических ситуаций, обстоятельств и содержит множество примеров их успешного преодоления. Его характер зависит прежде всего от уровня интеллектуального развития личности и ее отношения к окружающему миру.

Различают четыре типа деятельности по преодолению критических ситуаций. Так, в гедонистическом типе игнорируется совершившийся факт. Человек внутренне искажает и отрицает его; он говорит: "Ничего страшного не случилось". Далее человек формирует и поддерживает иллюзию благополучия и сохранности нарушенного содержания жизни. По сути, это - защитная реакция инфантильного сознания.

Реалистическое переживание или реалистический тип преодоления критических ситуаций базируется на принципе реальности. В его основе лежит механизм терпения, трезвого отношения к тому, что происходит. Человек в конечном итоге принимает реальность случившегося, приспосабливает свои потребности и интересы к новому смыслу жизни.

При этом бывшее содержание жизни, ставшее теперь невозможным, бесповоротно отбрасывается. Человек в данном случае имеет прошлое, но теряет историю. Примером такого типа преодоления критических ситуаций может служить чеховская Душечка, проживавшая на страницах небольшого рассказа несколько жизней.

Ценностный тип преодоления критических ситуаций признает наличие критической ситуации, повреждающий смысл жизни, но отвергает пассивное принятие удара судьбы. По сути строится новое содержание жизни в связи с понесенной утратой. Например, потерявшая мужа жена стремится полностью заменить детям отца или же завершить начатое им дело.

Ценностный тип может достичь и более высокого постижения смысла жизни, если он ориентирован на самоуглубление и самопознание. Человек при этом осмысливает жизнь в большом плане и распознает то, что в ней истинно значимо, приобретает житейскую мудрость. Именно она позволяет человеку сохранить верность ценности вопреки очевидной абсурдности и безнадежности такой позиции. Примером ценностного типа преодоления критических ситуаций может служить

нравственное поведение, законом для которого являются собственные моральные принципы, а не внешние обстоятельства, какими бы жестокими они не были.

Другим типом преодоления данных ситуаций является творческий, или поведение сложившейся волевой личности, которая в критических ситуациях сохраняет способность сознательно и самостоятельно искать выход из критического поведения, благодаря имеющемуся социальному опыту.

Результатами такого поведения могут быть или восстановление прерванной кризисом жизни, ее возрождение, или перерождение ее в другую, по существу, иную жизнь. В любом случае это порождение собственной, обязательно деятельной жизни, самосозидание, самостроительство, то есть творчество, именно оно является предпосылкой подвига.

Все описанные типы преодоления критических ситуаций по сути являются идеальными и в обычной жизни в чистом виде встречаются редко.

Реальный процесс преодоления чаще всего включает в себя несколько типов или их вариантов. При этом степень сохранности личности зависит от того, какой из них доминирует. Гедонистический тип даже в случае успеха может привести к регрессу личности, реалистический удерживает ее от деградации; ценностный и творческий являются исходными для духовного роста и совершенствования личности.

Учитывая эти факты, можно говорить о наиболее успешных, уже апробированных жизнью, техниках адаптации к критическим ситуациям. Некоторые авторы в основу своих систем адаптации кладут сочетание аутогенной тренировки и контроля поведения. Так, например, Ю.Б.Темплер¹ разработал аутотренинг, состоящий из упражнений по формированию определенного ритма жизни (ритма движений, чтения, разговора, мышления); активное использование природы и искусства; мобилизации веры, воли и воображения, а также овладение приемами психологической защиты.

Надо отметить, что приемы психологической защиты играют особую роль в профилактике и преодолении дезорганизации и дезадаптации психики, повышают ее устойчивость к критическим ситуациям, служат важным техническим способом выхода из них.

1. Подробнее см.: Темплер Ю.Б., Ландышев Ю.С. Болезни адаптации и их психопрофилактика. - В кн.: Валеология. Сб. научн. трудов СПб. Наука. 1993 г. с.74-85 .

Психологическая защита может быть более или менее осознанной и выражаться в различных формах. Именно она лежит в основе многих рекомендаций, направленных на улучшение общения с людьми и предотвращения эмоционального стресса. В этом плане несомненный интерес представляют рекомендации Дейла Карнеги².

Конкретными приемами психологической защиты являются: перенос, переключение, сравнение, изменение масштабов событий, накопление радости, мобилизация юмора, отчуждение, интеллектуальная переработка, “клин клином”, разумный эгоизм, разрядка, использование интуиции, создание мысленного барьера, разного рода релаксации, самовнушение.

Среди техник самовнушения можно отметить метод СОЭВУС, разработанный академиком Г.Н.Сытиным и получившим достаточно широкое распространение в России³. СОЭВУС - это метод словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием человека. В его состав входят : исцеляющие настроения (тексты), принципы построения настроев, методика их усвоения и приемы самовнушения, а также пути использования данного метода в разных условиях и с разными целями.

К числу психологических защит относятся и дианетика Хаббарда или современная наука душевного здоровья⁴, и техника самосовершенствования с элементами глубокой релаксации, перефокусировки и обновления человеческого духа, разума и тела, основанная на технике дыхания (техника ребефинга)⁵, и даже, казалось бы такие известные методы и способы избегания дистрессов, как поддержание определенного образа жизни, индивидуального для каждого человека; полноценный сон, сбалансированное питание, баня, спортивные занятия, хоровое пение и т.д.

² Подробнее см.: Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. В.П.Зинченко и Ю.М.Жукова. - СПб. “Лениздат” 1992. - 708с.

³ Подробнее см.: Сытин Г.Н. Животворящая сила или сотвори себя сам. СПб. 1993. 415с.

⁴ Хаббард Л.Рон. Дианетика. Современная наука душевного здоровья : Учебник по Дианетике / Пер. с англ. под общ.ред. М.И.Никитина. - М.: Воскресенье, Нью Эра Паббликейшенс Груп (совм. изд.), 1993. - 576с.

⁵ Леонард Дж., Лаут Ф. Ребефинг, Спб. , 1993 г.

Часто в основе техник адаптации к критическим ситуациям лежит практический опыт их преодоления. Например, Анатолий Гостюшин описал такой опыт в Энциклопедии экстремальных ситуаций⁶.

В настоящее время имеет место достаточно много практических рекомендаций по выходу из различного рода конкретных критических ситуаций. Среди них и потеря работы, и профилактика собственной безопасности, и быстрое снятие стресса.⁷

Учитывая, что в современной России число критических ситуаций достаточно велико, характер их весьма разнообразен, то одним из практических выходов помощи людям по их преодолению является создание рода центров (психологической помощи, психокоррекции, социальной адаптации и т.д.), где не только может быть оказана экстренная психосоциальная помощь, но и будут организованы курсы по обучению конкретным техникам адаптации к такого рода ситуациям.

Список литературы:

1. Албегова И.Ф. Техника трудоустройства в социальной адаптации населения. В сб. "Психотехнологии в социальной работе". Вып. 1. Под ред. В.В.Козлова, г.Кострома, 1996, с.53-57.
2. Гостюшин А. Энциклопедия экстремальных ситуаций. М., "Зеркало". 1994. 251с.
3. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики : Введение в психологию активности. М., "Политиздат". 1987, 286 с.
4. Как обеспечить личную безопасность. Практич. реком. М., "МиК", 1993, 32с.
5. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. / общ. ред. и предисловие В.П. Зинченко и Ю.М.Жукова. - Спб. "Лениздат", 1992, 708 с.
6. Леонард Дж., Лаут Ф. Ребефинг. Спб. 1993 .

⁶ Гостюшин А. Энциклопедия экстремальных ситуаций. М."Зеркало", 1994 г., 251 с.

⁷ См., например :Поляков В., Яновская Ю., Как получить хорошую работу в новой России, М. "ИНФРА-М", 1995, 170 с.; Как обеспечить личную безопасность. Практич. реком. М. "МиК", 1993, 32 с., Шнайнер К. Как снять стресс: 30 способов улучшить свое самочувствие за 3 минуты. М.,изд. Группа "Прогресс", "Универс", 1993, 273 с., Симмонс Дж. Л., Мак-Колл Дж. : 76 способов защитить вашего ребенка от преступников - СПб: Питер. Пресс, 1995, 192 с. Албегова И.Ф. Техника трудоустройства в социальной адаптации населения. В сб. "Психотехнологии в социальной работе". Вып. I . Под. ред. В.В.Козлова, г.Кострома, 1996, 53-57 с.

7. Меерсон Ф.З. Общий механизм адаптации и профилактики. М."Наука". 1973.
 8. Поляков В., Яновская Ю. Как получить хорошую работу в новой России. М. - ИНФРА - М, 1995, 170с.
 9. Селье Г. Стресс без дистресса. М."Прогресс", 1979.
 10. Симонс Дж. Л., Мак - Колл Дж. Семьдесят шесть способов защитить вашего ребенка от преступников. СПб, Питер Пресс, 1995, 192с.
 11. Стресс жизни: Сборник. ТОО "Лейла", СПб, 1994, 386 с.
 12. Сытин Г.Н. Животворящая сила или помощи себе сам. СПб. 19093, 415 с.
 13. Темплер Ю.Б. , Ландышев Ю.С. Болезни адаптации и их психопрофилактика. В кн.: Валеология. Сб.научн. трудов. СПб. "Наука" .1993, с. 74-85.
 14. Тиграян Р.А. Стресс и его значение для организма. М."Наука" 1988, 176 с.
 15. Хаббард Л. Рон . Дианетика. Современная наука душевного здоровья: Учебник по Дианетике / Пер. с англ. пол общ. ред. М.И.Никитина, М. "Воскресенье", Нью Эра Паббликешенс Груп (сов. изд.). 1993, 576с.
- Шнайнер К. Как снять стресс: 30 способов улучшить свое самочувствие за 3 минуты. М."Прогресс", универс., 1993. 273с.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ВХОЖДЕНИЯ В РСС НА СКОРОСТЬ СЕНСОМОТОРНОЙ РЕАКЦИЙ .

Антонова Любовь, Козлов Владимир

В последние годы появилось достаточное количество исследований , посвященных изучению воздействия , которое оказывает РСС на физиологию человека и его личностные особенности . Необходимость подобных исследований очевидна : нужно знать , каким образом данный способ терапии воздействует на клиента , какие изменения происходят на личностном , физиологическом , психофизиологическом и других уровнях . Кроме того, это позволяет подвести серьезную научную базу под это направление в психологии и психотерапии.

В настоящей статье содержатся материалы , полученные при исследовании воздействия РСС на когнитивную сферу человека, и в частности, на скорость сенсомоторных реакций .

Исследование проводилось в августе - октябре 1997 г. в г. Новосибирске .

Использовалась стандартная методика исследования сенсомоторной сферы и внимания - отыскивание чисел по таблицам Шульте . Каждому испытуемому предлагалось отыскивать числа по порядку от 1 до 25 ,показывая указкой и называя их вслух на 4-х черно-белых таблицах. При этом оценивалось время , затраченное на каждую .Тестирование проводилось за 15 минут до процесса свободного дыхания и через 15 минут после него .

В исследовании приняло участие 20 человек , из которых : женщин - 14 ч. (70%) , мужчин - 6 ч. (30%) . В возрасте 21- 35 лет - 17 ч. (85%) , 36 -60 лет - 2 ч. (10%) , до 20 лет - 1 ч. (5%) .

Неполное высшее образование имело - 3 ч. (15%) , высшее - 17 ч. (85%) , среди которых преподавателей ВУЗа - 6 ч. (30%) , имеющих ученую степень кандидата наук - 6 ч. (30%) .

При оценке результатов тестирования , было выявлено , что исходный уровень скорости поиска в среднем по каждой из 4-х таблиц в выборке распределялся следующим образом : высокий темп (до 30 сек .) показало 4 ч. (20%) , средний - (31-40 сек.) - 13 ч. (65%) , ниже среднего - (41-50 сек.) 1 ч. (5%) , низкий - (51 сек. и выше) 2 ч. Т . е. 35% обследованных имели отклонения от средних значений .

Аналогичное исследование после процесса показало что высокая скорость поиска отмечалось теперь у 5 ч. (25%) , средняя - у 11 ч. (55%) , ниже средней - у 3-х ч. (15%) , низкая - у 1 ч. (5%) .

Таким образом , отклонения от среднего значения наблюдалось у 45 % человек .

Полученные данные приведены в таблице № 1.

Таблица №1.

Распределение скорости поиска.

Скорость Чтения	Высокая		средняя		н. средней		низкая	
	Мср	%	Мср	%	Мср	%	Мср	%
до процесса	28,4 сек.	20 %	34,2 сек.	65 %	41,5 сек.	5%	71,2 сек.	10 %
Стандартное Отклонение	0,3-0,7		1,6-2,6		0		3,5-5	
После про-	21,	25%	35,1	55	44,8 сек.	15	102,5	5%

цесса	7 сек		сек.	%		%	сек.	
Стандартное Отклонение	0,2-2,1		0,2-2,9		0,9-1,7		0	

Таким образом , средняя арифметическая скорости чтения после процесса увеличилась по сравнению с исходной во 2, 3, 4 группах и уменьшилась в 1-й .

В данной работе за критерий изменения была взята разница между скоростью поиска до процесса связанного дыхания и после него по каждой из 4-х таблиц , а также характер изменения кривых . Для удобства оценки были выделены 3 подвыборки , различающиеся степенью изменений :

1. Умеренные изменения (до 5 ед.) ,
2. Средние (6-10 ед.) ,
3. Высокие (более 11 ед.) .

(Ед . изменения - разница между первоначальным и конечным результатами) . Кроме того , было выделено еще 2 подгруппы: с замедлением скорости сенсомоторной реакции и с увеличением ее, т.к. отклонения отмечались и в ту и в другую сторону .

Полученные данные указаны в таблице №2.

Таблица №2

Характеристика скорости СР.

Характер сдвига	Замедление скорости сенсомоторных реакций											
	1			2			3			4		
№ п/п таблицы	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
степень изменен.	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Абсолютное кол.	4	6	3	2	2	6	5	2	2	4	2	4
относит. кол-во,%	20	30	15	10	10	30	25	10	10	20	10	20
Мср ед. изменения	3.	7.	15.	4.	6	13	1.8	7.5	13.	2.7	7.5	12.7
	25	9	3	5		.3			5	5		
без изменений				5 %			5%			5%		
Характер сдвига	Увеличение скорости сенсомоторных реакций											
№ п/п таблицы	1			2			3			4		
степень изменен.	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Абсолютное кол.	3	1	3	4	4	1	2	5	3	3	4	2

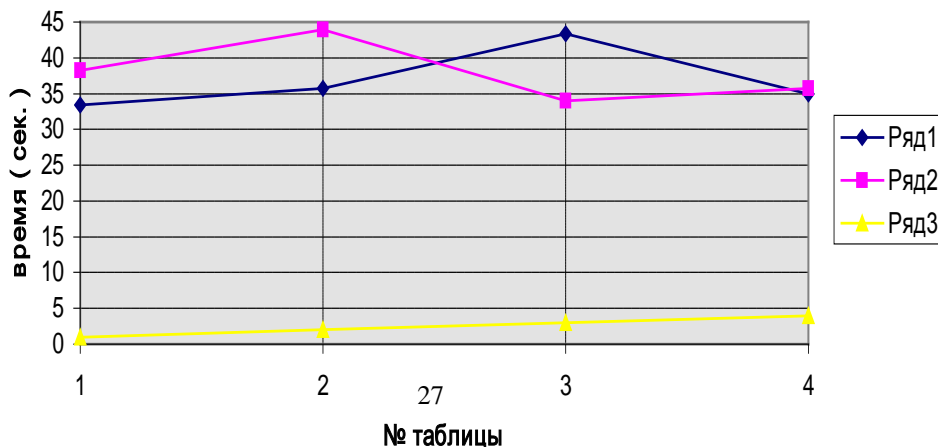
относит. кол-во, %	15	5	15	20	20	5	10	25	15	15	20	10
Мср ед. изменения	3	6	12	3	7.	16	3	7.2	21	1.3	7.7	13
					5							
без изменений												

Из таблицы №2 видно , что увеличение скорости реакции наблюдалось в 43,7 % . Из них умеренные изменения были в 15% случаев , средней степени - 17,5% , высокой - 11,2% . Замедление скорости сенсомоторной реакции отмечалось в 52% случ. , при этом умеренные изменения наблюдались в 18,75 % , средние - 15% , высокие - 18,75 % . Изменения отсутствовали в 3,7 % случаев .

Для того , чтобы выяснить характер изменения подвижности сенсомоторных реакций у обследуемых в ходе эксперимента , т. е. определить как изменяется скорость поиска от замера к замеру и сравнить между собой исходные и конечные значения , была подсчитана средняя арифметическая времени , затраченного на каждую из проб в обеих подвыборках .И таким образом Мср до процесса составило в 1 замер - 33,4 сек , во 2-й - 35,7 сек. , в 3-й - 43,4 сек. , в 4-й - 35 сек. После процесса Мср : 1 замер. - 38,2 сек. , 2 - 43,9 сек. , 3 - 34 сек. , 4 - 35,7 сек.

Приведенный ниже график показывает , что до процесса связного дыхания , скорость реакции постепенно замедляется к 3-му замеру , что связано , вероятно с развитием утомления , а к 4-й пробе наступает вработываемость и скорость возвращается к исходным величинам . При анализе кривой после процесса , отмечается замедление скорости по-

характер кривых

иска в 1-й и 2-й таблицах и резкое ее увеличение к 3-й и 4-й .Т.е. вначале преобладают тормозные реакции , но очень быстро развивается работоспособность , и скорость поиска возрастает до величин , наблюдаемых до процесса , при этом не отмечается признаков утомления .
(волнистая кривая - после процесса , прямая - до процесса)

Таким образом , данное исследование показало что после вхождения в РСС отмечается как снижение так и увеличение скорости сенсомоторной реакции с несколько большим перевесом в сторону ее замедления . При этом, наблюдается нарастание тормозных процессов в течение первой половины исследования и более быстрое восстановление подвижности реакций (по сравнению с исходными значениями) до нормы в течение 2-й половины . Что говорит о повышении адаптивности нервной системы к нагрузкам после процесса , несмотря на первоначальное снижение скорости реакции .

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЫХАТЕЛЬНЫХ ПСИХОТЕХНИК В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ТЕРАПИИ НЕВРОЗОВ.

Белякова Юлия, Тумаркин Денис, г.Владимир

Психотехнологии, основанные на связном дыхании, с каждым годом все активнее внедряются в существующее психотерапевтическое пространство. Несмотря на известные расхождения в концептуальных моделях традиционной психиатрии и новых психотерапевтических подходах с использованием расширенных состояний сознания, последние уже доказали свою эффективность и, следовательно, право на применение в качестве метода психотерапии. Одним из примеров сближения может служить издание пособия по клинической трансперсональной психотерапии для врачей [1].

Как указывал С. Гроф, на терапевтическом пути с помощью эмпирических техник невротический пациент зачастую находится в более «выгодном» положении, чем «человек без проблем». Невротический симптом можно рассмотреть как незначительную часть мощной энергетической структуры, проходящей через все уровни сознания - биографический, перинатальный и трансперсональный и тесно связанной с динамическими управляющими системами (СКО и БМП). В расширенном состоянии сознания открывается доступ к глубинным к глубин-

ным корням симптома, перинатальной энергетике, трансперсональным переживаниям, включаются естественные механизмы интеграции и самоисцеления, которые в особом терапевтическом пространстве могут вывести личность на более высокий экзистенциальный уровень. Следовательно, симптом - это своеобразный путь в глубины сознания, путь к интеграции личности.

С целью оценки эффективности холотропной терапии в клинической практике лечения пограничных состояний нами было проведено исследование в условия определения невротизации Владимирской областной психиатрической больницы № 1 во время специально организованного 5-дневного корректирующего модуля холотропного дыхания (с 30 марта по 4 апреля 1997 года).

В качестве критерия оценки эффективности терапевтического процесса мы решили использовать показатели изменения самоотношения клиентов, оцениваемые по методике МИС (Методика Исследования Самоотношения), включающей следующие шкалы: открытость, самоуверенность, саморегуляция, отраженное самоотношение, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение.

В качестве дополнительного средства использовалась методика САН (Самочувствие - Активность - Настроение), позволяющая оценить самочувствие, активность и настроение испытуемого на момент предъявления теста.

Основные гипотезы нашего исследования:

Прохождение курса холотропной терапии приводит к значимо отличающимся от начальных открытости, самоуверенности, саморегуляции, отраженного самоотношения, самооценочности, самопринятия, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения.

После прохождения тренинга улучшается самочувствие, активность и настроение клиентов.

Применение практик холотропной терапии при отсутствии медицинских противопоказаний и правильной организации терапевтического пространства может дать хороший эффект при лечении невротизации.

Описание методик и техник

Программа занятий была построена как классический корректирующий модуль холотропной терапии .

Музыкальная подборка составлена в соответствии с рекомендациями, изложенными в книге С. Грофа «Путешествие в поисках себя»[2].

Использовалась структура музыкального сопровождения холотропного сеанса, описанная В. Козловым [3].

Длительность каждого этапа варьировалась пропорционально продолжительности конкретного процесса, а также динамике изменения состояния у пациентов.

В ходе тренинга было использовано более 50 компакт-дисков.

Данные о выборке

Набор участников в группу холотропной терапии производился из числа пациентов отделения по рекомендации лечащего врача на добровольной основе. Среди участников присутствовал один человек ранее принимавший участие в тренинге личностного роста, построенном на применении ИИПТ, не являющийся пациентом отделения. Необходимость его участия объясняется предположением ведущих о том, что люди ранее успешно прошедшие подобные тренинги, являются катализатором групповой динамики, связующим звеном между терапевтами и участниками, а также создают у участников настрой на положительный результат занятий и помогают создать «атмосферу безопасности» (снизить уровень тревожности).

Общая выборка - 10 человек:

мужчин - 4, женщин - 6;

возраст от 19 до 51 года;

Уровень образования:

высшее - 4;

незаконченное высшее (студенты) - 1;

средне специальное - 3

среднее - 2.

В числе участников группы присутствовали: 3 человека с диагнозом неврастения, 3 человека с диагнозом невротическая депрессия, 2 человека - психопатия истерического круга, 1 человек - ипохондрический невроз.

В большинстве случаев пациенты до прихода в группу проходили медикаментозное лечение; за сутки до начала работы в группах психотропное лечение было отменено (на неотропы и общеукрепляющее лечение ограничений не вводилось). Предварительная лекарственная терапия в данном случае имела свои плюсы - пациент мог достаточно плавно перейти от традиционной терапевтической модели к интенсивным психотехнологиям. Разумеется, медикаментозная терапия оказывала влияние на актуальное состояние пациентов к началу групповой работы, но в целом ментальные, эмоциональные и телесные проявления были представлены достаточно отчетливо и соответствовали клинике неврозов.

Процедура исследования

Одним из показателей невротических личности является неадекватность самооотношения. По нашему предположению, при явных положительных сдвигах в состоянии должно измениться и самооотношение, что можно оценить, используя тест МИС (Методика Исследования Самоотношения). Эта методика предполагает возможность положительного или отрицательного ответа на 110 вопросов, сгруппированных в 9 шкал, позволяющих оценить параметры самооотношения, названные выше. Окончательный вариант обработки представляется в 10-бальной системе.

Тест предлагался участникам тренинга в следующем порядке:
1-ое предъявление - до начала занятий (30.03.97.)
2-ое предъявление - после окончания занятий (04.04.97.)

Полученные результаты, их обработка и интерпретация

Математическая обработка теста заключалась в подсчете баллов по каждой из 9-ти шкал, в переводе их в стеновые и нахождении среднеарифметических значений по каждой шкале для обоих предъявлений. Также была проведена вторичная математическая обработка результатов с целью определения значимости произошедших изменений. Для этого полученные значения по каждой шкале были сведены в три условных группы:

- От 1 до 3х стенов - низкое значение;
- От 4х до 7 стенов - среднее значение;
- От 8 до 10 стенов - высокое значение.

Обработка результатов проведенного исследования дает основания утверждать, что наша гипотеза о том, что прохождение курса холотропной терапии приводит к значимым положительным изменениям по показателям: внутренняя честность, самоуверенность, саморуководство, отраженное самооотношение, самооценность и самообвинение подтвердилось.

По показателям: самопринятие, самопривязанность и внутренняя конфликтность произошли изменения, но они статистически незначимы.

Результаты полученные по методике САН и их обработка

В начале и в конце исследования (30.03.97. и 04.04.97), непосредственно до и после процесса участникам тренинга был предложен тест САН в варианте В.А. Доскина [4]. Это бланковая методика для оперативной оценки самочувствия, активности, настроения. сущность оценивания заключается в том, что испытуемых просят соотнести свое со-

стояние с рядом признаков 30 семибальных биполярных шкал. Данные заносились в карту опросника САН.

Математическая обработка заключалась в нахождении среднеарифметического показателей: самочувствия, активности, настроения по 1 и 2 предъявлениям.

Также была проведена вторичная математическая обработка результатов с целью определения значимости произошедших изменений. Для этого полученные значения были сведены в 4 условных группы. Значения были проверены на статистическую достоверность.

На нашей выборке были получены усредненные тестовые значения среднеарифметической:

самочувствие: по 1 предъявлению - 3,91

по 2 предъявлению - 4,87.

Усредненное значение показателя повысилось на 0,96 (25,6%)

активность: по 1 предъявлению - 3,95

по 2 предъявлению - 4,68.

Усредненное значение показателя повысилось на 0,73 (17,5%)

настроение: по 1 предъявлению - 4,07

по 2 предъявлению - 4,64.

Усредненное значение показателя повысилось на 0,57 (12,2%)

Таким образом, гипотеза о значимых изменениях, которые произошли в состоянии участников тренинга экспериментально подтвердилась: самочувствие, активность, настроение значительно улучшились, что мы можем утверждать, допуская ошибку не превышающую 0,1 %.

Выводы

Обобщение результатов основной и дополнительной методик исследования позволяет с достаточной степенью, точно - утверждать, что в результате проведения 5-дневного цикла занятий холотропного дыхания у участников тренинга происходят значимые положительные изменения самоотношения, а также самочувствия, активности, настроения. это позволяет судить о том, что проведение занятий холотропной терапии в клинических условиях лечения пограничных состояний является в достаточной степени эффективным и может быть рекомендована к применению. Следует отметить, что занятий оказались особенно эффективными для пациентов с диагнозом «невротическая депрессия» и «неврастения» (все они были выписаны из больницы не позднее чем через неделю с момента окончания занятий). В случаях же с психопатией истерического круга и ипохондрическим неврозом пациентам пришлось продолжить медикаментозное лечение, хотя и в их случаях было

отмечено улучшение клинической картины течения заболевания и значительно снижено доза лекарственных средств.

Литература

1. Клиническая трансперсональная психотерапия (пособие для врачей) ГНЦССП им. Сербского, М., 1996 г.
2. Гроф С. Путешествие в поисках себя. - М., 1994 г.
3. Козлов В.В. Истоки осознания. Теория и практика интегративных психотехнологий. - Минск., 1995 г.
4. Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики. - М.: МГУ, 1989 г.

НОВОЕ ОБЩЕСТВО - НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Веремеенко Наталия, Цыганенко Майя, г. Кустанай

Мы переживаем трудный и во многом противоречивый этап переходного периода, который характеризуется массовыми изменениями во всех сферах нашей жизни и, в первую очередь, в менталитете и в сознании людей. Сложности этого времени обусловлены воздействием ряда факторов, влияние которых адекватным образом не осмыслено до сих пор: это и распад Союза с разрушением общественно-экономического строя, и смена идеологий, и становление суверинитета и независимости Республики Казахстан, как нового, полноправного полиэтнического государства. Влияние каждого фактора в отдельности ведет к глобальным изменениям в обществе, в сознании людей, а интегрированное воздействие ряда перечисленных факторов практически не поддается осмыслению и прогнозированию одновременно и целиком. Кардинальное изменение курса развития Казахстана направлено на обновление, улучшение, оптимизацию жизни людей в целом, но в основе своей - это тяжелый кризис. При этом общесоциальный кризис все же определяется, в первую очередь, тем, что тотально меняется сам человек - это кризис человека, его материальной и духовной культуры, мировоззрения и самосознания, всей системы его отношений к другим людям и к самому себе. В такой период остро осознается человеком проблемность своего существования.

Происходящие изменения, особенно порождаемые сменой идеологий, можно определить как структурную перестройку и обновление системы ценностей. Прежняя система ценностей была жестко регламентирована и подстегивалась различными социальными воздействиями.

После распада Советского Союза эта система ценностей вследствие своей ригидности, трансформируется болезненно и масштабно.

Динамичность и напряженность происходящих вокруг перемен заставляет человека по новому осмыслить и оценить реалии дня, чтобы занять собственное достойное место в жизни общества. В поиске находятся все, и люди взрослые и молодежь. Взрослым сложно адаптироваться и приспосабливаться в нынешних, новых для них условиях, но реально, изменив сложившуюся систему ценностей.

Иное дело - молодежь, как социально-перспективное будущее страны. Их сензитивный период формирования ценностей пришелся на этап духовного, нравственного вакуума, когда вокруг хаос и беспорядок разрозненных "осколков" различных систем ценностей, когда не определены критерии успешной адаптации, когда спонтанно формируются и также разрушаются идеалы и общественные эталоны, когда общество "мечется" в поисках новых и адаптации прежних ценностей.

Каковы психологические особенности систем ценностей людей, живущих в современном обществе ? Как влияет характер ценностей человека на его успешное приспособление в социальной среде ?

Постановка этих насущных и важных вопросов позволила нам вплотную подойти к научно--практической проблеме изучения ценностей человека, которая особым образом обострилась в жизни каждого человека и общества в целом в период значимых реформ.

Наше исследование носит предварительный и пилотажный характер. Его необходимость обусловлена дальнейшими перспективами решений ряда практических и научных задач, связанных с обновлением системы ценностей как отдельного человека, так и общества в целом.

Основной целью исследования было - определить приоритеты в ценностях современных людей и выявить те ценности, которые определяют успешную адаптацию человека в современных условиях, так как система ценностей является важным фактором, оказывающим влияние на социально-психологическую адаптацию личности.

Экспериментальное исследование выстраивалось следующим образом. Было исследовано 60 человек, которые предварительно были распределены в 2 группы. Критерием попадания в ту или иную группу было субъективное мнение испытуемого об успешности его адаптации в обществе на данный момент.

Всем испытуемым в начале обследования задавался вопрос:
" Удовлетворяет ли вас ваше сегодняшнее положение в обществе ?"

Положительный ответ на вопрос рассматривался как критерий определения в 1 группу, которая в исследовании была условно названа как "группа людей с высокой степенью адаптации", в дальнейшем мы будем

именовать ее "1 группа". "2 группа" соответственно включила в себя людей, которые на данный вопрос ответили отрицательно, поэтому эта группа получила определение "группа людей с низкой степенью адаптации". Люди, которые отвечали неопределенно, как то "не знаю", "и да, и нет", "смотря в каких ситуациях" и т.п., не допускались к обследованию. Исследование проводилось с помощью методики измерения ценностных ориентаций (МИЦ) М.Рокича. Экспериментально подтвердилось, что у людей с высокой степенью адаптации в системе ценностей преобладают: 1) здоровье; 2) свобода, как независимость в поступках и действиях; 3) материальная обеспеченность. (Терминальные ценности)

Все вышеперечисленные категории являются на сегодняшний день критериями жизнеспособности в целом.

Судите сами, в современный переходный период, динамичный и жесткий, в эпоху растущей безработицы, конкуренции и постоянного роста цен, в эпоху, когда тебе в любую минуту грозит реальная возможность потерять работу. В столь жестких условиях здоровье как ценность действительно выходит на приоритетные позиции. Чтобы жить, нужно быть здоровым. И если раньше человек мог позволить себе расслабиться, "поболеть", то сейчас такие "расслабления" чреватые, можно остаться без ничего. Более того, эти жесткие условия сами становятся провоцирующими. Но в данных условиях не все могут похвастаться отменным здоровьем, поэтому здоровье вначале рассматривается как идеал, то, к чему стремятся, то есть как социально-значимая, затем как субъективно-значимая ценность.

Здоровье, в конечном счете, важный генетический фактор, который позволяет этому обществу рассчитывать на благополучное завтра.

Свобода - это относительно новое в нашем менталитете и сознании, и тем не менее то главное и основное завоевание которое получило наше общество после развала Союза. Свобода - это то, к чему призывает демократия и новые реформы общества. Новое общество характеризуется тем, что постепенно мы уходим от "коллективности" к "индивидуальности". Современная жизнь требует личной ответственности каждого за то, что он делает, как он живет.

Терминальные ценности (2 группа) : 1) здоровье; 2) хорошая обстановка в стране; 3) любовь.

Во второй группе мы видим присутствие и значимость общечеловеческих ценностей, которые существуют тысячелетиями, независимо от нас и социальных изменений в обществе. Эта "ценностная" система гораздо устойчивей, чем материальная, это то и накладывает определенные трудности адаптации в сегодняшних условиях, где все направлено на достижения материальных благ. Люди забывают о духовности и че-

ловечности. И уж точно, что сегодня больше заботит хорошая обстановка в своем кошельке, чем в стране.

Инструментальные ценности (1 группа): 1) воспитанность; 2) аккуратность; 3) исполнительность.

В инструментальных ценностях в 1 группе преобладают общепринятые черты, характерные для большинства населения. Воспитанность позволяет налаживать контакты с любыми людьми, аккуратность и исполнительность позволяет достичь поставленных целей и задач.

Тогда как во 2 группе инструментальные ценности : 1) честность; 2) образованность; 3) терпимость.

В данных социальных условиях эти черты утратили свою значимость и актуальность. Образованность, как широта знаний, высокая общая культура сегодня малоактуальны. Молодежь больше гордится наличием диплома, чем полученным образованием. Честность и терпимость привели сегодня к тому, что старшее поколение оказалось не у дел, потому что где-то "не могут закрыть глаза на творящиеся беспорядки", не могут отстаивать свои права, так как боятся увольнения и что больше всего поражает, потому что привыкли терпеть - "раньше терпели и сейчас потерпим" (из беседы).

В адаптивных процессах большое значение имеет психическая переориентация личности, под которой следует понимать выработку таких оценок и понимания ситуации, которые соответствуют ценностным ориентациям и принятым образцам поведения новой среды. Полное приспособление имеет место тогда, когда индивид полностью отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды. Принятие новых ценностей не всегда уничтожает прежние: оно, в большинстве случаев, лишь вытесняет из сферы сознания прежние ценности, затрудняет или делает невозможным их сознательную, произвольную актуализацию.

Терминальные ценности (1 группа): 16) хорошая обстановка в стране; 17) равенство; 18) красота природы и искусства.

Терминальные ценности (2 группа): 16) свобода как независимость в поступках и действиях; 17) познание; 18) самостоятельность как независимость в суждениях и оценках.

Инструментальные (1 группа): непримиримость к недостаткам в себе и в других; 17) рационализм; 18) смелость в отстаивании своего мнения.

Инструментальные (2 группа): 16) независимость; 17) ответственность; 18) высокие притязания.

Для личностей с высокой степенью социально-психологической адаптации характерно:

- низкий уровень тревожности;
- интернальный локус контроля;
- гибкая система ценностных ориентаций с ведущими материальными ценностями. Гибкая система ценностных ориентаций означает реагирование по типу здесь-и-теперь, выраженная тенденция к спонтанной самореализации, активное воздействие на окружение.

Социально-психическая адаптированность можно охарактеризовать как такое состояние взаимоотношений личности и групп, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социальные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которая предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояния самоутверждения и свободного выражения своих творческих способностей. Адаптация - это тот социально-психологический процесс, который при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности.

Таким образом, одним из основных факторов, оказывающих влияние на социально-психологическую адаптацию личности, мы считаем систему "ценностных ориентаций". Ценности - это "одна из форм проявления моральных отношений общества". В зависимости от конкретной социальной обстановки, от специфики доминирующих общественных установок и запросов, они приобретают свой социальный смысл, свое общее социальное назначение при относительно устойчивой абстрактной формы отражения. Гибкость или наоборот, устойчивость системы ценностных ориентаций оказывает непосредственное влияние на степень социально-психологической адаптации личности.

Использованная литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М. 1991 г.
2. Анастаси А. Психологическое тестирование в 2 т. М. 1982 г.
3. Асмолов А.Г. Психологическая индивидуальность. М. 1986 г.
4. Ломов Б.Ф. Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. М. 1990 г.
5. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М. 1984 г.
6. Налчаджян А.А. Личность, психическая адаптация, творчество. Ереван. 1980 г.

СТРЕСС И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Елена Гаврищук, ЯрГУ

Социальная работа является универсальным видом деятельности. Она требует от специалиста знаний в различных областях, умений применять их на практике, а также действительно неординарных личностных качеств. В специальной литературе чаще всего отличают такие качества: гуманистическая направленность личности, личная и социальная ответственность, чувство собственного достоинства и уважения достоинства другого человека, эмпатийность, терпимость, адекватная самооценка и др. В число важнейших личностных характеристик представляется необходимым включить также и стрессоустойчивость. По результатам ряда социально-психологических исследований среди социальных работников, а также учитывая специфику объектов их деятельности, именно стрессоустойчивость нужна социномам для сохранения своего психического здоровья.

Стрессоустойчивость другими словами - это способность противостоять стрессу. Для этого социальному работнику нужны такие качества как умение переключаться и управлять своими эмоциями, самовнушаемость и самоконтроль, физическая тренированность.

Факторов, вызывающих состояние стресса, сегодня так много и они так часто возникают, что происходит настоящая “бомбардировка тревожными сигналами”, и стрессовая ситуация становится перманентной. Главным среди стресс-факторов и наименее поддающимся “укрощению” является работа. Для социального работника стрессогенные ситуации обусловлены прежде всего спецификой деятельности и спецификой объекта работы (клиента).

Условно можно выделить два типа “трудных” клиентов. Первый тип “трудного” клиента - это тип асоциальной агрессивной личности, взрывной и импульсивной. Эти люди не удовлетворены размером денежного содержания и не располагают социально приемлемыми средствами разрешения этого вопроса. Объективные обстоятельства их жизни тако-

вы, что вызывают искреннее сочувствие. Однако эти люди имеют ярко выраженную потребительскую установку и экстрапунитивную направленность. Их поведение отличается непредсказуемостью и представляет иногда реальную угрозу безопасности взаимодействующего с ними администратора.

Второй тип “трудного” клиента - это астеничные, депрессивные люди, неудовлетворенные размером своей пенсии или пособия, и по-своему настойчиво добивающиеся его пересмотра. В отличие от клиентов первого типа они действительно не понимают, почему им выплачивается меньшая сумма, чем кому-то из их знакомых. Объяснить это бывает крайне непросто в силу обидчивости, мнительности и подозрительности людей такого типа. Работников социальных служб они нередко подозревают в подлогах, сокрытии и хищении денег. Если к отмеченным качествам присоединяется психическая неуравновешенность клиента, он может закончить беседу с администратором аффективной вспышкой, не менее сильной, чем у клиентов первого типа .

Выделенные типы клиентов, по нашему мнению, наиболее травмируют психическое здоровье социального работника.

Вместе с тем каждый социальный работник ощущает влияние таких характеристик деятельности как :

- 1) высокая интенсивность общения с людьми и дефицит времени в работе с клиентами (из-за наличия очереди);
- 2) принятие решения в условиях недостоверной информации (проще говоря, обмана со стороны клиента);
- 3) повышенная критичность (или открытые нападки) со стороны клиента;
- 4) высокая ответственность за принимаемые решения, так как инспектор имеет дело с материальными ценностями;
- 5) ролевая неполноценность - должностное лицо не выполняет законы, которые он должен проводить в жизнь как представитель данной социальной роли по независящим от него причинам. Отсюда - чувство вины, не дающее покоя особенно тем администраторам, которые отличаются глубокой эмоциональной вовлеченностью и выраженной мотивацией “помочь обездоленным”;
- 6) роль “козлов отпущения” - работники службы выступают как объект, на который население “сбрасывает” свои негативные эмоции из-за сложившейся в стране ситуации и положения, в котором они оказались.

Все перечисленные факторы оказывают разное воздействие, поскольку существуют большие различия в восприятии одних и тех же стрессовых ситуаций. При этом значительную роль в противодействии им и сохранении своей психической целостности, как уже отмечалось, играет стрессоустойчивость работника социальной службы. Исследова-

ние стрессоустойчивости и влияния стресса на деятельность, на наш взгляд, следует проводить в следующих направлениях:

- 1) изучение индивидуальной стрессовой реактивности;
- 2) исследование изменений в поведении при стрессе.

Можно выделить ряд методологических подходов в исследовании первого вопроса.

1. Широко используется метод определения социальной интраверсии - экстраверсии с помощью опросника Айзенка.

2. Исследования так называемой социальной полезависимости. Они проистекают из сопоставлений индивидуальных показателей сенсорной полезависимости индивида с его представлениями себя в социальном окружении.

3. Метод определения "точки опоры" субъекта при организации и выполнении им своих социальных действий: на себя, на свои силы или же на окружающих людей, на внешние события (предложен Роттером).

4. Метод дифференцированного определения двух видов тревожности, предложенный Спилбергером и адаптированный Ханиным. Исследование по данной методике проводилось в одном из отделов социальной защиты населения г. Ярославля в 1997 году. По его результатам 65% (13 человек) сотрудников имеют высокий уровень ситуативной тревожности. Уровень личностной тревожности выше нормы у 90% (18 человек). Эти цифры подтверждают высокую стрессогенность социальной работы как вида деятельности.

Поскольку социальная работа относится к числу профессий, в которых основным содержанием деятельности является прямое межличностное общение, то наиболее заметным проявлением стресса может быть именно измененное общение.

Рассмотрим общую структуру общения при стрессовой активности, направленной на дезорганизацию группы. В ней можно выделить три компонента. Первый - возникновение у людей склонности к конфликтам с лидирующим концептом, с его носителем. Это может проявляться в активизации непризнания руководителя, в раздражительности, грубости, вспыльчивости, в нетерпимости к личностным особенностям партнеров по общению.

Второй компонент социально-негативных изменений общения при стрессе - возникновение неприязни к психологическим нагрузкам, связанным с ответственностью за других людей или перед другими людьми. Это ведет к уклонению от ответственности за любое дело, не рассматриваемое как личное. Третий компонент - это возникновение у ряда индивидов отчуждения от интересов группы, возрастание склонности

замыкаться в кругу личных интересов и дел и, как следствие, конфронтация между членами группы.

Таким образом, можно сделать предположение, что сотрудники социальных служб в состоянии стресса часто будут склонны проявлять поведение неадекватное ситуации, с потерей самоконтроля и резкими, аффективными формами реакции на ситуацию.

Поскольку на такое поведение накладывается запрет стандартами их работы и отреагирование эмоций невозможно, то можно говорить о наличии тенденции формирования затяжного стресса (дистресса).

Литература:

1. Ерина С., Конева Е. Опыт и проблемы тренинговой работы с сотрудниками служб социальной защиты населения // Этюды о новой психотерапии/ Под ред . Козлова В.В. -Мн.,1995.
2. Основы социальной работы. Учебник. -М.,1997.
3. Л.А.Китаев-Смык. Психология стресса. М.,1983.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ НА ДИНАМИКУ ТРЕВОЖНОСТИ И ОДИНОЧЕСТВА.

Ирина Геперле, Владимир Козлов

Мои глаза наполняются слезами
Что я буду делать? Куда я пойду?
Кто сможет утолить мою боль?
Мое тело отравлено ядом
Змеи по имени «одиночество»
И жизнь покидает меня
С каждым ударом моего сердца.
Мирабаи

Одиночество является одной из основных экзистенциальных проблем человека. На сущностном уровне социализация является попыткой возвратить человека в лоно общности с другими. Эта попытка формирует личность, которая воспринимает затем эту общность как естественное состояние, а свою родину - одиночество - в смеси с чувствами покинутости и тревоги.

В итоге одиночество и тревожность поддерживают друг друга в порочном круге негативных мыслей, переживаний, отношений и часто деструктивного поведения.

Одной из серьезнейших проблем человечества является проблема одиночества, когда взаимоотношения почему-то не складываются не порождая ни любви, ни дружбы, ни вражды, оставляя людей равнодушными друг к другу.

О распространенности одиночества среди людей говорят следующие данные: не более 1-2% опрошенных утверждают что никогда в жизни не испытывали чувств одиночества, в то время, как примерно 10-30 % говорят, что переживали такое чувство хотя бы раз в жизни. (18)

Потребность в уединении, территориальном и психологическом ограждении своего «Я» от посторонних, у человека, по-видимому, столь же изначальна, как и потребность в общении. Во всяком случае в той или иной форме почти в любой традиционной культуре мы находим ритуалы «введения в одиночество». Самые разные по уровню развития и характеру культуры к чувству одиночества относятся как к неотъемлемой и необходимой составляющей бытия.

И в то же время на всех уровнях развития общества не было большего наказания, чем наказание одиночеством, изгнанием, лишением об-

щения Этому можно найти бесчисленное множество этнокультурных доказательств.

Человек становится одиноким тогда, когда осознает неполноценность своих отношений с людьми, лично значимыми для него, когда он испытывает острейший дефицит удовлетворения потребности в отношениях и содержательных контактах.

Одиночество - тяжелое психическое состояние обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными переживаниями(18).

Глубоко одинокие люди, как правило очень несчастны, у них мало социальных контактов, их личные связи с другими людьми или ограничены, или вовсе разорваны.

Понятие одиночества связано с переживанием ситуаций, субъективно воспринимаемых как нежелательный, лично не приемлемый для человека дефицит общения и положительных интимных отношений с окружающими людьми. Одиночеству не всегда сопутствует социальная изолированность индивида. Можно постоянно находиться среди людей, контактировать с ними и вместе с тем чувствовать свою психологическую изоляцию от них (т.е. одиночество.)

Степень испытываемого одиночества также не связана с количеством лет, проведенных человеком вне контактов с людьми. Люди, всю жизнь живущие одни, иногда чувствуют себя менее одинокими, чем те, кому приходится часто обращаться с окружающими.

Термином «одиночество» можно обозначить два состояния:

- добровольное обособление, уединение, отказ от внешних контактов ради углубленного внутреннего диалога, сосредоточения, слияния с природой;
- чувство одиночества—тоски, вырастающее как—бы изнутри, состояние душевной изолированности.

Прежде чем начать анализ одиночества, нужно объяснить некоторые очевидные, но зачастую не принимаемые исследователями во внимание различия, существующие между одиночеством и другими эмоциональными формами и состояниями людей.

Начнем с того, что одиночество не может быть приравнено к физическому состоянию изолированности человека.

Чтобы узнать одиночество, необходимо его испытать. Одиночество воспринимается как остро субъективное, сугубо индивидуальное и часто уникальное переживание. Однако, при всей уникальности индивидуального переживания одиночества, есть определенные элементы, общие для всех.

Одна из самых ярких черт одиночества - чувство полной погруженности в самого себя. Чувство одиночества не похоже на локальные ощу-

щения, переживания, оно целостно, абсолютно всеохватно. Одиночество - особая форма само восприятия, острая форма самосознания.

Феноменологически одиночество проявляется в потребности быть включенным в какую-либо группу, или желательность этого, или потребность просто побыть в контакте с кем-либо. Основопологающим моментом в таких случаях выступает осознание отсутствия чего-то, чувство потери и крушения.

Это может быть осознание своей исключённости и неприятия себя другими. С точки зрения экзистенциальной феноменологии одиночество грозит расколоть или даже разорвать интенциональную структуру личности, особенно в интросубъективной области.

Одиночество предполагает разрыв связей или их полное отсутствие, тогда как наши обычные надежды, ожидания сориентированы на согласованность, соединение, связь.

Тяжелая форма одиночества может означать беспорядок и пустоту, и вызывать индивидуальное чувство бесприютности, ощущения того что человек везде « не на своем месте». С точки зрения личностного ощущения времени одиночество создает обрывочные, преходящие связи, выражая этим как оторванность от прошлого так и глубокий провал в будущем. Ломая временные характеристики и делая будущее еще более неопределенным, чем обычно одиночество, порождает тревогу и страх.

Одиночество может способствовать развитию тяжелого расстройства личности. Даже те люди, которые способны преодолевать одиночество без особых усилий, соглашались, что это очень тревожное переживание. Одиночество усугубляет ощущение противоестественной и неожиданной пустоты, пронизывающей весь внутренний мир личности.

Одиночество —это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания, и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности.(16).

Выделяются три типа одиночества:

- *Хроническое одиночество*—наступает тогда, когда индивид в течение длительного периода времени, не может установить удовлетворительные взаимоотношения со значимыми для него людьми.

- *Ситуативное одиночество*—обычно появляется как результат каких—либо стрессовых событий в жизни человека (развод, смерть и т. д.), вследствие внезапно возникающей полной или частичной эмоционально—психологической изоляции человека от людей, составляющих его привычный круг общения. После короткого времени стресса ситуа-

тивный одинокий человек смирится со своей потерей и частично или полностью преодолееет возникшее чувство одиночества.

- *Преходящее одиночество*—выражается в кратко временных приступах чувства одиночества, которые полностью и бесследно проходят, не оставляя после себя никаких следов. (18)

Чувство одиночества очень многолико. Оттенки его так неустойчивы, что однозначно оценивать его в категориях «Хорошо—плохо», «Благотворно—пагубно» и т.д. невозможно.

По поводу причин, вызывающих это состояние, мнения расходятся. В течение многих лет психологи и социологи высказывали свои суждения об одиночестве. Далее мы рассмотрим основные теоретические подходы к этой проблеме, которые существуют в науке на сегодняшний день.

Психодинамические модели.

З.Фрейд не писал об одиночестве, но некоторые последователи психодинамической традиции высказывались по этой проблеме.

Зилбург опубликовал, вероятно, первый психологический анализ одиночества. Он различал одиночество и уединенность. Уединенность—это «нормальное» и «приходящее» умонастроение, возникающее в результате отсутствия конкретно кого-то. Одиночество—это непреодолимое, постоянное ощущение. Согласно Зилбургу, одиночество становится отражением характерных черт личности: нарциссизма, мании величия и враждебности.

Г.Салливан также усматривал корни одиночества взрослого в его детстве. Он признавал шесть фаз в развитии человеческой личности: младенчество, детство, малолетний возраст, подростковый период, юность и зрелость. Одиночество, по мнению Салливана, сопутствует недостатку, или утрате, или боязни утраты тех элементов человеческих взаимоотношений, которые формируются один за другим с развитием личности индивида. В состав этих элементов входят потребность в нежности и контакте у младенца, потом страх остракизма в малолетнем возрасте и наконец потеря или боязнь утраты партнера в зрелом возрасте.

В своей наиболее завершенной и самой страшной форме одиночество может проявляться, начиная с подросткового периода.

Согласно теории английского психолога Д.Боулби, дефицит родительского тепла лишает ребенка необходимой ему уверенности и чувства безопасности. Способствуя возникновению особой эмоциональной тревожности—«страха отделения», которая может сохраняться в течение всей жизни.

Научные исследования косвенно подтверждают эту гипотезу. Среди людей, хронически чувствующих себя одиночками, оказалось непропорционально много лиц, выросших без любящих родителей, особенно неблагоприятным фактором оказался развод. (29) Потеря одного из родителей в результате развода или недостаток эмоционально близких, доверительных отношений, родительской поддержки может сделать индивида более чувствительным к одиночеству в зрелом возрасте. Эмоциональная рана, полученная в детстве, превращается в характерологическую личностную ранимость взрослого и сохраняется в течение длительного времени иногда всю жизнь.

Таким образом, сторонники психодинамической теории в большей мере, чем другие исследователи, склонны считать одиночество результатом ранних детских влияний на личностное развитие.

Феноменологическая перспектива К.Роджерса.

Анализ К.Роджерса основан на «Я-концепции» личности. Он полагает, что общество вынуждает индивида действовать в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами. Это ведет к противоречию между внутренним истинным «я» индивида и проявлениями «я» в отношениях с другими людьми. (23)

Индивид становится одиноким, когда устранив охранительные барьеры на пути к собственному «я», он тем не менее думает, что ему будет отказано в контакте со стороны других.

Согласно Роджерсу, уверенность в том, что истинное «я» индивида отвергнуто другими, «держит людей замкнутыми в своем одиночестве. (22). Страх быть отвергнутым приводит к тому, что человек придерживается своих социальных ролей, но поэтому продолжает испытывать опустошенность.

Таким образом Роджерс рассматривает одиночество, как проявление слабой приспособляемости личности. Он считает, что причина одиночества находится внутри индивида, в феноменологических несоответствиях представления индивида о собственном «я». В отличие от сторонников психодинамической теории Роджерс не очень доверяет ранним детским влияниям на формирование личности. Согласно Роджерсу, содержание опыта одиночество составляют текущие влияния, которые испытывает личность.

Экзистенциальный подход.

Экзистенциалисты принимают в качестве точки отсчета тот «факт», что люди изначально одиноки. Никто другой не может разделить с нами наши чувства и мысли. Разъединенность есть сущностное состояние наших переживаний. С точки зрения экзистенциалистов, люди осознают,

что они в ответе за свою судьбу и поэтому испытывают одиночество и тревогу (29)

Ярким выражением этого направления стал Мустакас - автор нескольких популярных книг. Он подчеркивал значение различия между «суетой одиночества» и истинным одиночеством. Суета одиночества - это система защитных механизмов, которая отделяет человека от решения существенных жизненных вопросов и которая постоянно побуждает его стремиться к активности ради активности совместно с другими людьми. Истинное одиночество проистекает из конкретной реальности одинокого существования и из столкновения личности с пограничными жизненными ситуациями (рождение, смерть, глобальные жизненные перемены), переживаемые в одиночку.

Э.Фромм сделал вывод, что одиночество является неотъемлемой чертой человеческого существования (33).

Как люди преодолевают чувство одиночества, сопутствующее свободе? Один путь - отказаться от свободы и подавить свою индивидуальность. Фромм описал несколько стратегий используемых людьми: авторитаризм, инструктивность, и наконец люди могут избавиться от одиночества путем абсолютного подчинения социальным нормам, регулирующим поведение. В противовес перечисленным механизмам бегства от свободы, существует опыт позитивной свободы, благодаря которому можно избавиться от чувства одиночества. Достижения позитивной свободы требуют от людей спонтанной активности. Фромм подчеркивал, что любовь и труд—это ключевые компоненты, с помощью которых осуществляется развитие позитивной свободы, посредством проявления спонтанной активности. Благодаря любви и труду люди вновь объединяются с другими, не жертвуя при этом своими ощущениями индивидуальности и целостности, и избавляясь от чувства одиночества. (29).

Экзистенциалисты, таким образом, призывают людей преодолеть их страх одиночества и научиться позитивно его использовать.

Социологические толкования.

Многие социологи видят причины одиночества в первую очередь во внешних факторах жизни:

- с увеличением плотности населения число контактов резко увеличивается, это устанавливает потребность в обособлении, установлении определенной дистанции между собой и другими. И поскольку физическое личностное пространство горожанина с ростом урбанизации сужается, он значительно более одинок, чем, например, житель деревни.

- ощущение одиночества связано, действительно, не столько с плотностью населения, сколько с длительностью проживания в одном месте. То есть главная причина одиночества - частые переезды, частая смена места жительства, что так же характерно для современной эпохи (19).

Боулин выдвинул гипотезу о трех силах, ведущих к усилению одиночества в современном обществе:

1. Ослабление связей в первичной группе.
2. Увеличение семейной мобильности.
3. Увеличение социальной мобильности.(16)

Интеракционистская точка зрения.

Вейс, яркий представитель этого направления, считает, что одиночество появляется в результате недостаточности социального взаимодействия индивида, взаимодействия, которые удовлетворяют основные социальные запросы личности.

Вейс установил два типа одиночества, которые по его мнению, имеют различные предпосылки и различные эффективные реакции:

- эмоциональное одиночество представляется результатом отсутствия тесной интимной привязанности, (такой, как любовная или супружеская.) Эмоционально одинокий человек должен испытывать нечто вроде беспокойства покинутого ребенка, беспокойствие, тревогу и пустоту.

- социальное одиночество становится ответом на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Социально одинокий человек переживает тоску и чувство социальной маргинальности.

Вейса больше интересует «обычное» одиночество - состояние, переживаемое многими, если не большинством людей, на протяжении всей их жизни. Он рассматривает одиночество, как нормальную реакцию.

Дерлега и Маргулис употребляют понятия «интимность» и «самораскрытие» для истолкования одиночества. Подобно Вейсу, они полагают, что социальные отношения, бесспорно, способствуют достижению индивидом различных реальных целей. Одиночество обусловлено отсутствием соответствующего социального партнера, который мог бы способствовать достижению этих целей, Одиночество, вероятнее всего, наступает тогда, когда межличностным отношениям индивида недостает интимности, необходимого для доверительного общения. (16)

В основе интимного подхода лежит предположение о том, что индивид стремится к сохранению равновесия между желаемым и достигнутым уровнями социального контакта. Дерлега и Маргулис исследуют, как в этих условиях совокупность социальных связей индивида, его со-

циальных ожиданий и его личностные качества могут повлиять на такой важный в данном отношении баланс.

Когнитивный подход.

Главными пропагандистами когнитивного подхода стали Эн. Пепло и ее коллеги. Наиболее характерный аспект этого подхода состоит в том, что он акцентирует роль познания, как фактора, опосредующего связь между недостатком социальности и чувством одиночества, определяя указанную роль познания.

Э. Пепло обращает внимание на теорию атрибуции. Она рассматривает, на пример, как познания причин одиночества может влиять на интенсивность переживания и на восприятие неизбежности одиночества, сохраняющихся на протяжении определенного времени.

Когнитивный подход предполагает, что одиночество наступает в том случае, когда индивид воспринимает (осознает) несоответствие между двумя факторами—желаемым и достигнутым уровнем собственных социальных контактов.

Теоретический анализ проблемы одиночества показывает, что очень мало работ полностью посвящено ей, и лишь изредка можно встретить хотя бы раздел на эту тему в публикациях по психиатрии или психологии. В подавляющем большинстве работ, к которым мы обращались, совершенно игнорируется одиночество, а так же некоторые состояния и процессы, имеющие все основания быть включенными в данную категорию (такого термина даже нет в психологических словарях). Оказывается одиночество – такое мучительное и пугающее переживание, что люди пойдут на что угодно, лишь бы его избежать. Таким образом получается, что одиночество – одно из наименее удовлетворительно разработанных психологических явлений.

И, может быть, тревожность, как неотъемлемое качество одиночества, и является причиной профессионального табу психологов и психиатров. Тем более - тревожность знакома каждому - она является составной частью структуры личности.

Почти каждый человек испытывает чувство тревоги время от времени: если необходимо пройти собеседование при приеме на работу; назначить кому то в первый раз свидание; войти в помещение, где полно незнакомых людей; произнести речь перед большой аудиторией и так далее. Некоторые люди, в особенности робкие или застенчивые, чувствуют тревогу почти в любой ситуации, где им или их поведению могут давать оценку. Для таких людей тревожность в большей степени черта характера, чем временное состояние.

Скрытый смысл социальной тревожности прост, мы чувствуем тревогу, когда у нас есть мотивация произвести впечатление на других и сомнения в способностях сделать это. Тревожность свойственна многим людям, но она может стать господствующей, накладывая свой отпечаток на все поведение человека. (27).

В этих случаях нередко обнаруживается и физическая основа этого состояния в виде повышенной возбудимости вегетативной нервной системы, которая воздействует на сосудистую систему, может привести к физическому чувству стесненности страха и тоски.

С физиологической точки зрения тревога не отличается от страха. Она сопровождается ускорением ритма сердца, подъёмом кровяного давления, угнетением деятельности пищеварительного аппарата, легким потоотделением и так далее. Главное отличие состоит в том, что тревога вызывает активацию организма до того, как происходит ожидаемое событие.

Обычно тревога представляет собой преходящее состояние, она ослабевает, как только человек действительно сталкивается с ожидаемой ситуацией. Бывает однако, и так, что ожидание порождающее тревогу затягивается и организм вынужден тогда затрачивать много энергии для поддержания своей дееспособности. В результате развивается состояние стресса, при котором организм проходит последовательные этапы синдрома адаптации, описанного Г.Селье (25). Тревожность подобна сосущему чувству голода. Тревожный человек не идет на полное действие и занят тем, что подавляет растущую агрессию, в результате чего впадает в апатию. Эти эмоции чрезвычайно опасны, потому что невыраженные, не нашедшие себе выход наружу эмоции загоняются вглубь души, что впоследствии перегружает человеческую психику, разрушает её изнутри и приводит к покорности и депрессии. (6)

Тревожность - индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям тревоги, а так же в низком пороге её возникновения. Тревожность рассматривается как личностное образование или как свойство темперамента, обусловленное слабостью нервных процессов.

Тревожность является показателем личностного развития, и в свою очередь, оказывает на него отрицательное влияние. Такое же влияние имеет и нечувствительность к реальному неблагополучию, «защищенность», возникающая под действием защитных механизмов, прежде всего вытеснения, и проявляющаяся в отсутствии тревоги даже в потенциально угрожающих ситуациях.

Тревожность может явиться предвестником невроза, а также его симптомом и механизмом развития. Входит в качестве одного из основных

компонентов в «посттравматическом синдромом», то есть комплекс переживаний обусловленных пережитой психической или физической травмой. Среди других видов психических расстройств с тревожностью связаны также фобии, ипохондрия, истерия, навязчивое состояние и другие.

Первым в психологии понятие тревожности ввёл З. Фрейд. Он считал, что основная проблема души состоит в том, как справляться с тревогой. Тревожность, в соответствии с концепцией Фрейда, вызывается ожидаемым или предвиденным возрастанием напряжения или недовольства, она может развиваться в любой ситуации (реальной или воображаемой), когда угроза какой то части души или тела слишком велика, чтобы с ней справиться или чтобы её разрядить.

Прототипические ситуации, порождающие тревожность:

1. Потеря желаемого объекта.
2. Потеря любви.
3. Потеря личности (себя)
4. Потеря любви к себе.

Угроза подобных или других такого рода событий порождает тревожность. Есть два основных способа уменьшить тревожность. Первый состоит в том, чтобы непосредственно обратиться к ситуации. Мы решаем проблемы, преодолеваем препятствия, противостоям угрозам или убегаем от них, то есть вступаем во взаимодействие с проблемой, стремясь уменьшить её воздействие. Таким образом мы осуществляем преодоление трудностей и уменьшение возможностей их возвращения, уменьшая при этом перспективы дополнительной тревожности будущем. Во втором случае защита против тревожности состоит в искажении или отрицании самой ситуации. Это защищает личность в целом от угрозы, искажая суть самой угрозы. Способы искажения называются защитными механизмами. (31)

В. Райх, последователь психоанализа Фрейда и основатель ориентированной на тело психотерапии, полагал, что каждое характерное отношение имеет соответствующую ему физическую позу, и что характер индивидуума выражается в его теле в виде мускульного панциря. В своей работе над мышечным панцирем Райх обнаружил, что хронические мышечные зажимы блокируют один из основных биологических возбуждений - тревожность. В распускании мышечного панциря для разблокировки тревожности Райх предлагал использовать такие средства:

1. Накопление энергии в теле путём глубокого дыхания.
2. Прямое воздействие на хронические мышечные зажимы (давление, пощипывание), чтобы расслабить их.

3. Поддержание сотрудничества с пациентом в открытом рассмотрении сопротивлений и эмоциональных ограничений, которые при этом выявляются. (31)

Ф.Перлз - основатель гештальт-терапии, тревожность определяет как разрыв, как напряжение между «сейчас» и «тогда». Неспособность людей принять это напряжение заставляет их планировать, репетировать, пытаться обеспечить своё будущее. Это не только отвлекает энергию от настоящего (постоянно создавая тем самым незаконченные ситуации), но и разрушает открытость к будущему.

К. Роджерс, основатель терапии, центрированной на клиенте, считал, что тревожность появляется тогда, когда возникает опыт, который, если его запустить в сознание, может угрожать нашему образу себя. Бессознательные реакции на эти субвосприятия настораживают организм против возможной опасности и создают психофизиологические изменения. Эти защитные реакции единственный способ, которым организм поддерживает неконгруентные представления и поведения (31).

Тревожность (по Роджерсу) является эмоциональной реакцией на угрозу, которая символизирует что организованная «Я» - структура, испытывает опасность дезорганизации, если несоответствие между ней и угрожающим переживанием достигнет осознания. Тревожный человек— это человек, который смутно сознает, что признание или символизация определенных переживаний приведет к радикальному изменению его теперешнего образа «Я» (29)

Многие исследования подтверждают, что несоответствие между осознанным «Я» и «Я» —идеальным свидетельствуют о плохой психологической адаптации, чем больше несогласованность или несоответствие между ними, тем выше степень тревожности и одиночества.

А. Бандура, представитель социально—когнитивной теории личности, пишет, что люди склонны тревожиться и осуждать себя, когда нарушают свои внутренние нормы поведения. Они неоднократно переживают в ходе социализации такую последовательность событий:

проступок---внутренний дискомфорт---наказание ---облегчение.

В этом случае действия не соответствующие внутренним нормам поведения вызывают тревожные предчувствия и самоосуждение, не проходящие до тех пор, пока не наступит наказание. Оно в свою очередь, не только не кладёт конец страданиям от проступка и его возможных социальных последствий, но так же направленно на то, чтобы вернуть одобрение других. Соответственно само-наказание избавляет от дискомфорта.

Хотя само наказание может положить конец тревожным мыслям и ослабить тревожность, оно также может усилить личный дискомфорт. И

длительное чрезмерное само наказание, основанное на изменении строгих норм самооценки, может привести к хроническому одиночеству, тревожности, апатии, депрессии и так далее (29).

Джулиан Роттер в своей теории социального научения выделяет людей с интернальным и экстернальным локусом контроля. Исследования показывают, что у людей с экстернальным локусом контроля чаще бывают психологические проблемы, чем у людей с интернальным локусом контроля. Например: тревожность у экстерналов выше, а самооценка ниже чем у интерналов. Интерналы, видимо, более уверены в своей способности решать проблемы, чем экстерналы, и поэтому независимы от других. Что и ведет к более низкому уровню тревожности.

Д.Келли –американский психолог, определил тревогу как «осознание того, что события, с которыми сталкивается человек лежат вне диапазона применимости его конструктивной системы (конструкты по Келли, категория мышления, посредством которой человек интерпретирует или истолковывает свой жизненный опыт). Значит смутное ощущение неопределённости и беспомощности, обычно определяемое как «тревога», по Келли, есть результат осознания того, что конструкты, которыми мы обладаем, не применимы для предвидения событий, с которыми мы сталкиваемся. Келли подчеркивал: совсем не факт, что наша конструктивная система не функционирует идеально, провоцирует тревогу, мы не тревожимся потому, что наши ожидания не точны.

Тревога образуется только тогда, когда мы осознаём, что у нас нет адекватных конструктов, с помощью которых можно интерпретировать события нашей жизни. Это понимание тревоги совсем не похоже на Фрейдскую концепцию невротически тревожного индивида, как жертвы неосознанных конфликтов и сдерживаемой инстинктивной энергии. Человека тревожит отнюдь не угроза прорыва сексуальных и агрессивных импульсов в сознание, а то, что он переживает события, которые не может ни понять, ни прогнозировать. С этой точки зрения, задача психотерапии - помочь клиенту либо приобрести новые конструкты, которые позволят ему лучше прогнозировать тревожащие события, либо сделать имеющиеся конструкты более проницаемыми, чтобы привнести новый опыт в их диапазон применимости. (29).

К.Хорни. Одной из основополагающих её концепций являлось понятие базовой тревога. Базовая тревога - это интенсивное и все проникающее ощущение отсутствие безопасности, перед лицом потенциально опасного мира. (34)

В отличие от З.Фрейда, К.Хорни не считала, что тревога является необходимым компонентом в психике человека. Наоборот она утверждала, что тревога возникает в результате отсутствия чувства безопасности в

межличностных отношениях. В общем по мнению Хорни, все то, что в отношениях с родителями разрушает ощущение безопасности у ребёнка приводит к базовой тревоге. Соответственно, этиологию невротического поведения следует искать в нарушенных отношениях между ребёнком и родителем. Если ребёнок не ощущает себя в безопасности, у него развивается враждебность по отношению к родителям, и эта враждебность, в конце концов трансформируется в базовую тревогу. (29)

Итак, мы рассмотрели различные теории, которые раскрывают причины возникновения тревожности и возможные способы избавления от неё. Мы видим, что механизмы появления тревожности и одиночества во многом схожи. Это говорит о взаимосвязи одиночества и тревожности и взаимовлиянии этих двух факторов.

Проблемы одиночества и тревожности остро стоят в современном обществе этим проблемам подвержены люди различных возрастов и разного социального статуса, особенно молодой и пожилой возраст. И в то же время психологической психиатрической литературе очень мало работ, посвящённых одиночеству и его составляющим. Именно по этому мы занялись изучением этой проблемы и попытались предложить один из способов практического решения этого вопроса. История развития этого вопроса отличается не только своей слабой теоретической освещённостью, но и минимальным количеством методов и методик, связанных с коррекцией тревожности и одиночества.

Одна из таких методик - интегративные интенсивные психотехнологии. Интегративные психотехнологии, сравнительно новый метод психокоррекции личности, который вобрал в себя все лучшее из традиционных психологических методов (такие, как бихевиоризм, гештальт-терапия, НЛП, эмпирическая терапия, суггестотерапия и др.), а также психодуховных практик.

ИИПТ, как эффективный способ психокоррекции личности становится довольно распространённым, как за рубежом так и в странах СНГ и России.

В своем исследовании мы не претендовали на полноту освещения всех теорий тревожности и одиночества. Некоторые из них мы постарались осветить выше. В исследованиях одиночества и тревожности еще много не раскрытых аспектов, изучение которых, возможно, в дальнейшем помогут найти более эффективные способы решения этих проблем на личностном уровне.

Актуальность нашей работы мы видим в том, что проблемы одиночества и тревожности постепенно становятся неизбежными спутниками нашей жизни, а их влияние усиливается в кризисные переходные периоды в жизни общества.

Практическая значимость и новизна данной работы состоит в том, что коррекция уровня тревожности и одиночества не совершалась с помощью интегративных психотехнологий, а также в том, чтобы показать влияние интегративных психотехнологий на динамику одиночества и тревожности.

В ходе планирования исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

- ИИПТ ведут к снижению субъективного уровня одиночества и уровня тревожности. Эти показатели будут значимо будут значимо отличаться от аналогичных у людей, не проходящих тренинг по ИИПТ.

- Между исследуемыми факторами (уровнем одиночества и тревожности) существует значимая взаимосвязь. А именно понижение уровня одиночества, способствует понижению уровней тревожности и наоборот.

Объектом нашего исследования были две группы: экспериментальная и контрольная. Экспериментальную группу составляли участники тренинга. Контрольную группу набирали эквивалентной экспериментальной по возрастным показателям, соотношению мужчин и женщин, социально- экономическому статусу.

Экспериментальная группа - люди, посетившие тренинг по интенсивным интегративным психотехнологиям «Анима и Анимус», проходивший 20.08.97 года по 26.08.97 года в городе Челябинске (автор и ведущий тренинга В. В. Козлов.)

Данные о выборке: объем выборки составляют 15 человек, из них большинство составляют женщины - 11 человек, мужчины—4ч. Возрастной состав группы: молодежь в возрасте от 20 до 25 лет—4ч, от 25 до 40 лет— 6 человек, и старше 40 лет- 5 человек. Образовательная характеристика: с незаконченным высшим образованием (студенты) - 3 человека, средне - специальное или среднетехническое образование имеют 5 человек, и с высшим образованием- 7 человек.

Одновременно с экспериментальной набиралась и контрольная группа, соответствующая экспериментальной по основным показателям.

В соответствующие временные интервалы контрольная группа подвергалась такому же тестированию, как и экспериментальная группа.

Этапы исследования.

Экспериментальная группа проходила два этапа исследования.

I этап- диагностический. Каждый испытуемый был протестирован на предмет выявления его реактивной, личностной тревожности и уровня одиночества.

II этап- коррекционный, состоял в исследовании динамики переменных во время прохождения тренинга по ИИПТ. Замеры проводились в начале, середине и в конце тренинга (тренинг был шестидневный).

В контрольной группе замеры проводились в соответствующих временных интервалах без их участия в психокоррекционной работе.

В ходе эксперимента использовались следующие методики:

- Шкала одиночества - опросником Д. Рассела, М. Фергюсона.

Целью опросника является исследование уровня субъективного ощущения человека своего одиночества. Выявляемое состояние одиночества может быть связано с тревожностью, социальной изоляцией, депрессией, со скукой.

- Шкала самооценки - методика Ч. Д. Спилбергера и Я. Л. Ханиной. Целью шкалы является исследование уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность) 4 уровня тревожности как устойчивой характеристики (личностная тревожность).

Тестирование проводилось в индивидуальном порядке. Испытуемым предлагались заранее приготовленные бланки с инструкциями и текстам методик.

Результаты и их обсуждения.

В нашем экспериментальном исследовании, мы для проверки гипотез о случайности различия (сходства) параметров, используем один из основных параметральных критериев t —критерий Стьюдента, то есть с помощью t —критерия, мы оцениваем уровень значимости различий полученных в ходе эксперимента результатов по исследуемым факторам.

Предварительно принимается нулевая гипотеза о сходстве полученных данных по исследуемому фактору. Для опровержения или принятия, используется таблица квантилей t —распределений Стьюдента для доверительной вероятности $1 - \alpha = 0,95; 0,99; 0,999$ с v —степенями свободы. Данная таблица необходима для сравнения полученного результата вычисления экспериментального с квантилями t —распределения Стьюдента, которые приведены в данной таблице. По числу степеней свободы мы определили квантили $t(\alpha, V)$ и тогда принимается нулевая гипотеза о сходстве, либо t экспериментальное $> t$, при $\alpha = 0,01$ и тогда принимается альтернативная гипотеза. В случае $t(\alpha = 0,05) < t_{экс} < t(\alpha = 0,01)$ принимается решение увеличить число наблюдений.

Результаты произведенных нами расчетов по оцениванию уровня значимости различий, полученных в ходе эксперимента, в контрольной и экспериментальной группах занесены в таблицах № 1; № 2; № 3.

Связь между факторами имеющими значимость различий $>2;13$ мы рассчитывали по коэффициенту корреляции Пирсона.

Таблица №1
Результаты сравнения контрольной и экспериментальной групп по t—критерию Стьюдента (Первый день)

исследуемые - факторы	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t-Критерий Стьюдента	Значимость различий
реактивная тревожность	16.4	32	6.5	+
личностная тревожность	43.4	46.7	1.5	—
одиночество	18.6	18.2	0.8	—

Сравнительный анализ результатов в контрольной и экспериментальной группах до начала эксперимента, выявил статистические значимые различия только по реактивной тревожности. По другим факторам значимых различий, не выявлено. Так как реактивная тревожность фактор ситуативный, и зависит от внешних условий в которых находится человек. Низкую реактивную тревожность в экспериментальной группе по сравнению с контрольной, можно объяснить тем, что атмосфера тренинга с самого начала действует на участников положительно.

Таблица №2
 Результаты сравнения контрольной и экспериментальной
 групп по t—критерию Стьюдента (Третий день)

Переменные	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t-критерий Стьюдента	Значимость различий
Реактивная тревожность	13.6	27.9	6.5	+
личностная тревожность	37.2	49.6	5.9	+
одинокчество	14.8	17.7	1.3	-

Сравнительный анализ результатов в экспериментальной и контрольной группе в середине эксперимента выявил статистические различия по следующим факторам: реактивная и личностная тревожности. Анализ проведенных ранее исследований в рамках ИИПТ показал, что тревожность - одна из тех характеристик личности, которая оказывается наиболее чувствительной к влиянию тренинга. Наше исследование это подтверждает.

Таблица №3.

Сводная таблица по результатам тренинга в экспериментальной и контрольной группах

Переменные	Экспериментальная группа	Контрольная группа	t-критерий Стьюдента	Значимость различий.
Реактивная тревожность	9.8	30.3	9.7	+
Личностная тревожность	33	48.9	7.9	+
Одиночество	10	17.2	3.6	+

Таким образом сравнительный анализ результатов в контрольной и экспериментальной группе по окончании эксперимента выявил статистически значимые различия по следующим факторам: реактивная и личностная тревожность (9.7; и 7.9), уровень одиночества (3.6) В экспериментальной группе наблюдается значительное снижение по всем трем исследуемым параметрам. Это говорит о влиянии ИИПТ на уровень одиночества и уровня тревожности. Далее рассмотрим динамику уровня одиночества и уровней тревожности. В контрольной группе сравнительный анализ результатов по t-критерию Стьюдента значимых различий не выявил. В течение всего эксперимента уровни одиночества, так же как и уровни тревожности существенно не изменились.

Таблица №4

Результаты сравнения по t-критерию Стьюдента в экспериментальной группе. (первые три дня).

Переменная	до тренинга	Середина тренинга	t-критерий Стьюдента	Значимость различий
Реактивная тревожность	16.4	13.6	1.4	-
Личностная Тревожность	43.4	37.2	2.6	+
Одиночество	1.8	14.8	0.8	-

Таким образом полученные нами результаты, показывают, что уже в первой половине тренинга начинают происходить изменения по исследуемым параметрам. Наиболее чувствительной в этом отношении оказалась личностная тревожность.

Таблица №5

Результаты сравнения по t-критерию Стьюдента в экспериментальной группе. (вторые три дня)

Переменная	Середина тренинга	После тренинга	t-критерии Стьюдента	Значимость различий
Реактивная тревожность	13.6	9.8	2.2	+
Личностная тревожность	37.2	33	2	-
Одиночество	14.8	10	1.1	-

Сравнительный анализ показывает, что во второй половине тренинга значимое изменение происходит по реактивной тревожности.

Таблица №6.

Сводная таблица результатов эксперимента в экспериментальной группе

Переменная	До тренинга	После тренинга	t-критерий Стьюдента	Значимое различий
Реактивная Тревожность	16.4	9.8	3.6	+
Личностная тревожность	43.4	33	4.9	+
Одиночество	18.6	10	2.15	+

Таким образом сравнительный анализ результатов в экспериментальной группе выявил статистически значимые различия по всем исследуемым факторам (реактивная тревожность, личностная тревожность и уровень одиночества). В результате воздействия ИИПТ исследуемые параметры существенно понижаются. Динамика уровня одиночества происходит плавно, и ярко не проявляется в течение тренинга.

Личностная тревожность начинает снижаться с самого начала тренинга, а уже к середине значительно изменяется. Вторая половина тренинга заметного влияния на данную переменную не оказывает.

И наконец, реактивная тревожность в первой половине тренинга существенно не изменилась, во второй половине значительно снизилась, а с начала до окончания тренинга происходит явная модификация. Это объясняется особой атмосферой тренинга, так как это ситуативная переменная.

Связь между факторами имеющими значимость различий по t-критерию Стьюдента $> 2,13$ мы рассчитывали по коэффициенту корреляции Пирсона. Полученные данные занесены в таблицы.

Таблица № 7.

Сводные таблицы результатов расчетов коэффициента корреляции Пирсона.

Исследуемые параметры.		
Реактивная тревожность	Одиночество	ГХУ
9.8	10	0.7

Таблица № 8

Исследуемые параметры		
Личностная тревожность	Одиночество	ГХУ
33	10.	0.83

Таблица № 9

Исследуемые параметры		
Личностная тревожность	Реактивная тревожность	ГХУ
33	9.8	0.6

Расчет связи между факторами, имеющими значимость различий >2 , показал, что между тремя исследуемыми переменными (уровнем одиночества, уровнем реактивной тревожности и уровнем личностной тревожности), имеется значимая прямо пропорциональная связь. Таким образом изменение одного фактора влечет за собой модификацию другого и наоборот.

Как показали результаты нашего исследования, тренинг по интегративным психотехнологиям достаточно эффективный способ психологической коррекции уровня одиночества и тревожности.

Полученные результаты позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Проведенное нами исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу о том, что под влиянием ИИПТ снижается уровень одиночества, следовательно ИИПТ применимы для коррекции повышенного уровня одиночества.

2. Выполнена цель исследования: выдержала проверку положения, что происхождения тренинга по ИИПТ указывает влияние на уровень одиночества и уровни тревожности.

3. Подтвердилась гипотеза исследования: ИИПТ оказывает значительное влияние на динамику реактивной и личностной тревожности, а именно, тревожность понижается.

4. Доказано, что между уровнем одиночества и уровнями тревожности существует значимая взаимосвязь.

На основании проведенного нами исследования можно сделать заключение, что они имеют как научно-познавательную, так и прикладную перспективы.

В научно-познавательном отношении имеет смысл расширить как исследовательский инструментарий, так и объем выборки, а также для исследования устойчивости влияния тренинга по ИИПТ провести отсроченные замеры в лонгитюдной стратегии.

Список литературы.

1. А. Адлер. Практика и теория индивидуальной психологии. Перевод с немецкого, - М; Фонд «За экономическую грамотность», 1995 - 296 с.

2. Р.Ассаджиоли. Психосинтез: теория и практика. - М.: PEFL- book, 1994 - 314 с.

3. Альманах психологических тестов. - М.,: «КСП»,1996 - 400 с.

4. Э.Берн. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб, 1992 - 400 с.

5. Бихевиоральная терапия. Учебно – методическое пособие. - Новосибирск, 1996.

6. Ж. Годдфруа. Что такое психология. Т.1 - М.: “Мир”, 1992.

7. С. Гроф. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. - М.: Издательство Трансперсонального института, 1993 - 504с.

8. С. Гроф. Области человеческого бессознательного. - М.: Издательство Трансперсонального института, 1994 - 278с.

9. С. Гроф. Путешествие в поисках себя. - М.,: Издательство Трансперсонального института, 1994.

10. Групповая психотерапия. /под. ред. Б.Д. Карвасарского, С.Ледера - М.: Медицина, 1990 - 384с.

11. Ф.Зимбардо. Застенчивость. - СПб.: Питерпресс, 1996 - 384с.

12. В.Козлов. Истоки осознания. Минск., 1995 - 384с.

13. В.В. Козлов, Ю.А. Бубеев Измененные состояния сознания, психология и физиология. - М., 1997 - 197с.

14. В.Козлов. Чарующее пространство внутренней целостности. - Ярославль., - 1996 - 48с.

15. Краткий психологический словарь. - М., 1992 - 390с.

16. Лабиринты одиночества: перевод с английского./Сост. и общ. ред. и предисловия Н.Е.Покровского - М.: Прогресс, 1989 - 624 стр.
17. М.В.Молоканов. Свободное дыхание как путь профессионала. - М: изд-во Трансперсонального института. 1994 - 208 с.
18. Р.С. Немов Психология. Т. 1. - М.: Просвещение., 1997 - 547с.
19. Популярная психология. Хрестоматия. - М.: 1990 - 339 стр.
20. Психологический словарь. /под ред. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд. - М., 1997- 440 с.
21. Ребёнок и пространство. Семь шагов к истине. /Сб. под ред. В.В. Козлова- М. 1996 - 197 с.
22. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию: становление человека. Перевод с английского. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994 - 480 с.
23. Роджерс К.Р. Клиентоцентрированная терапия- перевод с английского - М.: «Рефл- бук», К: «Ваклер» 1997 - 320с.
24. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. - Перевод с английского - М.: «Прогресс», 1993 - 386с.
25. Селье Г. Стресс без дистресса. Перевод с английского. - М.: «Прогресс», 1979 - 124с.
26. Свободное дыхание. Первые пять лет. /Под редакцией Козлова В.В.- М. 1994 - 184с.
27. Майерс Д. Социальная психология. Перевод с английского. - СПб.: «Питер» 1996.
28. Словарь- справочник по психологической диагностике./Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов - Киев., 1989 - 200с.
29. Теории личности. /Хьелл Л., Зиглер Д. - СПб: Питер. Пресс, 1997 - 608с.
30. Творчество воли. /под ред. Козлова В.В.- М., МАПН, 1997 - 223с.
31. Фейдимен Дж. Р. Фрейд Р. Теория и практика личностно- ориентированной психологии. - М., 1996 -
32. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник: - М.: Прогресс, 1990 - 386с.
33. Фромм Э. Психоанализ и этика. - М.: Республика, 1993 - 415с.
34. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. - СПб.: «Лань», 1997 - 240с.
35. Этюды о новой психотерапии. /Ред. В.В.Козлов - Мн., 1995.

ВЛИЯНИЕ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ НА ПОКАЗАТЕЛИ ВНИМАНИЯ И ПАМЯТИ У ПЕДАГОГИЧЕСКИ ЗАПУЩЕННЫХ ДЕТЕЙ

Глухова Ольга, г. Барнаул

В настоящее время часто встречаются данные о влиянии на психические функции, наряду с биологическими, и социальных факторов. Например, педагогической запущенности, которая может быть обусловлена разными причинами: неблагополучная семья и др.

Отставание психических функций у педагогически запущенных детей вызвано тем, что для развития внимания и памяти до определенного уровня требуются не только соответствующая зрелость нервной системы, но и тренированность этих процессов. В то же время, в детских дошкольных учреждениях не всегда используется дифференциация детей по уровню развития этих психических функций и не проводится соответствующей коррекционной работы.

В связи со сказанным, приступая к работе в должности психолога дошкольного учреждения санаторного типа, я, в первую очередь, все свои усилия направила на диагностику развития психических процессов у детей.

В результате проделанной работы выделилось три обширные группы дошкольников. Первую группу составляли дети, чьи показатели соответствовали норме. Сюда относились, как правило, здоровые дети. Ко второй группе дошкольников относились те, у кого показатели развития психических функций были заметно снижены по сравнению с нормой. В эту группу, в основном входили дети, которых я с полным правом отнесла к категории ослабленных. Это часто болеющие дети, дети, у которых отмечено наличие туберкулезного вируса и несоответствие биологического возраста паспортному (меньший показатель роста и веса).

Анализ факторов, которые могли привести к снижению психических функций в третьей группе дошкольников, показал, что ни по гармоничности развития, ни по количеству заболеваемости, ни по биологическому возрасту данные дети не отличались достоверно от нормально развивающихся.

В то же время, в этой группе детей, которых я назвала педагогически запущенными, наблюдалось присутствие того или иного неблагоприятного социального фактора : неполная

или неблагополучная семья, присутствие в семье трудного подростка, требующего особого внимания, неблагополучное финансовое положение, длительное пребывание ребенка вне дома по каким либо причинам и др.

Таким образом, сравнивая полученные данные в этих трех группах детей, я отметила следующее:

В группах ослабленных и педагогически запущенных детей память по показателям вербального и произвольного запоминания ниже, чем в группе нормально развивающихся. При этом показатель произвольного запоминания достоверно ниже лишь в группе педагогически запущенных детей, а внимание достоверно ниже в группе ослабленных. Такое значительное снижение психических функций у ослабленных детей объясняется тем, что, как правило, у детей с наличием туберкулезного вируса и заниженными показателями роста и веса наблюдается острая белковая недостаточность, вызывающая, наряду с физиологическими отклонениями, и отклонения в психике.

Здоровые дети превосходили ослабленных детей и детей с педагогической запущенностью по показателям внимания и скорости обучения простым двигательным навыкам, несколько хуже у ослабленных детей были показатели памяти. В то же время выяснился интересный факт. В группе ослабленных детей интеллект превышал его развитие у нормальных детей и детей с педагогической запущенностью. Этот факт можно объяснить тем, что несформированность ряда невербальных функций, обусловленная биологическим неблагополучием в развитии ребенка, может успешно компенсироваться высоким развитием вербального интеллекта и корректироваться в процессе обучения. К тому же, такое заметное развитие интеллекта, можно связать с тем, что ослабленные дети в благополучных семьях, находясь под усиленной опекой взрослых, пользуются некоторым превосходством по сравнению со здоровыми. Как раз дефицитом этого общения можно объяснить такое резкое снижение интеллекта в группе педагогически запущенных детей.

К сожалению, количество таких детей в последнее время растет, в связи с окружающей нестабильностью общества в целом и ростом семей, в которых родители посвящают себя всецело бизнесу. Но, несмотря на это, пока мало внимания уделяется проблеме педагогически запущенных детей, хотя именно они являются наиболее перспективными в плане кор-

рекции, потому как временные отставания в развитии не связаны у них с органическими поражениями в психике.

Сейчас предлагается огромное множество методов коррекции психических процессов у дошкольников, но главным их недостатком является то, что все они учитывают только один из способов восприятия, чаще всего - визуальный.

Приступая к работе в группе педагогически запущенных детей, я составила синтетическую методику коррекции внимания и памяти. Методика включает в себя комплекс занятий, возрастающих по степени трудности и направленная на развитие всех способов восприятия ребенка: визуальный, кинестетический и аудиальный.

Я сделала упор на внимание и память, потому как от развития в должной мере именно этих функций более всего зависит успешное обучение ребенка в школе, где эти процессы в норме уже начинают принимать форму произвольных.

В систему занятий входила программа коррекционных игр для детей старших групп детского сада на развитие памяти и внимания на вербальной основе. Сюда же входили игры, предложенные сотрудниками Мурманского государственного педагогического института на развитие, в основном, образной памяти, направленные на визуальный способ восприятия. Также развивающие игры Б.Н. Никитина на коррекцию кинестетических навыков: "Сложи узор", "Сложи квадрат", "Обезьянка", "Внимание!", "Внимание-Угадайка". Множество развивающих упражнений на коррекцию невербальных процессов внимания и памяти.

Работу с группой педагогически запущенных детей я проводила регулярно два-три раза в неделю на протяжении трех месяцев с учетом характера занятий в утренние или послеобеденные часы.

Результаты проведенной коррекционной работы показали более заметное повышение показателей вербальной и долговременной памяти по сравнению с незначительным повышением этого показателя в группе нормально развивающихся детей. И повышение невербальной памяти и динамики запоминания в группе педагогически запущенных детей, в то время как в группе нормально развивающихся детей заметного изменения не произошло. Также в группе детей, с которыми проводились коррекционные мероприятия, заметна динамика развития объема внимания и точности.

В обеих группах ярко выражена динамика развития вербального интеллекта, что говорит об эффективности программы обучения в подготовительной к школе группе, насыщенной мероприятиями, направленными на развитие мировоззрения, кругозора и интеллектуальных способностей ребенка.

Кроме того педагогически запущенные дети приобрели навыки быстрого реагирования, чем заметно стали отличаться от нормально развивающихся детей.

Исследуемые группы детей относились к дошкольному возрасту и коррекционная работа проводилась прежде всего для того, чтобы подтянуть отстающих детей к поступлению в школу. В исходном положении педагогически запущенные дети по всем показателям выглядели хуже нормально развивающихся. После проведения коррекционных мероприятий наиболее ярко выражено повышение показателя по тесту “Группа точек” и значительно превосходит первоначальное значение этого показателя в группе детей с нормальным развитием. Хотя в других показателях сдвиги менее выражены, это можно объяснить малым временем проведения развивающей работы с детьми.

В целом проведенная коррекционная работа дала положительный результат. Ни по одному показателю не произошло снижения.

Таким образом из результатов проделанной работы можно сделать следующие выводы:

- В исходном состоянии у детей с педагогической запущенностью были обнаружены более низкие показатели всех видов памяти и внимания по сравнению с нормально развивающимися;
- У ослабленных детей уровень интеллекта оказался выше на фоне более низких показателей других психических процессов;
- В результате коррекционной работы улучшились показатели внимания и памяти у педагогически запущенных детей;
- Коррекционная работа не затронула значительно показатели готовности к школьному обучению, что объясняется малым временем проведения развивающих упражнений.

САМОУБИЙСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.

Голубкова Елена, ЯрГУ

Самоубийство есть психологическое явление, и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой.

Н. А. Бердяев, « Эссе о самоубийстве »

Актуальность проблемы самоубийства в последнее время все более увеличивается. Согласно данным Национального центра статистики по здравоохранению США, среди первых десяти причин смерти в большинстве высокоразвитых стран мира стоит самоубийство.

В связи с этим многие науки пытаются разгадать загадку самоубийства : с позиций социологии и психологии, культурологии и антропологии, психиатрии, биологии и т.д.

Следует отметить также, что все исследования в данной области сравнительно молоды (научный подход к проблеме самоубийства начал складываться всего лишь около двух веков назад, когда как самоубийство, как явление, в истории человечества существовало начиная с самых ранних этапов его развития), и общей парадигмы для понимания проблемы суицида до сих пор не найдено.

Интересно проследить, как развивались научные, в первую очередь психологические, взгляды на самоубийство с древнейших времен и до наших дней.

То, что самоубийство - это явление психологическое, в наше время кажется не вызывающим сомнения и даже очевидным. Трудно представить, что когда -то на психологическую сторону не обращали внимания вовсе.

Вплоть до начала девятнадцатого века самоубийство, в большинстве своем, носило практически ритуальный или обрядовый характер. Так, добровольное принесение себя в жертву богам во имя общественных интересов в древности существовало у всех народов. Человеческая жизнь являлась лучшей гарантией успешности многих крупных мероприятий, начиная от военных действий и кончая строительством городов, крепостей и других важных объектов - в Японии, например, при постройке моста в его основание закапывалась человеческая жертва (« хитобашира »), чтобы мост был прочным и бог реки не гневался на самоуправителя строителей. Самоубийства вдов во многих странах являлись свидетельством подлинной любви к мужу и доказательством их верности.

У мужчин существовал другой ритуал - кодекс чести, который требовал свою долю самоубийств. Один из главных пунктов в нем - это искупление позора от военных поражений. Не случайно даже в Ветхом завете, в котором воплощены антисуицидальные отношения религии иудеев, все же упомянуты и самоубийцы, в частности Саул, который предпочел убить себя после поражения в битве, но не достаться живым врагу.

Особого внимания этому явлению не уделялось ни со стороны правителей, ни со стороны народа, кроме как, разве, сдержанно - осуждающего. Например, среди вампиров, упырей и прочей нечисти наряду с другими грешниками фигурируют самоубийцы.

Исключением стали, наверное, только расцвет христианства и коммунизма. Приверженцы христианства считали суицид большим грехом, так как жизнь и душа дарованы человеку свыше и он не вправе распоряжаться ими самостоятельно. Самоубийцам отказывалось в христианском погребении, они карались позорным захоронением на перекрестках дорог, вне кладбища, а в правовом плане семья самоубийцы лишалась законного наследства. Люди же, совершившие неудачную попытку суицида, подвергались заключению к каторжным работам как за убийство.

В советское время несостоявшегося самоубийцу лишали места работы.

Первая психологическая теория, касающаяся проблемы самоубийства, появилась в начале прошлого века и получила название концепции Эскироля. Суицид трактовался в ней как симптом психического заболевания. Выдвигая тезис о тождестве самоубийства и безумия, основоположники клинической психиатрии руководствовались, несомненно, гуманистическими побуждениями. Они стремились, признав самоубийцу душевнобольным, оградить его от преследования, оказать ему необходимую помощь. Дальнейшее развитие психиатрии в целом и, в частности, учения о пограничных расстройствах, появление психоанализа, обусловили эволюцию представлений о границах психической нормы и патологии. Изменилась оценка степени нарушений поведения душевнобольных, а так же их способности отвечать за содеянное.

Необоснованность отнесения самоубийств только к сфере психиатрии доказана и последующими исследованиями. Установлено, что только 20 % суицидентов состояло на учете в психоневрологических диспансерах и 8 -9 % признано нуждающимися в постановке на учет; остальные лица оказались в пределах психической нормы.

Современная литература, особенно на Западе, характеризуется большим разнообразием взглядов на самоубийство. Ряд авторов ставит

самоубийства в зависимость от комплексных интрапсихических образований и личностных реакций. Сюда относятся работы, обращающие внимание на чувство вины (Дж. Хенслин, 1970г.), безнадежность (А. Бек, М. Ковач, А. Вейсман, 1975г.), аггравацию чувства оскорбленности (А. Покорни, 1965г.), незащитность (А. Покорни и Г. Каплан, 1976г.), особенности личностного реагирования на ощущение социальной отверженности, уход в себя (П. Анжель, М. Талигани, 1978г.). В ряде работ предпринимались попытки установить зависимость самоубийств от особенностей личностной структуры и акцентуированных черт, близких к психопатологическим синдромам, таких, как истерические черты личности (Д. Паллис и Г. Бертчнел, 1977г.), склонность к депрессиям (Д. Эвери и Г. Винокур, 1978г.) и др.

Некоторые авторы отрицают решающее значение для самоубийств мотивационных личностных структур и делают акцент на особенностях познавательной деятельности индивида : осознания и рефлексии суицидентов (Г. Шнир, 1961г.), ригидности их мышления (Ч. Нойригер, 1964г.) и т.п. Выдвигаются концепции самоубийства, как «крика о помощи» (Н. Фаберлоу, 1962г.), результата распада социальных связей (В. Масумара, 1977г.).

Почти во всех этих работах отсутствует комплексный подход к проблеме, а также не делается анализа личности в связи с совокупностью социальных условий ее жизни.

В нашей стране в результате проведенных исследований А.Г. Амбрумовой была выдвинута концепция самоубийства как социально - психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта. В этой теории А. Г. Амбрумова и ее коллеги попытались рассмотреть проблему самоубийства с разных позиций.

Основное ее содержание сводится к следующему. Понятие адаптации отражает различную степень и качество соответствия организма и среды. Человек приспособливается к среде путем активного взаимодействия с природой и социальными условиями существования. В отличие от биологической адаптации, которая протекает пассивно, социально - психологическая адаптация имеет активный характер. На уровне личности акцент адаптации переносится на социальные взаимодействия, опосредованные психической деятельностью и ее высшей формой - сознанием.

Процесс социально - психологической адаптации протекает по всем четырем направлениям человеческой деятельности : познавательному, преобразовательному, ценностно-ориентационному и коммуникативному. В норме все эти направления адаптации образуют целостную динамическую систему, в которой каждое из них гармонично сочетается с ос-

тальными. С динамической и энергетической сторон процесс адаптации характеризуется пластичностью и интенсивностью. При этом значительная часть адаптационных возможностей не используется, образуя резервный фонд, который мобилизуется для адаптации в экстремальных ситуациях. Однако в экстремальных условиях не все личности одинаково перестраивают свою приспособительную тактику. Одни, наиболее устойчивые, за счет пластичности и резервов сохраняют прежний общий (нормальный) уровень адаптации, другие - снижают этот уровень, но без его существенной деформации по всем четырем направлениям деятельности. В этих случаях дезадаптация, если и наступает, то носит временный характер и является « лимитирующей » (непатологической). Некоторые же личности, которые имеют недостаточный резерв адаптации и меньшую ее пластичность в силу самых различных причин (психических или соматических заболеваний, пограничных состояний, высокой эмоциональности, серии жизненных неурядиц и т. п.), в экстремальных (конфликтных) ситуациях оказываются в состоянии социально - психологической дезадаптации, которая характеризуется качественной « трансформирующей » (патологической) ломкой процесса адаптации. Объективно социально - психологическая дезадаптация проявляется в поведении, субъективно - в широкой гамме психоэмоциональных сдвигов.

Социально - психологическая дезадаптация в динамике проходит две фазы : predisпозиционную и суицидальную. Первая не служит единственной детерминантой суицидального поведения. Решающее значение для перехода этой фазы в суицидальную имеет конфликт, который занимает центральное положение в структуре суицидального акта.

Дальнейшее изучение самоубийств показало полную адекватность данной концепции по отношению ко всем категориям суицидентов: душевнобольным, но вменяемым; лицам с пограничными расстройствами; практически здоровым людям.

Литература

1. Актуальные проблемы суицидологии. Сборник статей. Ответственный редактор А. А. Портнов. М, 1978 .
2. Бердяев Н. А. О самоубийстве (психологический этюд). «Психологический журнал», 1992, № 1, с. 90 - 94, № 2, с.90 - 106.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕНСИВНЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРАПИИ ПОГРАНИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У ПОДРОСТКОВ

**Гусева Елена, Заярная Ирина, Муляр Андрей
Ярославская областная клиническая психиатрическая
больница.**

Психотерапия, как практика, родившаяся на стыке психиатрии и психологии, педагогики, неврологии и генетики, социологии, а также ряда других смежных наук, давно заняла свое место в ряду дисциплин, не только помогающих человеку выжить в океане повседневных проблем, но и способствующих личностному росту. В мире, где один катаклизм сменяет другой, где уже нормой стало «нарушение равновесия в жизни человека на физическом, физиологическом, психоэмоциональном, социальном уровнях, и как следствие - потеря целостности сознания, его фрагментация» (С. Всехсвятский [3]), особенно сложно приходится социально незащищенным группам населения, в частности - подросткам из малообеспеченных семей. Отсутствие должного уровня воспитания и образования, невозможность найти хорошо оплачиваемую работу, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, «романтика» преступного мира, отсутствие внутренних моральных принципов, агрессивность, стремление к группированию и эмансипации (А.Е. Личко [8]) дает плодородную почву для формирования антисоциальных установок у подростков [6].

Первый шаг к противоправным действиям в такой среде делается чаще всего из-за возможности самоутвердиться, повысить собственный статус в глазах сверстников, из-за потребности в материальной независимости и, наконец, - «от нечего делать», часто - в состоянии алкогольного и наркотического опьянения (см. Таблицу 1). К проявлению (и усилению) патохарактерологических особенностей подростков имеют также отношение морфологические (органические) и социальные (микро- и макросоциальные) факторы (см. Таблицу 2). Учитывая сложный механизм взаимодействия непосредственных и опосредованных психических расстройств у подростков, возникает необходимость комплексного подхода к коррекции поведенческих нарушений, применение разносторонних методов психотерапии (рациональной, суггестивной, групповой и других).

Рядом авторов [2] экспериментально доказано психотерапевтическая эффективность начального курса интенсивных интегративных психотех-

нологий (В. Козлов) по повышению психологического здоровья и уровня самоактуализации вне зависимости от личностного профиля занимающегося. Прохождение начального курса позволяет занимающимся стать более уверенными в своих силах, центрированными на настоящем моменте, спонтанными и гибкими в поведении, менее подозрительными и отягощенными комплексами невротических реакций психологических защит. Особо благоприятное влияние данный курс оказывает на лиц с низким уровнем принятия противоречий в человеческой природе, или принятия слабости в себе, низким уровнем самоуважения, осознанностью своих чувств и доверия к ним.

Таблица А.

Динамика социальной адаптации в зависимости от роли подростка (по Б.Н. Алмазову)

№ п/п	Коллектив	Неформальная группа	Семья
	Руководитель	Лидер	Друг
	Авторитетный помощник	Приветствующий	Привязан к родителям
	Формальный помощник	Независимый в группе	Замкнут, отгорожен
	Имеет временные роли	Примыкающий без проблем	Конфликтен
	Без определенной роли, но с авторитетом	Вне группы, не пользуется приятелью	Примыкает к одному из родных
	Без роли и без поддержки в коллективе	Примыкающий ценой жертв (помыкаемый)	Разрыв с семьей (бродяжничество)
	Изолированный	Отвергаемый	Выталкиваемый из семьи

Известно, что характеристиками, наиболее чувствительными к влиянию тренинга являются: тревожность, самооценочность, уверенность в себе, внутренняя конфликтность, самообвинение, консистентность потребности в достижении [7]. Не чувствительны к влиянию тренинга: локус контроля, отраженное самоотношение, самопринятие, потребность в аффилиации.

Авторы предположили, что прохождение начального курса ИИПТ подростками, имеющими ППР, сможет в определенной мере уменьшить

воздействие неморфологических постнатальных и социальных факторов.

Таблица В.

Факторы, способствующие формированию пограничных психических расстройств у подростков

Морфологические (органические поражения головного мозга и ЦНС).

Наследственные факторы.

Тяжелые и хронические инфекционные и венерические болезни

Хронические интоксикации, психопатология

Заболевания ССС и НС

аутоиммунные и эндокринные заболевания

Перинатальные факторы

Пренатальные факторы

Инфекционные заболевания у беременных

заболевания СС и мочевыводящей систем

Хронические интоксикации беременных (в т.ч. профвредности)

Дефицитные состояния у беременных

Стрессы и психотравмы у беременных

Интранатальные факторы.

Ранние и поздние (относительно положенного срока) роды

Стремительные (менее 4-х часов) и затяжные (> 16 часов) роды

Гипоксия (асфиксия) в родах

Применение методов экстренного родоразрешения

Постнатальные (в т.ч. поздние постнатальные) факторы.

Хронические и длительно текущие заболевания дыхательной, сердечно-сосудистой, мочевыводящей и эндокринной систем

Травмы, о. Гипоксия (утопление, удушение)

инфекции, интоксикации

Постнатальные неморфологические факторы

материально-бытовые условия

психо- и соматогении

переутомление (астенизация личности)

неподходящая трудовая деятельность, смена места работы [5]

Психосоциальные факторы

Неформальная группа:

зависимость авторитета члена группы от его личностных качеств, а также субъективных чувств приязни или неприязни

возможность реализации реакций эмансипации, протеста и оппозиции, асоциальных тенденций (существование по законам группировки, часто идущим в разрез с общепринятыми)

возможность получения тех видов удовольствия, которые не доступны или ограничено доступны в привычном социуме (алкоголь, наркотики, ранний секс)

материальная стимуляция, «криминальная романтика»

Коллектив

Авторитет члена коллектива зависит от его участия и успехов в совместной деятельности

позиция подростка в коллективе определяется официально отведенной ему ролью, отраженной в общественном поручении

Семья

психопатологическая наследственность

характерологические отклонения у родителей, насилие в семье

неправильное семейное воспитание или отдельные его дефекты (гипо- и гиперпротекция, «золушка», «кумир семьи», противоречивое воспитание, безнадзорность и другое)

незаконнорожденность, раздельное проживание, развод родителей, несчастливый брак, социальное сиротство

функциональная пустота (одна из ролей, необходимых для супружества не выполняется) [9]

Еще одним важнейшим вопросом подростковой психотерапии является проблема мотивации. Подросток, имеющий установку на антисоциальное поведение, формирующуюся в такой группе сверстников, где морально-этические нормы нивелируются под воздействием криминальных «авторитетов», где реакции группирования и эмансипации усилены оппозиционным поведением, вряд ли пожелает лично измениться - в первую очередь, опасаясь быть высмеянными сверстниками. Поэтому очень важным элементом не только терапии, но и последующей социальной адаптации является предоставление подростку возможности обитать в новом жизненном пространстве, в окружении одобряющих и поддерживающих новых друзей.

Исходя из концепции трансперсональной психологии (S.Groff) причиной многих жизненных проблем можно считать эмоционально заряженные воспоминания разных периодов жизни человека, конденсированные по принципу качества заряда (СКО - «система конденсированного опыта» по S.Groff [4]), возникло предположение, что подростки, получившие доступ к СКО и осознавшие их как принципы, управляющие динамикой индивидуального бессознательного, смогут разрешить свои проблемы и конфликты на сознательном уровне. Но при подборе методики, дающей подростку такую возможность, вначале возникло множество вопросов. В пространстве ныне существующих подходов к психотерапии пограничных психических расстройств методики, использующие измененные со-

стояния сознания (ИСС) - эриксоновский гипноз, ребефинг, холотропное дыхание, медитации и др. - принадлежат к числу наиболее молодых (с клинической точки зрения). До сих пор не прекращаются дискуссии о результативности и целесообразности применения терапии измененными состояниями сознания в клинической психотерапевтической практике (Козлов В., 1996).

В свете вышеизложенного, возможно, представляет интерес результат экспериментальных психологических исследований, проведенных врачом-психиатром, сертифицированным инструктором по ИИПТ Международной академии психологических наук Муляром А.В. на базе 14 отделения ЯОКПБ при участии и активной помощи зав. отделением Зарной И.И. и мед. психолога Гусевой Е.Н. Исследование проводилось осенью 1996 года (сентябрь-октябрь).

В исследовании принимали участие 20 человек в возрасте от 16^{ти} до 23^х лет (средний возраст 17,5 ± 18 лет - 70 %). В работе групп принимали участие как пациенты отделения, так и добровольцы - учащиеся, студенты, служащие.

Часть участников тренинга имела различные психические отклонения: последствия органического заболевания головного мозга различного генеза (астеноорганический, астеноневротический, психопатоподобный синдромы) - 10 человек (50 %), расстройства личности (астенического, неустойчивого круга) - 4 человека (20 %). Другую часть (30 %) составили психически здоровые люди, имеющие акцентуацию характера различного (истероидного, неустойчивого и др.) типа и выраженности, сложности в общении, низкую самооценку, некоторые межличностные (межполовые, детско-родительские) проблемы. В тренинге были использованы техники Свободного Дыхания, элементы телесно-ориентированной терапии, арт-терапии, элементы рациональной психотерапии, медитативной техники. Клиенты дважды, до и после групповых занятий, подвергались медико-психологическому обследованию в условиях стационара.

Изменения психического статуса отражены в приведенных ниже таблицах:

Таблица С.

Изменение показателей самочувствия, активности, настроения (методика САН)

	min (баллы)	max (баллы)	Среднее значение (баллы)
Самочувствие			
До	1,5	5,9	4,41
После	2,4	6,8	5,24

<i>разница в %</i>	60	15,25	18,82
Активность			
До	1,7	4,6	3,5
после	2,3	6,7	4,45
<i>разница в %</i>	35,29	45,65	27,14
Настроение			
До	1,4	5,8	3,7
после	2	6,6	5,56
<i>разница в %</i>	42,85	13,79	50,2

Таблица D. Изменение показателей объема и концентрации активного внимания (корректирующая проба).

	min (баллы)	max (баллы)	Среднее значение (баллы)
Объем активного внимания (количество просмотренных знаков)			
До			
после	540	1167	962
<i>разница в %</i>	405	1352	1055
	-25	+15,85	+9,67
Концентрация внимания (количество ошибок)			
До	1	84	25,3
после	1	64	17,9
<i>разница в %</i>	0	-23,8	-29,2

В результате прохождения тренинга большинство обследуемых отметили улучшение настроения, самочувствия, работоспособности. Более спокойным и полноценным стал сон, облегчилось засыпание, постсомнический период стал менее продолжительным. Уменьшились и исчезли головные боли, субъективно нормализовались функции дыхательной, пищеварительной, мочеполовой, эндокринной систем организма.

Из других примененных методик наиболее выразительными оказались результаты графического теста Дембо: у 6 человек (30 %) наблюдалось повышение по шкале «здоровья» и «характера», у 5 человек (25 %) - по шкале «ум» и «счастье». Менее показательными оказались: улучшение слуховой долговременной памяти (4 человека - 20 %), улучшение пространственно—конструктивных способностей (2 человека - 10 %), повышение уровня экстравертированности и снижение уровня нейротизма по Айзенку (3 человека - 15 %). Более заметной оказалась ди-

намика у клиентов с расстройствами личности астенического круга и последствиями органического заболевания с астеническим, астенонвортическим синдромами.

После прохождения тренинга участники группы также отметили улучшение коммуникабельности, снижение уровня тревожности, снижение зависимости от табакокурения, уменьшение тяги к сигаретам и алкоголю. По выражению некоторых участников группы «даже под воздействием алкоголя и наркотических препаратов ими ранее не достигался такой интенсивный положительный эмоциональный заряд и такая ясность в решении проблем».

Катамнез был получен через 6 месяцев в ходе личных встреч и по телефону. Многие клиенты избавились от ряда соматических и функциональных расстройств, стали комфортнее себя ощущать в новом, изменившемся пространстве жизни: новая работа, новые друзья, более высокое качество жизни. Все участники тренинга ежедневно успешно используют принципы и навыки, полученные в ходе занятий.

Резюме

Результат исследований позволяет с уверенностью говорить о целесообразности и достаточно высокой эффективности применения ИИПТ в терапии пограничных психических расстройств у подростков, а также дает предпосылки к применению данных методик для снятия (или хотя бы частичного снижения) алкогольной и наркозависимости. С помощью ИИПТ подросток получает возможность отреагировать семейные конфликты и тем самым улучшить детско-родительские взаимоотношения и взаимопонимание, компенсировать межличностные и, в частности, межполовые фрустрации. Глубинный аспект применения ИИПТ у подростков предполагает появление возможностей личностного роста и, как следствие, - социализацию подростка.

Список литературы

1. Алмазов Б.Н. «Профилактика конфликтов в работе с педагогически запущенными учащимися» - Уч. Метод. Пособие, ВНМУ, 1991, стр. 51-52.
2. Аминов Н., Молоканов М. «К вопросу о психотерапевтическом применении Свободного Дыхания». Сб. «Свободное Дыхание, еще один шаг» под ред. В.Козлова, Ярославль, 1992, стр. 75.
3. Всехсвятский С. «Апология Свободному Дыханию», там же, стр. 3.
4. Гроф С. «За пределами мозга», Москва, 1993.
5. Ковалев В.В. «Клиническая динамика невротозов и психопатии», Москва, «Медицина», 1967, стр. 152-182.

6. Ковалев В.В. с соавторами «Нарушение поведения у детей с умственной отсталостью». Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, вып. 10, 1986, Москва, Медицина, стр. 1511-1514.
7. Кузнецова Н. «Динамика некоторых личностных характеристик в процессе занятия СД». Сб. «Свободное Дыхание, еще один шаг» под ред. В.Козлова, Ярославль, 1992, стр. 46.
8. Личко А.Е. «Подростковая психиатрия». Ленинград, Медицина, 1985, стр. 77, 221-270, 380-381.
9. Троханов Ю.П., Заярная И.И. «Социально-психологические проблемы семьи и здоровье детей». Ж. «Новости медицины и фармакологии», №3, 1995, стр. 38-42.

О ПРОЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Жедунова Ирина, Киселев Игорь

Становление многополярности в системе международных отношений требует новых подходов к изучению проблемы проекции власти и влияния со стороны государств-участников этих отношений. В связи с этим определенный научный интерес представляет исследование указанной проблематики в рамках гештальт-подхода. При этом мы исходим из того, что существует условное деление государств на проективные и интроективные по основанию направления их развития. Проективные государства получают ресурсы для своего развития за счет распространения /проецирования/ своего влияния в сфере экономики, культуры, социальной политике на другие государства. Интроективные государства, напротив, развиваются за счет «инвестиций» со стороны других государств.

Рассматривая в таком контексте положение России, можно сказать, что она на данный момент находится в «двойственной» ситуации. С одной стороны, Россия /до развала СССР/ представляла собой сильное государство с ярко выраженной проективной стратегией. И в настоящее

время мы наблюдаем множество проявлений «проективности». Вместе с тем, российская экономика и социальная сфера нуждаются и сильно зависят от поддержки других государств, т.е. имеют место инвестиции «со стороны». Данное обстоятельство позволяет вести речь о неустойчивости российской стратегии развития в настоящее время.

Возвращаясь к характеристике чисто «проективных» государств следует отметить, что почти всегда таким государствам свойственна жесткая регламентация жизни внутри страны, прежде всего, через идеологию или «национальную идею». Мы рассматриваем идеологию с позиций В. Франкла* : в период каких-либо преобразований в обществе или создания нового государства для многих личностей начинается процесс «поиска смысла». Другими словами, для определенных групп людей возникает необходимость «самоопределения» и поиска своей позиции, роли в новом государстве. При этом, если по какой-то причине человек не находит себя и своей роли в обществе, у него может развиться ноогенный невроз, который при определенных обстоятельствах становится фатальным для личности. Чтобы предотвратить развитие ноогенного невроза у своих субъектов, государство вводит жесткую идеологию, которая регламентирует правила безопасности личности и ее предназначение в обществе.

Примером такой жесткой идеологии может служить коммунистическая идеология с ее верой в Россию как сверхдержаву. Одним из следствий данной идеологии явилось проективное развитие нашей страны. Чтобы выяснить, какие характеристики «проективного» общества остались в России после распада СССР и явилось целью нашего исследования. При этом изучалась точка зрения жителей центрального региона России на то, каким путем в настоящий момент идет развитие государства. Исследование показало, что 1) развитие России идет по пути построения нового государства со своей системой общественных, экономических и политических отношений; 2) в настоящий момент в России отсутствует какая-либо государственная идеология, в то время как в ней ощущается некоторая потребность со стороны общества; 3) более половины опрошенных (- 64 %) считают Россию сверхдержавой

* В. Франкл. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

и еще 18 % полагают, что в настоящее время положение России как сверхдержавы пошатнулось, но незначительно.

Анализируя результаты, приведенные выше, можно сказать, что настоящее положение России, рассматриваемое в геополитическом контексте, несколько не соответствует представлениям населения о ее новом статусе и возможностях восстановления статус-кво. Данное обстоятельство можно объяснить некоторой инертностью представлений, которая свойственна большим сообществам людей. Кроме того, существование определенной потребности в идеологии свидетельствует о наличии готовности принятия «сильной национальной идеи». Последнее в сочетании с сохранившимися в обществе представлениями о России как о сверхдержаве на макроуровне означает высокую вероятность укрепления проективной стратегии развития России.

Происходящие сейчас в сознании изменения, выражающиеся в том числе и в возрождении религиозного чувства, культе творческой личности, популяризации и ценностного переоформления того, что в прошлые десятилетия считалось деструктивным, антисоциальным, нередко представляют собой «квазивозвращение» к истокам. Оно компенсирует никуда не исчезнувшую потребность в регламентации времени и пространства и проявляется в заданности фигуρο-фоновых отношений. Весьма вероятно, что когнитивные схемы, лежащие в основе поведения, на настоящий момент не изменились, а переконструировались, перегруппировались. На макроуровне это означает лишь изменение «модуса» проективного развития государства.

ВЛИЯНИЕ ВХОЖДЕНИЙ РСС НА ДИНАМИКУ ВНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ.

Ирина Жукова, ЯргУ

Целью моего исследования было изучение влияния РСС на динамику внимания личности. Оценивались три характеристики внимания: объем, переключение, распределение.

Эксперимент проводился на выездном трехдневном тренинге по связному дыханию в г. Тутаеве и на профессиональном тренинге по интенсивным интегративным психотехнологиям на базе пансионата «Ярославль». Руководитель Владимир Козлов.

Исследование может быть оценено как пилотажный замер. Результаты данного исследования будут положены в основу экспериментальной части курсовой и дипломной работы на тему «Влияние РСС на динамику внимания личности».

Объем выборки - 20 человек, из них 10 женщин и 10 мужчин. Возрастные границы от 18 до 58 лет.

Обследуемые опрашивались по методике “Красно-черная таблица” [1, с 98]. Они должны были находить по предложенной им таблице вначале черные цифры в возрастающем порядке, потом красные в обратном и затем чередуя, например, 1 черная, 24 красная, 2 черная, 23 красная и т.д.

Объем внимания определяется по среднему времени выполнения первой и второй серии.

Переключение внимания определяется следующим образом: из времени, затраченного на выполнение третьей серии, вычитается сумма времени, затраченного испытуемым на выполнение 1 и 2 серий.

Распределение внимания соответствует времени, затраченному на выполнение 3 серии. Результаты заносятся в соответствующую таблицу.

Замеры проводились мной до процесса и после.

Для удобства анализа результатов я разделила испытуемых на группы по возрасту и полу.

1 женщины

а) 18-28 лет (5 человек)

б) 36-45 лет (5 человек)

2 мужчины

а) 21-26 лет (5 человек)

б) 37-58 лет (5 человек)

Полученные результаты позволяют выявить общую тенденцию к улучшению показателей характеристик внимания после выхода из процесса РСС.

У всех без исключения испытуемых после процесса заметно сократилось количество ошибок, которые были допущены при опросе до процесса.

Практически у всех опрашиваемых (85%) время, затраченное на выполнение каждого из заданий, после процесса заметно сократилось. Это говорит о том, что РСС усиливает концентрацию внимания (повидимому, это объясняется тем, что процесс РСС построен на глубоком и полном внимании). После процесса испытуемые быстрее и точнее называют цифры.

При интерпретации данных я учитывала и индивидуальные особенности личности, которые также влияют на внимание. Поэтому, если до процесса переключаемость у испытуемого находилась на уровне ниже среднего, а после процесса ее показатель поднялся на средний уровень, то это уже значительная тенденция к улучшению, наравне с высо-

кой переключаемостью у отдельных участников эксперимента до процесса и очень высокой после.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что изменения показателей после процесса в параллельных возрастных группах: мужчины (21-26) - женщины (18-28) и мужчины (37-58) - женщины (36-45) идут с одинаковой тенденцией в сторону улучшения.

В параллельных возрастных группах (1а) - 2а)) такая характеристика внимания как объем оказалась менее гибкой к изменению и осталась примерно на том же уровне у 80% из числа опрашиваемых данного возраста. А вот в старших группах, наоборот, объем внимания заметно увеличился (на 1 - 2 уровня). Переключение и распределение внимания во всех возрастных группах изменяется в пределах одного уровня в сторону улучшения.

Различные свойства внимания, в том числе и объем, переключаемость и распределяемость в значительной мере независимы друг от друга: внимание, хорошее в одном отношении, может быть не столь совершенным в другом; поэтому у тех испытуемых, у которых после процесса, например, объем внимания остался на прежнем уровне или немного снизился, один из двух других или даже два показателя внимания увеличились на один и два уровня.

Итак, процесс РСС, как показали результаты исследования, делает внимание более концентрированным.

Литература.

1. Энциклопедия психологических тестов: темперамент, характер, познавательные процессы. М., 1997. 256 с.
2. Козлов В. В. Истоки осознания. М., 1997. 363 с.
3. Козлов В. В., Бубеев Ю. А. Измененные состояния сознания: психология и физиология. М., 1997. 198 с.
4. Ребенок и пространство. Семь шагов к истине / сб. под ред. В. В. Козлова. М., 1996. 198 с.
5. Хрестоматия по вниманию М.: МГУ, 1976. 296 с.

ЛЮДИ И ДЕНЬГИ

Капустин Андрей, ЯргУ

В последние 10-15 лет экономическая психология как формирующаяся отрасль социальной психологии, стремящаяся стать относительно самостоятельной наукой об экономическом поведении, по новому ставит известные проблемы рыночных (капиталистических) отношений и в общих, и в частных вопросах. Примером последнего могут служить результаты экономико-психологического исследования, касающиеся отношений людей различных социальных групп к деньгам.

Психология отношения к деньгам является одним из новых направлений экономической психологии, уже в настоящее время заявившем о себе как о самостоятельной отрасли научного знания. Помимо этого, психология отношения к деньгам является одной из самых динамичных отраслей экономико-психологического синтеза, постоянно ускоряющейся за счет интенсивного развития в хозяйственной деятельности все новых денежных форм, прежде всего различных форм ценных бумаг.

В этой области экономисты отличаются от психологов по двум основным пунктам, хотя они разделяют ту же цель в попытке понять и предсказать путь использования денег. Экономисты заинтересованы в агрегированных данных на макроуровне - как классы, группы и страны используют, тратят и сохраняют свои деньги в определенных условиях. В этом смысле экономисты имеют больше общего с социологами, чем с психологами, которые интересуются индивидуальными и межгрупповыми различиями. Следовательно, когда экономисты преследуют цель смоделировать или понять денежное предложение, спрос или движение в стране или на континенте, психологи более заинтересованы в понимании того, как и почему разные группы людей различных профессий по-разному используют деньги. В то время как для экономистов индивидуальные различия являются «вариантными ошибками», для социального психолога это - материал для исследования. Во-вторых, в то время как экономисты предпринимают попытки понять использование денег в терминах рациональных решений людей со значительными экономическими знаниями, психологи не принимают как факт то, что люди рациональны и логичны в любом формальном или объективном смысле, хотя они могут быть субъективно рациональны и последовательны в своих действиях. В действительности это скорее психологическим факторы, чем логические, которые заставляют людей использовать деньги именно тем способом, которым они это делают.

Хотя специальных психологических «теорий» денег не существует, различные психологические парадигмы или традиции использовались применительно к психологии денег. В том числе среди них психоаналитические теории, теория развития Пиаже, бихевиористская теория научения и методы и концепции социальной психологии.

Синтез экономики и психологии, в том числе в области теории денег позволяет лучше понимать экономическое поведение человека в рыночных условиях (в банковском и биржевом деле, финансах и кредите), а следовательно, содействовать развитию экономических отношений в нашей стране.

Основной целью настоящего исследования, предпринятого в рамках транскультурной темы, разрабатываемой Международной Академией психологических наук и кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ по гранту Фонда гуманитарных научных исследований РФ, была попытка исследования отношения различных социальных групп российских граждан к деньгам.

Психология отношения к деньгам

Основа рыночных отношений - деньги. Экономическая теория рассматривает деньги как всеобщий эквивалент, меру стоимости и средство обращения. Однако исторический опыт и научные исследования показывают, что функционирование денег регулируются не только экономическими законами, но в немалой степени и психологическими. Люди не станут платить за то, что по их мнению не имеет ценности - чтобы по этому поводу не говорила экономическая теория. Экономические отношения (в том числе товарно-денежные) существуют не только вне людей (в виде законов, планов, инструкций и т.п.), но и внутри них - в виде социальных стереотипов и установок, которые складывались в течение десятилетий в условиях господства плановой экономики в нашей стране. Но что мы знаем об обыденных экономических представлениях россиян? Социологические, а тем более психологические исследования на эту тему немногочисленны, чаще всего они носят публицистический характер или затрагивают вербальный, контролируемый сознанием уровень (массовые социологические опросы). Они показывают, в частности, что характер мышления россиян является «неэкономическим» в противовес «экономическому» в своей основе западному мышлению.

Экономическая психология за рубежом особое внимание уделила проблеме так называемых «специальных» денег и их способности противостоят как различным группам товаров, так и определенным социальным ценностям и психо-социальным нормам. Эмпирических же исследований психологии денег было проведено всего несколько. Обзор

этих исследований приводится по книге А.Фернхема и А.Льюиса. Wernimont, Fitzpatrick, используя метод семантического дифференциала, предприняли попытку понять значение, которое различные люди приписывают деньгам. В их выборке (свыше 500 человек) были такие разные люди, как секретарши и инженеры, сиделки и технические супервизоры. Факторный анализ выявил ряд интерпретируемых факторов, которые были обозначены: постыдная неудача (отсутствие денег как указание на неудачу, смущение и деградация); социальная приемлемость, пренебрежительное отношение (деньги не очень важны, удовлетворительны и непривлекательны); моральное зло; комфортная безопасность; социальная неприемлемость и консервативная деловая ценность. Рабочий опыт индивидуума, пол и социоэкономический уровень влияют на его восприятие денег. Например, статус занятости показывает, что занятые на производстве люди рассматривают деньги гораздо более позитивно, как нечто желаемое, важно и полезное, тогда как безработные, по-видимому, относятся к деньгам как к чему-то травмирующему, беспокойному, тревожному и не приносящему счастья. Авторы приходят к выводу, что деньги действительно имеют разную символическую ценность и означают совершенно разные вещи для разных людей, находящихся на разных стадиях развития. Важными факторами индивидуальных различий, влияющих на отношение к деньгам являются: пол, социальная принадлежность, экономический статус и личностные качества.

Некоторые исследователи рассматривали проблему взаимосвязи личности и денег. Luft нашел, что еженедельный доход человека определяет, как он (человек) будет воспринят. Гипотетически, богатый человек воспринимается как относительно здоровый, счастливый и хорошо устроенный, тогда как бедный человек считается неустроенным и несчастным.

Rubinstein разработала исследование по деньгам для Psychology Today для изучения читательских отношений и чувств к деньгам. Обнаружилось, что транжиры в противовес самоотреченным людям были более здоровы и счастливы. Самоотреченные были более несчастливы относительно их финансов, персонального роста, друзей и работы. Они были более пессимистичны относительно своего собственного экономического будущего и будущего страны, и по-видимому имели больше психосоматических симптомов, чем транжиры. Она нашла, что люди очень скрытны в отношении денег. Пропорция респондентов, скрывающих свое финансовое положение увеличивалась с ростом дохода. Также в двухдоходных семьях деньги являются частным источником тре-

ний, и более 40 % согласились, что деньги делают их завистливыми, стремящимися к материальным благам сверх их значения.

Goldberg, Lewis рассмотрели большое количество парадоксов, несоответствий и лжи, окружающих деньги. Они предположили, что главные символические факторы, ассоциируемые с деньгами - это власть, любовь и свобода. Они заявляют, что люди, которые обращаются к деньгам ради безопасности, неизбежно становятся отчужденными от других, и их боязнь физического повреждения или отвержения другими проявляется в параноидальном страхе депривации от денег. Таким образом, они прежде всего озабочены безопасностью, а не счастьем, успехом или продуктивностью. Люди, ориентированные на власть, жадны до денег, которые являются для них властью, даже большей, чем та, что они имели во время вседозволенного детства. Остальные дают и забирают деньги и подарки как символы любви. Наконец, имеются такие, которые воспринимаят деньги как приносящие свободу для них самих, но лишаящих свободу тех, кто попал под власть денег.

Наиболее интересно, что отношение к деньгам существенно не зависело от личного дохода. Первичная и вторичная социализация и последующий опыт оказывают существенное воздействие на денежные привычки и убеждения людей. Основные факторы, такие как доход и образование, социальные и политические убеждения - без сомнения определяют формируемые в детстве установки на независимость, бережливость, достижения, мотивацию и т.п. Исследования детских карманных денег и степени дозволенности подтверждают, что такие факторы, как класс и возраст имеют большое влияние на детские привычки в расходах и сбережениях даже до достижения ими возраста 10 лет.

Центральной научной проблемой, на многие годы привлекавшей внимание, творческую энергию и вдохновение В.Н.Мясищева была категория отношений. В.Н.Мясищев сформулировал одно из важнейших в советской психологии принципиальных положений теории личности. Он подчеркивал, что система общественных отношений, в которую оказывается включенным каждый человек со времени своего рождения и до смерти, формирует его субъективные отношения ко всем сторонам действительности. И эта система отношений человека к окружающему миру и к самому себе является наиболее специфической характеристикой личности, более специфической, чем, например, ряд других компонентов, таких, как характер, темперамент, способности.

Категория отношений и понятие о его структуре были выбраны нами в качестве методологической основы нашего исследования.

Настоящее эмпирическое исследование показало, что отношение различных социальных групп к деньгам в нашей культуре отличается от

подобных исследований в других культурах. Надо отметить, что наше предположение о том, что характер мышления россиян остается не экономическим подтверждается тем, что новые ценности, связанные с монетарным поведением, еще не сформировались. В нашей культуре деньги зачастую ассоциировались со злом. Таким образом, проведенное исследование показало, что на отношение различных социальных групп и монетарное поведение большое влияние оказывают индивидуально-психологические характеристики, чем социальные (пол, возраст, уровень доходов).

Практически при межличностном общении мы тем или иным способом можем узнать отношение партнера к деньгам (как и где он их хранит, как и на что тратит, дает или не дает в долг, каков его источник доходов и что он для него значит и т.д.). И если принять во внимание значимость и ту интегративную роль, которую играют деньги в нашей жизни и даже в структуре личности, то это оказывается очень симптоматической характеристикой человека как личности и как партнера по общению и совместной деятельности.

А если вспомнить сколько в русской литературе (Пушкин, Достоевский, Толстой и др., - а это были великие психологи) романов и сюжетов построено на отношении главного героя к деньгам и через это к другим людям, к жизни и ее ценностям, к той этической и нравственной стороне отношений, которые затрагивают самые глубинные слои нашей психики... Попробуем ответить на простой вопрос: «Что для меня деньги?»

Литература:

1. Китов А.М. Экономическая психология. М., 1987, 304с.
2. Малахов С.В. "Экономический человек" и рациональность экономической деятельности. Психологический журнал 1990, т.11, №6.
3. Новиков В.В., Забродин Ю.М. Психологическое управление производственной организацией. М.,1992. Издание третье, 220 с.
4. Петрова С.В. Структура и содержание обыденных представлений о деньгах. М. МГУ, 1996.
5. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., Лениздат, 1967, 263с.
6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., МГУ, 1988, 208с.

Трансформация личности и психодуховный кризис

Киселев Юрий, ЯрГУ

Человек - это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, - канат над пропастью. Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка. В человеке важно то, что он мост, а не цель; в человеке можно любить только то, что он переход и гибель.

Ф. Ницше

Метафора эволюции постоянно сопровождает историю человечества и его культуру. Ее можно заметить в древних мифах, сказках, философских и алхимических трудах. Трансформация человека, его возрождение на новом более высоком уровне развития - частый мотив этих трудов. Идея сверхчеловека, человекобога также прослеживается на всем этапе исторического и культурного развития человечества.

Прекрасное метафорическое описание процесса трансформации мы находим в алхимии, где существует идея нахождения "философского камня", с помощью которого происходит трансформация неблагородных металлов в золото.

Ничто не является застывшим: "Все течет, все изменяется". Жизнь это постоянное развитие, как на филогенетическом уровне, так и на уровне онтогенеза. Развитие никогда не прекращается. Человек - это также сложная динамическая система, которая ни в коем случае не статична. Человеку свойственно также изменение, внутреннее "развертывание", трансформация. Существование человека и его развитие, изменения - это один и тот же процесс.

Цель этой работы состоит в попытке рассмотрения человека, его психики как самоорганизующейся, саморазвивающейся системы. Для этого мы будем прежде всего опираться и основываться на теории диссипативных структур И. Пригожина, которая отражает в себе генетический принцип, присущий сложным системам. Так же рассматриваем роль кризисов в процессе трансформации личности.

В качестве методологической основы нашей работы привлечем основные принципы: принцип целостности и генетический принцип. При

этом мы будем опираться на работу Козлова В.В. "Методологические аспекты трансформационной работы " [10].

МОДЕЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Личность можно представить как некоторую гомеостатическую, семантическую дуальную систему, некое семантическое пространство, состоящее из двух разнополярных частей, сформировавшуюся в результате личной эволюции в процессе социализации. На наш взгляд следует рассматривать эту структуру как некую систему из следующих основных элементов:

- 1 элемент - система идентификации (идентификация - уподобление, отождествление с кем-либо, чем-либо).
 - 2 элемент - ментальный. Этот элемент сводится к мыслям, идеям, установкам, вербальным конструкциям. Этот компонент является ментальным проявлением системы идентификации .
 - 3 элемент - поведенческий. Является внешним проявлением внутренней структуры идентификации личности и через него может осуществляться воздействие на внутреннюю структуру идентификации.
- Эти элементы находятся в непрерывной, взаимозависимой, взаимовлияющей системе отношений.*

Рассмотрим каждый элемент более подробно:

1. Система идентификации.

Для описания этого элемента воспользуемся работой Щербакова М. "Модель уровней самоидентификации личности", а также лекцией Козлова В.В. "Личность и личностный рост".

Систему идентификаций можно разбить на следующие виды или уровни идентификации, которые состоят из отдельных единичных идентификаций принадлежащих определенному классу или виду идентификации. Выделим следующие виды:

а. Материальные идентификации.

Материальные идентификации включают в себя идентификации со своим телом ("Я-образ"), идентификация со своими вещами (одежда, предметы личного пользования), идентификации с определенным пространством (комнатой, личной территорией и т.д.). Как правило в материальную идентификацию включается социальное окружение, референтные группы.

Материальные идентификации отражают качество отождествления личности с окружающими вещами и некоторым пространством. При этом личность переживает вещи и некоторое пространство как неотъемлемую часть себя ("мой стул", "моя комната" и т.д.). Личность сохраняет стабильность в структуре материальной идентификации.

б. Социально-общественные идентификации.

Здесь можно выделить следующие основные подвиды: социально-профессиональные, семейные, религиозно-идеологические и другие.

1) Социально-профессиональные идентификации - отождествление индивидуума с каким-либо социальным или профессиональным статусом. Этот класс идентификации определяется утверждениями типа: "Я - студент", "Я - программист", «Я - уважаемый гражданин» и т.д. Причем каждый человек по-своему наполняет такое утверждение (форму) неким смысловым содержанием.

2) Семейные идентификации - отождествление себя с какой-либо семейной принадлежностью. Определяется утверждениями типа: "Я - мать", "Я - отец" и т.д.

3) Религиозно-идеологические - идентификация себя с каким-либо религиозным или идеологическим направлением. Сюда, а не к духовным идентификациям мы отнесли этот подвид по причине того, что часто утверждения как: "Я - христианин", "Я - мусульманин", "Я - гуманист" и другие не имеют истинно духовного содержания, а представляют собой некие социальные ярлыки, содержание которых не имеет ничего общего с духовностью.

в. Духовные идентификации

Этот уровень часто и трудно определить прямым вербальным выражением. Хотя возможно, если эти утверждения действительно будут соответствовать духовному содержанию. К примеру высказывания: "Я верую" или "Я чувствую Бога" иногда могут служить вербальным выражением этого вида идентификации. Этот вид идентификации представляет собой прежде всего систему ощущений, мировосприятия, которая непосредственно связывает человека с духовными измерениями, с Богом (Вселенским разумом, Светом, идеей духовного).

Семантическое содержание неразрывно связано и сливается со структурой идентификации. Семантическое содержание присутствует в каждой идентификации. Если представить систему идентификации как более менее устойчивую форму, то содержанием заполняющим эту форму и является некое семантическое пространство, которое находится в состоянии постоянного изменения. Содержание идентификации может дополняться, изменяться с течением времени без изменения са-

мой идентификации. То есть, таким образом всякая идентификация представляет собой некое семантическое пространство, которое не является стабильным и неизменяемым, а напротив - находится в постоянном движении.

Смысловое содержание может иногда не соответствовать непосредственному понятию идентификации, т.е. каждый человек наполняет форму своим субъективным содержанием, иногда противоречащим самому понятию.

Следует, на наш взгляд, отметить следующие важные для понимания процессы трансформации свойства "Я - идентификаций":

- 1) Каждый вид, подвид или отдельная идентификация обладает своей ценностью для индивида, т.е. отдельные идентификации более важны и значимы для поддержания личностной структуры индивида, чем другие.
- 2) Многие классы идентификации обладают свойством сильной нестабильности и изменчивости (материальные, социальные), другие же имеют качество стабильности и неизменяемости (половые, национальные идентификации).
- 3) Личность обладает способностью, менять свою привязанность изменять ценность с одного вида идентификации на другой. Например, менять привязанность к материальным идентификациям на привязанность к духовным.
- 4) Некоторые (материальные, социально-общественные) более подвержены внешнему воздействию среды, чем другие (духовные).

Личность всю структуру идентификации обозначает для себя как "Я». Личность в свою структуру включает не только структуру отождествлений, но так же структуру разотождествлений, которую можно обозначить как "Не - Я". Если любая "Я" идентификация является положительной идентификацией, любая "Не - Я" идентификация является объектом отрицания. Структуру или область "Не - Я" личности можно так же расчленить на три основные вида: материальный, социально-общественный и духовный. Любая идентификация любого класса в структуре "Я" имеет свою противоположность в структуре "Не - Я".

Область "Не - Я" более обширна, чем "Я" идентификации. Человек может четко не осознавать "кто он есть", т.е. свои "Я" идентификации, но он точно знает "кто он не есть" и этих "Не - Я" в каждом виде и подвиде идентификаций намного больше, чем положительных "Я" идентификаций. Устойчивость личности обеспечивается не столько тем, что жестко идентифицирована с какими-то объектами внутренней и внешней реальности, а сколько дезидентификацией с объектами. Основным механизмом устойчивости не отождествление, а разотождествление.

Системы "Я" и "Не - Я" составляют единый конструкт, но как бы с разными зарядами и их соединение вызывает некое напряжение (разность потенциалов) личности. Именно это напряжение между "Я" и "Не - Я" и является личностной решеткой ограничивающей проявление личности неким пространством ("Я"). Любое приближение в "Не - Я" вызывает внутренний протест, сопротивление, чувство опасности. Гомеостатические тенденции личности обеспечиваются мерой жесткости личностной решетки.

2. Ментальный элемент.

Внутренняя структура идентификации имеет свое выражение на ментальном уровне, таким образом она служит базой для формирования и поддержания отношений к реальности. Система идентификаций непосредственно влияет на формирование отношений к окружающему и личности, таким образом, содержит огромное количество отношений, которые сформировались под воздействием ее внутренней структуры идентификации. У человека формируются позиции типа: "Это хорошо", а "это плохо", "Это правильно", а "это нет". Каждый человек должен поступать именно так, а не иначе и т.д.

3. Поведенческий элемент.

Поведенческие реакции являются внешним выражением внутренней структуры идентификации, то они таким образом существуют в двух зонах: "Я" и "Не - Я". В зоне "Я" находятся те поведенческие реакции, который непосредственно вытекают из структуры "Я" идентификации. К примеру, если социальная идентификация выглядит как "Я - студент", то из нее вытекают следующие функциональные обязанности такие как: посещение лекций, подготовка к семинарам, сдача зачетов и т.д. Таким образом все действия, которые будут выполняться для поддержания этой идентификации будут находиться в поведенческой зоне "Я".

В зоне "Не - Я" находятся те поведенческие реакции, которые не соотносятся со структурой "Я" идентификации и могут соотноситься лишь со структурой "Не - Я" идентификации личности.

Таким образом существует напряжение между полярными зонами "Я" и "Не - Я" на поведенческом уровне и соприкосновения с зоной "Не - Я" также нарушает стабильность и вызывает неравновесное состояние и может привести к кризису (потеря работы и как следствие тяжелый кризис безработного).

КРИЗИС - ТОЧКА ТРАНСФОРМАЦИИ

Пары противоположностей обладают естественной тенденцией встретиться посередине, но это середина - никогда не компромисс, выдуманный интеллектом, и на-

вызываемый враждующими партиями. Скорее это –
результат конфликта, который нужно выстрадать...

К.Г. Юнг

Если учитывать, что личностный кризис это некоторое дисбалансированное состояние психики личности, то исходя из модели В.В.Козлова, представленной выше, мы можем выделить некоторые причины, которые могут вызвать такое состояние в структуре личности. Во-первых это разрушение системы "Я" и соприкосновение с зоной "Не - Я".

Во-вторых это объективная или субъективно существующая угроза разрушения существующей личностной "Я" структуры, которая переживается непосредственно субъектом. То есть соприкосновение с зоной напряжения между базовыми компонентами структуры ("Я" и "Не - Я"). В-третьих, несоответствие поведенческого паттерна внутренней структуре "Я - идентификаций", т.е. противоречие между внутренней структурой "Я" и несоответствующей поведенческой реакцией, находящейся в зоне "Не - Я". В этих случаях человек переживает чувство вины, стыда за свою "греховность".

Эти конфликты между базовыми структурами могут происходить на разных уровнях идентификации (материальных, социально-общественных и духовных). Кризис, связанный с последним уровнем, т.е. с духовным мы обозначим как психодуховный кризис.

Примером первого вида может послужить лишение человека какого либо социально-профессионального статуса или потеря близкого человека. Во втором случае примером может быть субъективно переживаемый страх потери работы, страх быть брошенным любимым человеком, страх перед последствиями начавшейся болезни и т.д. Часто эти страхи могут сопровождаться объективными причинами. В третьем случае совершение какого либо греха христианином и его последующее морально-нравственные мучения. Следует отметить, что кризис имеет и другие причины.

Рассматривая личностный кризис, мы хотим обратить внимание на его огромную роль в саморазвитии личности. Основываясь на идее самоорганизации систем И. Пригожина, нам кажется необходимым для понятия внутренней логики нашей работы еще раз обозначить кризис - как точку бифуркации в развитии системы, т.е. точку самую плодотворную для дальнейшей эволюции системы. Эта точка, в которой происходит скачек в развитии либо в положительном направлении (к большей целостности и меньшей конфликтности), либо отрицательном (к большей раздробленности).

Можно отметить, что в кризисных состояниях наступает временное ухудшение психического здоровья, за которым наступает разрешение и переход на более высокий уровень функционирования. С этой точки зрения, то, что казалось плохим, можно проинтерпретировать как ступень в развитии и личностном росте или позитивную дезинтеграцию. [4]

Под позитивной дезинтеграцией В.В.Козловым понимается составная часть психологического кризиса, которая является элементом качественного личностного роста и развития. Кризисы развития - это периоды психологического стресса и трудностей, которыми сопровождаются жизненные трансформации и переломные моменты. Они могут отмечаться значительным психологическим дискомфортом, иногда даже ставящим под угрозу выживание организма. Такие переходы могут происходить спонтанно, как в хорошо известных случаях юношеского кризиса, кризиса середины жизни. Они могут быть вызваны интегративными психотехнологиями. Психологический переход к более высокому уровню развития редко протекает плавно и безболезненно. Скорее рост обычно сопровождается периодами дезорганизации, полного отчаяния. Очень хорошо об этом написал К.Г. Юнг : "Реальное решение может быть достигнуто только посредством страдания. Страдание показывает, до какой степени мы невыносимы для самих себя. "Примиришься с врагом своим", - внешним и внутренним! Вот в чем проблема. Такое примирение не унижит ни тебя, ни твоего врага. Я полагаю, что правильную формулу нелегко найти, но если это удастся - вы становитесь целостным, а это, я думаю, и есть смысл человеческой жизни". [Цит. по [11с.75]].

Если кризисы успешно преодолены, то определенная дезорганизация и хаос могут оказаться средством избавления от ограничивающих, изживших себя жизненных паттернов.

Появляется возможность переоценить, "Отпустить на волю" старые убеждения, цели, идентификации, образ жизни и принять новые, более перспективные жизненные стратегии.

Как пишет В.В.Козлов – «Кризис - это зов перехода в новое качество». И здесь возможны всего два варианта исхода:

- скачок в развитии и психодуховной эволюции, когда происходит исчезновение старого, изжившего себя образа "Я" и его обновление, возрождение и замещение новым, более действенным. Позитивную дезинтеграцию мы можем рассматривать как некое возрождение и процесс обновления является естественным циклом, обладающим благотворным потенциалом для роста и трансформации личности.

- углубление кризиса с потерей витальности, негативная дезинтеграция с преобладанием отрицательных эмоций, носящих эстетический, пассивно-бессильный, упаднический характер. Человеком овладевают

тоска, отчаяние, неверие в возможность выхода из тяжелой ситуации с возможным переходом в невроз, срыв, когда человек полностью деморализован и смирился с поражением.

Наступают те негативные последствия, которые кризисное состояние оставляет в организме - депрессия, начальные стадии психосоматических заболеваний, которые могут перейти из стадий начальных, преимущественно обратимых нарушений, в стадию нарушений стойких, органических.[4]

Таким образом мы можем заключить, что кризис состояния приводит структуру личности к некоторой разобщенности, разрушенности и существует потенциальная возможность того, что последующая сборка, уравнивание структуры будет более лучшей, более целостной, более оптимальной для личности.

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС

Большая роль в развитии личности принадлежит психодуховным кризисам. Психодуховными кризисами мы обозначим те из них, которые связаны с уровнем духовных идентификаций (конфликтами на этом уровне, с переживаниями духовного, мистического, трансперсонального порядка и затрагивающие глубинные уровни психики человека, сюда же мы относим экзистенциальные кризисы философско-смыслового порядка, связанные с такими смысловыми конфликтами, как "жизнь и смерть", "смысл и цели существования" и др.) (Козлов, 1997) .

Причины психодуховных кризисов в том, что в процессе развития человека, его самоактуализации глубинные слои психики прорываются в сознание человека с целью интеграции их в единое целое с другими слоями сознания. С. Гроф описывает этот процесс, как борьбу холотропного модуса сознания за равноправное существование вместе с хилотропным в сознании человека, в его психической реальности.

Для Р. Ассаджиоли это также захлестывание сознания человека сверхсознательными, архитектурными и другими глубинными содержаниями психики, проявлением высшего "Я" человека.

Таким образом психодуховный кризис выступает как проявление движения к целостности и единству всей психики человека.

Психодуховный кризис может возникнуть после ряда неудач или какого либо сильного потрясения, например утраты любимого или близкого друга, переживания опыта смерти и возрождения и т.д. Но иногда человек попадает в кризисное состояние без какой либо видимой внешней причины в виду развертывания процесса саморазвития, самотрансформации личности.

Вариативность, разнообразие протекания кризисов огромно. Ассаджиоли, к примеру, разделял кризисы психодуховного порядка на различные виды, по критерию: на каком этапе "пробуждения" (духовного) он проявляется, также он постарался описать основные черты кризиса каждого выделенного им вида на разных этапах "пробуждения".[1] К примеру, кризис, предшествующий духовному "пробуждению" он описывал в следующих характеристиках: проявление общего чувства неудовлетворенности. У человека возникает ощущение, что ему чего-то не хватает, но он не может понять чего именно; это нечто смутное, неуловимое, не имеющее определенной предметной формы.

К этому постепенно добавляется ощущение неподлинности и пустоты повседневной жизни. Начинает происходить переоценка всего в жизни. Причем часто новые ценности еще не видны, а лишь разрушаются и теряется ценность всего, что человек раньше ценил в жизни.

Индивид начинает искать исток и назначение жизни.

На этой стадии человеку свойственно неверно понимать и неверно истолковывать свое состояние. Не понимая значение этих новых умонастроений, многие считают их отклонением от нормы и будучи встревоженными возможностью утраты психического равновесия, люди стараются как-то бороться с этими проявлениями психодуховного кризиса. Состояние тревоги и беспокойства становится все более мучительным, а ощущение внутренней пустоты - невыносимым. Все, что составляло его жизнь, большей своей частью исчезает, рушится, как сон, когда как новый свет еще не зажегся.

Нередко это состояние сопровождается нравственным кризисом. Проявляется или обостряется совесть; возникает новое чувство ответственности, а вместе с ним тяжелое чувство вины и муки раскаяния. Человек судит себя по всей строгости и впадает в глубокую депрессию. На этой острой стадии могут приходить мысли о самоубийстве. Человеку кажется, что единственным логическим завершением его внутреннего крушения и распада может быть физическое уничтожение.

Выше изложенное представляет собой лишь абстрактную модель переживания психодуховного кризиса и служит некой иллюстрацией протекания кризиса.

Ассаджиоли выделял и другие кризисы (виды) психодуховного порядка, которые проявляются на других более высоких этапах развития или "пробуждения" личности. Так же "спектр патологии" или кризисы возникающие на разных этапах духовного развития хорошо изучены и описаны в трансперсональной психологии (к примеру см. К. Уилбер "Спектр патологии" [8,с.171-176]).

Большая роль в духовном развитии человека принадлежит психодуховным кризисам философско-экзистенциального порядка, которые обусловлены его существованием. Противоречивость жизни ставит перед человеком ряд важнейших вопросов, которые человек должен решить для себя самостоятельно. Но именно “противоречивость его существования - вот что заставляет человека продолжать путь, на который он вступил”. (Э. Фромм Цит. по [12 с. 46]) .

Рамки этой статьи не позволяют нам рассмотреть более подробно экзистенциальные кризисы и их роль в развитии личности. Более подробное описание экзистенциальных кризисов можно найти в трудах философов экзистенциального направления (Ж. П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.).

Самым ярким примером психодуховного кризиса, обладающим огромным трансформирующим влиянием на личность, является так называемый “опыт смерти”, или как его еще называют “опыт околосмертных переживаний”, который характерен для людей переживших клиническую смерть и представляет собой переживание огромной интенсивности, выступающее мощным катализатором психодуховного развития человека.

Изучение трансформирующего влияния на человека околосмертного опыта (см. статью Кеннет Ринг “Околосмертный опыт” по [8 с. 222-231]) показало, что паттерн изменений, трансформаций личности имеет тенденцию к высокой позитивности духовного развития и роста.

Таким образом позитивное разрешение психодуховного кризиса приводит личность к разрешению внутренней борьбы и страдания, к большей целостности, ощущению внутренних сил, энергий, к ощущению радости и красоты, которая окружает человека в его жизни. В этом случае психодуховный кризис является исцеляющим, в полном смысле этого слова.

Обобщения и примечания.

1. Нет единой для всех схемы переживания психодуховного кризиса и четкого набора характерных черт. Всякое описание протекания кризиса его характеристик будет всегда строго индивидуальным и отличаться некоторыми чертами.

2. Существуют различные формы протекания психодуховного кризиса. Кризис может проявить в эмоциональной, смысловой, экзистенциальной, нравственной форме или форме переживания околосмертного опыта. Практически всегда психодуховный кризис представляет собой синтез некоторых из вышеперечисленных форм, но какая-то форма преобладает. Протекание кризиса зависит от индивидуальности субъекта и от формы проявления кризиса.

Одни люди не переживают острой стадии и трансформация происходит постепенно, другие остро переживают кризис, могут испытывать тяжелые физические и психические страдания, часто сопровождаемые различными психическими расстройствами, а изменение (трансформация) личности может происходить очень быстро.

Существуют также два вектора исхода психодуховного кризиса: позитивная дезинтеграция и негативная дезинтеграция.

Список литературы.

1. Ассаджиоли Роберто Психосинтез: теория и практика. - М.: "REFL-book" 1994, - 314 с.
2. Гроф С. Путешествие в поисках себя: Измерение сознания. Новые перспективы в психотерапии и исслед. внутр. мира: Пер. с англ. - М, Издательство Трансперсон. Ин-та, 1994, - 338 с.
3. Гроф С. Области человеческого бессознательного. Опыт исследований с помощью ЛСД. - М. ИНИОН, 1992, -312 с.
4. Козлов В.В. Три аспекта психотехнологий, в социальной работе. Психотехнологии в социальной работе. / Сб. под. ред. Козлова В.В. - Ярославль, 1997, с. 9 -19.
5. Козлов В.В. Истоки осознания - М., 1997 -363 с.
6. Козлов В.В. , Бубеев Ю.А. Измененное состояние сознания: психология и физиология. М., 1997 - 197с.
7. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. - М., Издательская группа "Прогресс". -1993 -280 с.
8. Пути за пределы "эго" . Под ред. Роджерса Уолша и Фрэнсис Воон. - Пер. с англ. М. - Папуша, Е. Поле и К. Андреевой - М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. - 318 с.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. - М.: Прогресс, 1986.- 432 с.
10. Ребенок и пространство. Семь шагов к истине. / Сб. под. ред. В.В. Козлова. - М., 1996. -197 с.
11. Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Теория и практика личностно-ориентированной психологии. Том 1. - М., "Три Л", 1996. -208 с.
12. Фромм Э. Человек для себя. /Пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. - Мн. : "Коллегиум", 1992- 253 с.
13. Человек и общество: проблемы человека на XVIII Всемирном философском конгрессе. Вып. 4, 1992 - 303 с.
13. Этюды о новой психотерапии / Под ред. В.В. Козлова. - Мн., 1995 - 192 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ И АРМИИ.

Ковшиков Михаил, ЯРГУ

Реформирование Вооруженных Сил Российской Федерации, о котором идет речь в последнее десятилетие, вступило наконец, как отмечается в настоящее время, в практическую плоскость. Оно предполагает реорганизацию Вооруженных Сил, определенные структурно-функциональные изменения. Началом, а фактически продолжением этого процесса, является очередное сокращение численности личного состава и высших военно-учебных заведений, где в основном происходила подготовка офицеров-профессионалов, хотя только в 1994-1996 годах по нежеланию служить из армии ушло 120 тысяч человек, в то время как вакантными оставалось более 60 тысяч офицерских должностей¹, а число офицеров, увольняющихся, не выслужив положенные сроки, приближается к числу выпускников российских военных училищ.

Основными направлениями реформирования армии предполагается качественное совершенствование боевой, профессиональной и психологической подготовки, но возникает резонный вопрос: а есть ли у общества, государства все необходимое для подобных преобразований?

Боевая и профессиональная подготовка армии зависит от военно-экономического потенциала страны, способности экономики государства удовлетворить непосредственные нужды вооруженных сил. Затянувшееся кризисное экономическое состояние, развал военно-промышленного комплекса привел к тому, что армия практически не получает новой боевой техники, всех необходимых средств для обеспечения боевой подготовки, проведения учений. За 1994-1995 годы в Сухопутных войсках не было проведено ни одного дивизионного учения с боевой техникой, а летчики Военно - Воздушных Сил налетали только одну десятую положенных часов², многие курсанты военных авиационных училищ проводили тренировки по управлению самолетом только на земле. Финансирование армии не обеспечивает даже выплату денежного до-

вольствия : задержка выплаты заработной платы в 1995-1996 годах доходила до 6 месяцев, полностью провалилась государственная жилищная программа³ (на конец 1997 года в Вооруженных Силах насчитывается 126 тысяч бесквартирных офицеров), по данным военных социологов 50% офицеров не в состоянии прокормить семью⁴. Становится проблематичным качественное изменение боевой и профессиональной подготовки армии голодными бесквартирными офицерами : по результатам военно-социологических исследований за полгода до ввода войск в Чечню 79% командиров заявили, что их подразделения не выполняют боевые задачи в условиях реальных боевых действий⁵, подтверждением этому является то, что каждый двадцатый из участвующих солдат и офицеров в штурме Гудермеса был убит или ранен. Оценка боевых действий со стороны 50 военных экспертов (15 докторов и 35 кандидатов наук) показала, что 2,5% считает боевые действия эффективными, 20% неэффективными, 35% крайне неэффективными, 22,5% равносильными поражению и 20% считает, что их нельзя оценить однозначно.

Важным направлением проведения реформы в армии является социально-психологическая работа. В соответствии с требованиями Организационно-методических указаний по воспитательной работе в Вооруженных Силах Российской Федерации главной целью социально-психологической работы считается поддержание психологической устойчивости и готовности личного состава к выполнению задач в любых условиях обстановки.

В военной психологии под психологической устойчивостью понимается неподверженность военнослужащего угнетающим влияниям стрессовых факторов боевой обстановки.⁶ Психологическая устойчивость позволяет сохранять высокую эффективность работы, обеспечивает верную оценку обстановки, своевременное и обоснованное принятие решений и энергичное их проведение, на основе стабильности ранее развитых творческих способностей, профессиональных навыков и мастерства. Факторы боевой обстановки, влияющие на психологическое состояние военнослужащего, подразделяются на три группы : внешнее (физические, материально-бытовые условия, социально-групповые обстоятельства и др.); к главным из них относят : наличие противника, его огневое воздействие, возможность и применение им новых образцов оружия и боевой техники, новых приемов ведения боя); содержание боевой деятельности военнослужащего - это его отношение к выполняемому, понимание всей системы целей, задач, условий, противодействие противника, обстановки, всей ее многогранности, внезапности;

внутренние условия деятельности - впечатления, воспоминания, переживания и др.

Современное низкое психологическое состояние армии обусловлено не только стрессовыми факторами боевой обстановки и спецификой военной службы, а в первую очередь социально-патологическими явлениями в обществе⁷, всей системой общественных отношений, формами и методами ее формирования. С одной стороны растет количество преступлений, совершаемых в армии, так как только около 40% призывников характеризуются нервно-психологической

неустойчивостью и такой же процент имеет низкий уровень нравственных качеств⁸. В анализе особого отдела Северо-Кавказского военного округа и комиссии Генерального штаба о морально-психологическом состоянии личного состава 80-тысячной группировки федеральных войск на имя министра обороны отмечалось, что 42% являются морально-неустойчивыми, сомневающимися в правомерности ведения боевых действий и участия в них. Среди солдат таких 76%, среди младших офицеров 62%⁹. По данным Главного управления воспитательной работы каждый второй солдат и офицер, выходя на боевую операцию задумывается во имя чего он рискует жизнью.

С другой стороны возрастает негативное отношение к армии молодежи. Сложившийся в сознании солдат стереотип «брошенной армии» обусловлен отношением к ним как к «пушечному мясу»¹⁰ в период войны в Чечне. Об этом свидетельствует постоянная путаница различными ведомствами данных о числе пропавших без вести, попавших в плен, самовольно оставивших место дислокации, а 220 погибших солдат находились в моргах военных госпиталей неопознанными, то есть каждый пятнадцатый был «неизвестным солдатом», если верить официальной статистике, что погибших в Чеченской войне было около трех тысяч человек, хотя по другим, заслуживающим доверия источникам называют цифры 6,5 тысяч, 10 тысяч и даже 13 тысяч человек. Для сравнения можно отметить, что в Афганской войне за 10 лет боевых действий погибло около 13300 человек (в том числе умерших от болезни), то есть 1330 человек в год. О морально-психологической неустойчивости личного состава свидетельствует дезертирство: за время пребывания федеральных войск в Чечне из них дезертировало 750 человек. Для сравнения, в Афганистане дезертировало около 20 человек, а в экспедиционном корпусе США во Вьетнаме 277 человек в год¹¹.

Негативное отношение молодежи к военной службе характерно не только для призывников и солдат, но и для курсантов военных училищ и молодых офицеров, которые связали свою жизнь с военной карьерой и достижением определенного социального статуса. Оно обусловлено по-

стоянными сокращениями армии и военных училищ, а увеличение конкурса при поступлении связано с тем, что это одна из возможностей бесплатно получить образование на полном государственном обеспечении, а не высоким чувством патриотизма. Так при опросе курсантов старших курсов, начиная со второго, одного из военных училищ 12% заявили, что намеревались уйти из училища после полутора лет обучения, чтобы не идти служить в армию, по такой же причине и чтобы получить документы о неоконченном высшем образовании - 8%, 37% планируют уйти сразу после окончания училища, а в зависимости от обстановки - 23%.

Морально-психологическое состояние личного состава во многом зависит от социального престижа армии. Реформирование Вооруженных Сил только путем их сокращения, начало которому было положено в 1986 году, использование армии в политических целях, акции проводившиеся в Прибалтике, Баку, Тбилиси привели к снижению социального статуса защитника Родины. Можно согласиться с мнением Серебряникова В. В., Дерябина Ю. Н. О резком снижении социального престижа Вооруженных Сил Российской Федерации. В своем анализе они выделяют целую группу причин¹²:

- участие так называемых элитных частей в «расстрельной операции» против Верховного Совета РФ;
- изгнание из Вооруженных Сил генералов и офицеров советской военной школы в целях обеспечения политической благонадежности офицерского корпуса, что имело не только нравственный аспект, но и лишило армию боевого опыта;
- развитие новых явлений (обусловленных новой системой общественных отношений), таких как коммерциализация сознания значительной части военной элиты, нарастающая коррумпированность офицерского корпуса и кастовость генералитета, вытеснение морально-нравственных основ бескорыстного служения Отечеству меркантильными интересами (к прежнему протекционизму прибавился признак политической ангажированности высших генералов существующей власти, превращение его в главный критерий продвижения по службе. Генералы, стремящиеся честно выполнять свой долг перед Родиной, оказываются неудобными и отправляются в отставку, как например директор Федеральной пограничной службы Николаев.), усиление фона социально-правовой незащищенности основной массы кадровых военных, обвальное снижение их материального уровня, что порождает отток молодых офицеров.

Особое место среди этих причин занимает война в Чечне. Военно-полицейская акция в Чечне носит размах локальной гражданской

войны высокой интенсивности. Ее характерными чертами считает Се-ребрянников В. В. являются: наличие признаков агрессии, определяе-мой в документах ООН;

- это насильственная акция, находящаяся вне правового поля, потому что согласно Конституции президент не имеет права решать вопросы войны и мира. Это функция парламента;

- это грубое нарушение военной доктрины государства, четко опреде-ляющей возможности применения Вооруженных Сил внутри страны, причем только отдельных формирований и для содействия внутренним войскам, а не наоборот, при этом направленных на выполнение кон-кретных задач: блокирования района конфликта, разведения противоб-орствующих сил, пресечения боевых действий и охраны стратегически важных объектов;

- это антинародная по своему характеру война, так как по данным со-циологических исследований против нее выступали 80-90% россиян;

- это беспрецедентная по своей жестокости война в ходе которой было почти полностью разрушено хозяйство Чечни и на его восстановление потребуется не менее 40-50 триллионов рублей. Но самое главное лю-ди: на одного погибшего военнослужащего в Чечне приходилось 15-17 человек взрослых, 1-2 ребенка. Удельный вес жертв среди мирного на-селения составляет 95 %, что перекрыло все другие войны: в первой мировой войне от числа всех погибших - мирных жителей было 5%, во второй мировой войне - 50%, а в войне во Вьетнаме - 90% ¹³.

Совокупность этих причин характеризует тенденцию нарастания напряженности между армией и обществом. Вооруженные Силы в гла-зах общественности все более воспринимаются как полицейский инсти-тут, выполняющий жандармские функции, как институт социального рис-ка (по оценке военных специалистов на территории СНГ существует возможность возникновения 123 региональных войн и конфликтов, кото-рые могут унести более 500 тысяч жизней военнослужащих. А мирного населения?), как институт формирования нового типа личности на цен-ностях уголовного мира и социального неравенства: насилия, жестоко-сти, низменных физиологических инстинктах с одной стороны и с другой стороны - бесправия, социальной незащищенности. Только в 1993 году по данным Министерства Обороны в армию были призваны 34 тысячи человек, имевших судимость ¹⁴.

Важным показателем растущего недоверия к армии является соз-дание антивоенных организаций и движений, например, движения сол-датских матерей за освобождение сыновей от службы в горячих точках. Индикатором является то, что только в 1995 году было зарегистрирова-но более 5000 молодых людей, уклоняющихся от службы в армии, до

80% призывников не хотят служить, 64% призывников одобряют тех кто бежит из армии¹⁵.

Большая ставка делается на решение проблем в армии на контрактников. Но кто туда идет?

В теоретических разработках по проблемам социальной работы отмечается, что положительным фактором сегодня является адаптация человека к новым рыночным отношениям, очевидно имеется ввиду «шоковая терапия», приведшая к социальной поляризации общества. Но адаптироваться можно по разному: один путь - это приспособление к данным условиям (когда произошло разграбление народного добра путем передачи общественной собственности созданной народом в частные руки. Весь исторический процесс свидетельствует о том, что по мере развития общества сначала происходит перераспределение собственности, а потом перераспределение власти, а у нас сначала перераспределили власть, а потом пошло перераспределение собственности) путем «зарабатывания» больших денег рэкетом, алкогольным и наркобизнесом.

Другой путь приспособления - это путь отказа от элементарных жизненных потребностей в результате потери надежды приобрести работу по специальности, не говоря уже о призвании, после окончания вуза, получения бесплатного жилья, образования, лечения, то есть приспособится к нищете. Третий путь - это когда люди спиваются от безысходности, становятся наркоманами и токсикоманами. Только смертельных отравлений алкоголем было в 1991 году - 21 тысяча человек, в 1992 году - 33 тысячи человек, в 1993 - 56 тысяч, а по информации главы правительства В. С. Черномырдина в 1996 году - 120 тысяч человек, а сколько потеряли здоровья или произвели больных детей?

Бедность особенно характерна для молодежи, рабочих целого ряда отраслей промышленности, жителей сельской местности, работников социальной сферы, в том числе, и самих социальных работников. По результатам расчетов Европейской экономической комиссии ООН к беднякам относятся те, у кого среднедушевой доход составляет менее двух третей среднего по стране. В 1992 году только две трети молодежи имели среднедушевой доход менее прожиточного минимума. Все это в конечном итоге свидетельствует о морально-политической и психологической обстановке в стране, в том числе и морально-психологическом состоянии контрактников, которые по своему социальному составу являются представителями рабочего класса, работников сельского хозяйства, безработными, то есть наименее социально защищенными представителями общества. Только 45%¹⁶ опрошенных по данным Центра военно-социологических, психологиче-

ских и правовых исследований Министерства Обороны РФ ответили, что они не смогли приспособиться к новым экономическим условиям, и что бы избежать безработицы пошли в армию, при этом о стремлении защищать страну высказалось 22% (28% мужчин и 12% женщин), а о стремлении хорошо зарабатывать 54% (52% мужчин и 58%женщин) контрактников.

Таким образом создание профессиональной армии в условия вышперечисленных факторов: политической нестабильности, экономического, социального и духовного кризиса, разрушения идеалов и нравственных принципов, коллективистской (артельной) психологии (что было всегда присуще армии России), использование ее в антинародных, жандармско-полицейских акциях - становится все более проблематичным, особенно для выполнения ею внешней функции по отражению агрессии.

Такой контингент контрактников, который приходит в армию в лучшем случае можно использовать только для внутренних функций. Политический цинизм в области внутренней политики проявляется и в солдате-контракнике, которому все равно в кого стрелять, лишь бы платили. И тогда он может уверенно заявить как один из десантников корреспонденту в октябре 1993 года после расстрела законодательной власти: «Я делал свое дело и сделал его хорошо».

Современное состояние армии полностью обусловлено процессами происходящими в обществе и характеризуется социальной напряженностью и психологической неустойчивостью, что позволяет говорить о мотивациях и психологических установках лежащих в основе морального духа солдат и офицеров.

Основными мотивами деятельности для большинства военнослужащих являются: материальный - возможность регулярного получения денежного содержания с надбавками в так называемых «горячих точках» и при проведении полицейских акций и нравственно-правовой - выполнение приказов, как воинский долг, которые нельзя обсуждать и которые освобождают от ответственности и угрызений совести.

Использованная литература

1. См.: Армия и общество. //Красная звезда. 5 октября 1996.
2. См.: Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И. Социология армии. - М. ИСПИ РАН. 1996. С. 194.
3. См.: Красная звезда. 21 февраля 1996.
4. См.: Российские вести. 20 апреля 1995.

5. См.: Социология армии. М. ИСПИ РАН. 1996. С. 194-195, 197.
6. См.: Актуальные проблемы педагогики и психологии высшей военной школы. М., ВПА., 1980. С. 80 - 81.
7. Более подробный анализ см.: Ковшиков М. Ф. Социальные основы выработки психотехнологий для воспитательной работы в армии //Психотехнологии в социальной работе. Сб. под ред. Козлова В. В. Ярославль. 1997. С. 77-83.
8. Более подробно см.: Ковшиков М. Ф. Социальная работа в Вооруженных Силах. Основные направления и специфика социальной работы в армии. / Социальная работа: история, теория, и технологии. Сб. под ред. И. Ф. Албеговой, В. В. Козлова. Ярославль. 1997. С.108-125.
9. См.: Правда. 18 апреля 1996.
10. См.: Там же.
11. Дерюгин Н. Ю. Контакт со смертью. М. Молодая гвардия. 1987. С. 120.
12. См.: Социология армии. М. ИСПИ РАН. 1996. С. 190-194.
13. См.: Там же. С. 190-192.
14. См.: Молодежь: будущее России. 1995. С. 115.
15. См.: Там же. С. 117.
16. См.: Там же. С. 116.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Ковшиков Михаил, Смирнова Светлана, ЯрГУ

Таможенная служба на Руси возникла в XIII веке. Таможня как государственное учреждение имела наряду с пограничными и портовыми пунктами внутренние¹ на границе местных рынков и городов. По мере развития Российского государства происходило развитие и таможенной службы. Особое внимание уделялось системе подготовки кадров и их социального обеспечения. Одним из декретов первого года Советской власти было создание советской таможни в мае 1918 года, управляемой Наркомфином через Департамент таможенных сборов, а в июне 1918 года переданной в ведение Наркомата торговли и промышленности. Большую роль в организации и регулировании деятельности таможенных органов сыграли Таможенные кодексы 1928 и 1964 годов.

Одной из важнейших задач становления российской государственности после развала Советского Союза является в новых условиях разработка таможенной политики, как части внешнеполитической деятельности государства, регламентирующей объем, структуру и условие экспорта и импорта товаров. Эта задача является особенно актуальной в рамках деятельности России в СНГ, развитии отношения с ЕЭС и другими государствами, а так же между субъектами Российской Федерации, что потребовало создания новой таможенной службы, подготовки кадров, их социального обеспечения и защиты.

Структурное оформление системы таможенных органов завершилось к концу 1993 года. Поскольку эффективность работы таможенной организации во многом зависит от личного состава, то выполнение задач, возложенных Правительством России на таможенные органы, требует нового качества подъема таможенной службы, серьезного совершенствования работы с персоналом.

Особые условия профессиональной деятельности (напряженный режим работы, высокий уровень профессиональной ответственности, наличие стрессовых ситуаций, профессиональные риски) требуют более эффективных методов работы с персоналом (личным составом). Вопросы социальной защиты работников таможенной службы и изыскание эффективных форм реализации социальных гарантий, предусмотренных Таможенным кодексом РФ, приобретают особые значения в современных социально-экономических условиях.

Особенности проведения кадровой политики вытекают из правоохранительной сущности таможенных органов, особого служебного положения и ответственности работников, права и обязанности которых определены правовым статусом должностных лиц таможенных органов. Кадровая политика таможенных органов еще далека от совершенства. Одной из основных проблем, в настоящее время, является текучесть кадров, обусловленная несоответствием уровня персональной ответственности таможенника уровню социальной защищенности и оплаты труда. Все это заставляет обратить внимание на состояние социальной защиты работников этих служб.

О повышении внимания к социальному развитию и социальной работе в таможенных органах свидетельствует разработанная и принятая решением Государственного Таможенного Комитета России Концепция и Программа социального развития таможенной службы на 1996-1997 г.г. и перспективу до 2000 года, направленные на реализацию социальной гарантии. Однако, организация деятельности на этом направлении недостаточна для реализации поставленных задач и требует закрепление всего блока социальных вопросов за одной специализированной

службой - вновь созданными подразделениями по социальному развитию.

Таможенная деятельность предъявляет ряд специфических требований к личности, уровню физического и психического здоровья современного таможенника. Поэтому даже при очень высоких требованиях к личности и здоровью кандидатов на службу интенсивность труда позволяет отнести сотрудников таможенной службы в группу особого социального риска. Таким образом, личный состав таможенных органов является объектом социальной работы.

Если исходить из определения социальной работы как профессиональной деятельности по оказанию различных видов помощи отдельным индивидам, группам людей в целях усиления или восстановления их способности к социальному функционированию, а также деятельности по созданию необходимых для этого условий, то социальный работник - необходимый специалист и в таможенной среде. Именно в этой стремительно развивающейся сфере общественной деятельности уже отмечается множество социальных проблем, решение которых под силу лишь профессионально подготовленным специалистам. Эти социальные проблемы, требующие повседневного решения, лежат в области отношений между людьми, между человеком и его микро- и макроокружением, в сфере внутри личностных конфликтов, в сфере социальных или асоциальных действий индивидов, в области их личной психофизической безопасности, в сфере социальной защиты и поддержки индивида. Это и есть проблемное поле практической социальной работы в таможенных службах.

В основе политики социального развития таможенных органов России лежит принцип компенсации на установленные законом ограничения способов обеспечения должностными лицами достатка и благосостояния для себя и своих семей, ветеранов таможенной службы и пенсионеров.

Общей целью социального развития таможенной службы России является реализация конституционного положения, согласно которому «Российская Федерация - государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»².

Среди целей социального развития таможенной службы специфическими являются:

- создание материальных, финансовых, кадровых, организационных условий для реализации установленных законом гарантий, включающих «повышенные условия оплаты труда, уровень материально-бытового обеспечения и социальную защиту должност-

ных лиц таможенных органов РФ в целях создания материальных предпосылок для добросовестного исполнения этими лицами своих должностных обязанностей»³;

- формирование социальной среды в зоне действия ГТК России по высоким жизненным стандартам в интересах семей работников таможенной системы и местного населения, ветеранов таможенных органов и пенсионеров, вышедших на пенсию из таможенных органов⁴.

Приоритетные направления социального развития таможенной службы России включают в себя следующие меры по их реализации:

- создание единой ведомственной системы медицинского обеспечения, санаторно-курортного лечения и организованного отдыха должностных лиц, ветеранов и пенсионеров таможенных органов и членов их семей, в т. ч. расширение и совершенствование сети ведомственного питания для сохранения здоровья сотрудников таможенных органов;
- создание ведомственной системы физической подготовки личного состава таможенных органов, активизация физкультурно-оздоровительной и спортивной работы;
- разработка программ, проведение мероприятий, оказание различных видов социальной помощи семьям, женщинам-сотрудницам и несовершеннолетним детям сотрудников таможенных органов, в том числе формирование учреждений социального обслуживания семьи в целях оказания услуг по уходу за детьми, престарелыми и больными членами семьи, а также отдельным членам семьи в различных кризисных ситуациях;
- разработка нормативной базы для совершенствования социального обеспечения лиц, проходивших службу в таможенных органах и членов их семей (пенсионное обеспечение);
- организация системы служб социального развития таможенных органов и кадровое обеспечение социальной работы.

Для реализации вышеизложенных мероприятий необходимо их строгое разграничение по срочности - первоочередные, среднесрочные и долгосрочные. Многообразие и комплексный характер задач социального развития таможенной службы России требует создание в центре и на местах специализированных управленческих структур - по обеспечению социального развития таможенных органов, имеющих высокую степень функциональной самостоятельности и финансовые средства для осуществления своих задач. Первоочередной задачей этих структур

должно стать составление социального паспорта таможенной службы России с определением социальной обеспеченности работающих в таможенной системе РФ с дифференциацией по виду и месту деятельности на основе расчета гарантированного социального минимума. Для установления объективной картины социальных потребностей кадров таможенной системы ГТК России и членов их семей целесообразным является проведение социального мониторинга и социальной экспертизы.

Основной задачей мероприятий среднесрочной перспективы является формирование социальных комплексов в местах деятельности таможенных органов и проживание семей сотрудников таможенных органов в соответствии с высокими жизненными стандартами. «Социальный комплекс - это пространство жизнедеятельности сотрудников таможенных органов и членов их семей, организованное и насыщенное социальными объектами и услугами в соответствии с программами социально-экономического развития и исходя из местных особенностей и условий»⁵. В основу формирования структуры социального комплекса может быть заложен социальный паспорт, как система показателей и индикаторов⁶. Трудности перехода к формированию социальных комплексов заключаются в преодолении ведомственных преград, существующих в социальной сфере (разделение систем здравоохранения, образования, физического воспитания, социального обеспечения и обслуживания, а также существование так называемого «двойного подчинения» в этих системах).

В настоящее же время социальные вопросы номинально закреплены за управлением кадров и учебных заведений. Структура и средства вновь создаваемых подразделений по социальному развитию на федеральном уровне должны позволять вести полномасштабные исследования социального развития таможенной службы России на основе анализа реальной обстановки, социального проектирования и прогнозирования, а также формировать предложения по социальному заказу на работы по социальному развитию таможенной системы ГТК России, организовывать работу на местах, методическую помощь и контроль по всему комплексу утвержденных мероприятий. На территориальном уровне подразделения по социальному развитию сориентированы на максимально эффективное использование предоставленных государством возможностей для удовлетворения материальных и социальных потребностей сотрудников таможенных органов как важного фактора мотивации к эффективной служебной деятельности. Подобные задачи возможно решить лишь профессионально подготовленным в этой области специалистам - социальным работникам.

Итак, перспективы социальной работы в таможенных службах масштабны и разнообразны в своем проявлении и далеко не исчерпывают вышеприведенных направлений. Но на сегодня наиболее важными для реализации являются:

- социально-правовая работа, включающая организацию мер по осуществлению социальных гарантий и социальной защите сотрудников и членов их семей;
- социально-превентивная деятельность по снижению факторов риска для физического и психического здоровья сотрудников;
- социально-профилактическая деятельность по восстановлению и улучшению здоровья сотрудников таможенных органов РФ.

Использованная литература

1. Отмена внутренних таможен произошла в 1754 году.
2. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. П. 1. Ст. 7.
3. Таможенный Кодекс Российской Федерации. Ст. 428. М. 1996.
4. Концепция социального развития таможенной службы России на 1996-1997 гг. и перспективу до 2000 года. М. 1996.
5. Программа социального развития таможенной службы России на 1996-1997 гг. и перспективу до 2000 года. М. 1996.
6. Более подробно см.: Ковшиков М. Ф., Соловьева Н. А. Социальная политика и социальный паспорт в контексте социальных технологий / Методологические и технологические основы современной социальной работы в России. Ярославль. 1997.

К ВОПРОСУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ

**Кудеринов Т.К., Баклыкова И.В., Паршина Е.В., Сыздыкова А.К.
г. Караганда**

Консультативно-психологическая помощь, оказываемая населению специалистами-психологами и психотерапевтами Карагандинского диагностического центра, осуществлялась в двух направлениях: психо-

логическое обследование и психологическая коррекция с психотерапией.

Общеизвестно, что патопсихологическое обследование проводится с целью выявления у больного психопатологических функций личности, с определением глубины этих изменений и степени социально-психологической адаптации клиента.

При этом нами использованы психометрические методы определения профиля личности, характерологических особенностей (ММРІ, СМІЛ, опросники “Самоотношение”, “Мотивация достижения”, “Мотивация аффиляции”, ПДО, 16 ЛФ, FPI и др. /; проективные методы исследования личности (Люшера, ТАТ, рисунки несуществующего человека, дерева, фрустрации, агрессивности, самооценки и др.) с выявлением мотивационно-ценностных ориентаций, особенностей эмоциональной сферы, определением профиля поведения и общения (ЛИРИ, WPPF, ЦТО, рисунок семьи); патопсиходиагностические методики исследования интеллектуально-мнемических функций с учетом их содержательных и динамических особенностей (“классификация”, “исключение”, “10 слов”, “пиктограмма”, Векслера, “интерпретация пословиц”, Шульте, проба Креппелина и т. д.). Мы располагаем компьютерными версиями психологической диагностики (СМІЛ, Люшера, Кеттелла, Сонди).

С учетом отношения больного, его состояния и уровня развития на основе полученных результатов составлялись психологические заключения, которые использовались в экспертной и лечебно-педагогической практике. Следует отметить, что проведения психологических исследований требуют высокой квалификации специалиста, осторожности при оценке результатов, особенно стандартизированных тестов, а также соблюдения этико-деонтологических принципов.

Исходя из результатов обследования в дальнейшем проводилась психокоррекционная и психотерапевтическая работа (индивидуальная, семейная, групповая).

Наиболее актуальным является оказание первой психотерапевтической помощи в случаях острых стрессовых состояний, с выявлением и разрешением накопленного в течение длительного времени “неизжитого стресса”.

Наибольший удельный вес в нашей работе составляли психотерапия невротических и связанных с ними кризисных состояний, депрессивных, тревожно-фобических, навязчивых, ипохондрических проявлений психосоматических расстройств.

Очевидно, что методы и формы психологического обследования зависят от возраста клиента, его личностных особенностей, образовательного, культурного и социального уровня.

Среди обследованных нами детей наиболее часто встречались случаи эмоциональных расстройств, гиперактивности, агрессивности, сопровождающихся соматическими нарушениями, невротических состояний. В нашей повседневной практике нередко отмечались случаи социально-психологической дезадаптации детей на фоне задержки психического развития.

В процессе индивидуальной, групповой и семейной психотерапии нами проводилась коррекция отдельных эмоциональных и поведенческих нарушений с последующим стремлением к разрешению лежащих в основе этих симптомов глубоких психологических конфликтов.

Значительны и многообразны проблемы подросткового возраста. Часто к нам обращались родители подростков с жалобами на неуправляемость своих детей и конфликты с ними. В таких случаях мы проводили только семейную психотерапию. Индивидуальная работа с подростком наиболее уместна и эффективна, когда он обращался к нам самостоятельно. Большой популярностью у подростков пользовались эмоционально и интеллектуально насыщенные методы как индивидуальной, так и групповой терапии.

Психологическое консультирование взрослых имело свои особенности. Так пациент, самостоятельно обращаясь к нам за помощью, выражал свою готовность пройти курс психотерапии, но очень был разборчив в выборе методов и форм ее проведения. И терапевту в своей работе необходимо было исходить из непосредственных жалоб, ожиданий и личностных особенностей клиента. К примеру, больной с жалобами на раздражительность, подавленное настроение, бессонницу, головные боли и т. п. ждал от специалиста помощи в снятии данных симптомов, но может очень негативно отнестись к предложению более глубокого анализа причин данного состояния и психотерапии.

В нашей работе использовались активные формы психологического консультирования, которые включали в себя разнообразные методы: психоаналитический; гештальттерапия (эмоциональное отреагирование через экспрессивные формы поведения); рациональная психотерапия, телесно-ориентированная; эриксоновский гипноз; нейролингвистическое программирование (изменение неадаптивных реакций); арттерапия; игровая психодрама; аутотренинг, др. техники релаксации с элементами массажа и мануальной терапии.

В нашей практической работе активное использование психодиагностики с определением у больных эмоциональных и интеллектуальных нарушений, выявлением преморбидных особенностей, личностных изменений, определением нозологии невротических состояний, с проведением дифференциальной диагностики больных с психосоматически-

ми заболеваниями и последующим составлением правильного психологического заключения, значительно помогали в подборке адекватных методов, снятия стрессовых состояний, психотерапевтической коррекции и разрешению актуальных проблем клиентов и их обучению навыкам саморегуляции.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПОИСКИ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Мазилев Владимир

"

Я думаю, что в нашей стране найдется немало научных психологов, которые досадливо поморщатся, когда в их руки попадет эта статья. И действительно, что может быть безнадежней методологии психологии? Разве что обсуждение того, что *на самом деле является* предметом психологии. Но - я прошу внимательного читателя это зафиксировать - элемент досады будет присутствовать. Досада будет связана с тем, что у современного научного психолога сложился стереотип, согласно которому методология психологии отождествляется с той "философской" методологией, которая существовала в СССР и определялась ясно и понятно: "марксистско-ленинская философия - методологическая основа научной психологии". Действительно, за годы господства марксизма-ленинизма сложился устойчивый стереотип, согласно которому методология представляет собой нечто идеологически "выдержанное", но чрезвычайно далекое не только от жизни, практики, но и от повседневной научной деятельности. Представление о том, что методология психологии являла собой некую идеологическую надстройку над наукой, разделяемое ныне многими авторами, безусловно, в значительной степени соответствует действительности. Вероятно, этим обстоятельством обусловлено стремление некоторых психологов свести методологию психологии к описанию конкретных процедур планирования, проведения эмпирического исследования и статистической обработки полученных результатов. Под эмпирическим исследованием имеются в виду преимущественно эксперимент и квазиэксперимент. В результате *методо-*

логия психологии как науки оказывается методологией экспериментальной психологии. Признавая ведущую роль метода эксперимента в современной психологической науке, автор, тем не менее, не склонен соглашаться с подобной трактовкой. Возражения против такого понимания методологии коренятся в глубоком убеждении, что психология не может столь безоговорочно принимать модель, сформировавшуюся в естественных науках. По сути, сведение методологии к чисто техническим вопросам планирования и осуществления экспериментального исследования (при всей несомненной важности этих вопросов) на деле означает признание "окончательной решенности" вопроса о предмете научной психологии и фактический отказ не только от дальнейшего его исследования, но даже и от обсуждения. Такая позиция представляется роковой ошибкой. Нельзя исключить того варианта, что научная психология еще не нашла своего подлинного предмета. Поскольку такая вероятность существует, первая задача методологии состоит в научной проработке комплекса проблем, связанных с исследованиями (в том числе и теоретическими, что в современной психологии, будем честными, большая редкость) *по предмету психологии*. В данной связи хочется привести слова одного из выдающихся психологов уходящего столетия Карла Юнга: "Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно "души", психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом научного исследования*" [25, с. 12-13]. Таким образом, картина в российской психологии начинает напоминать ту, которая, согласно М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, была свойственна американской психологической науке восьмидесятых годов, когда авторы ограничиваются лишь общими вопросами эксперимента, главным образом планирования и обработки данных" [20, с. 3]. Хотя я убежден, что в этом направлении "догнать Америку" тоже не удастся, будет обидно, если традиция методологических исследований в российской психологии утратится. . . Перспектива превращения методологии психологии в сциентистскую концепцию представляется малопривлекательной... Если это осуществится, то, надо полагать, во имя торжества идеалов научности. Автору настоящих строк менее всего хотелось бы выступить противником общенаучных критериев истинности знания. Напротив, вызывают искреннее уважение не прекращающиеся попытки превратить психологию в строгую науку. Их можно приветствовать, их нужно продолжать. Но есть один вопрос, от обсуждения которого невозможно уклониться. Какова цена такого превращения? Из истории психологии хорошо известно, что единство научной психологии

было лозунгом большинства школ периода открытого кризиса в психологии. Тем не менее единства достичь не удалось. В чем причина? М. С. Роговин и Г. В. Залевский свой вывод формулируют следующим образом: "За монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограничений" [20, с. 27].

Более того. Такая трактовка, которая сводит методологию к чисто техническим вопросам, принципиально лишает себя возможности понять "механизм" психологического исследования (даже если оно экспериментальное, научное, объективное и т. п.). Впрочем, мимо этой проблемы пройти не удастся, поэтому мы к ней еще вернемся.

Разумеется, методология психологии не может быть сведена к чистой технологии, не может быть сциентистской дисциплиной. В отечественной психологии существует богатая традиция содержательной методологии, представленная работами Н. Н. Ланге, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, М. С. Роговина и др.

Дело в другом. Автор должен объяснить, почему избрана столь непопулярная и вместе с тем столь сложная тема. О непопулярности уже говорилось - для многих коллег одного упоминания о методологии достаточно, чтобы отложить текст в сторону: "опять рассуждения, дело надо делать - исследовать, изучать, корректировать и формировать". О сложности лучше всего сказать словами Л. С. Выготского: "Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего. Ни в одной науке нет стольких трудностей, неразрешимых контrovers, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии - самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут" [3, с. 417]. Обращение к вопросам методологии связано с тем, что, по глубокому убеждению автора, в настоящее время самые злободневные, актуальные и насущные вопросы именно методологические. Пока психология не разберется, что именно она изучает и каким образом это происходит, надеяться, будто кризисное состояние пройдет само собой, за счет "переориентации" с естественнонаучного подхода на какой-нибудь гуманистический, не приходится.

1

Приближение любого рубежа всегда стимулирует появление прогнозов, надежд, ожиданий. . . Даже в том случае, если приближается обычный новогодний праздник, фиксирующий наступление очередного года. Из литературных источников хорошо известно, что столетие назад существовала особая атмосфера, явственно ощущаемая современниками. . .

"Fin de siecle". . . Вряд ли стоит говорить, что приближение 2001 года является оправданием для самых смелых фантазий. Наступление нового тысячелетия позволяет предположить, что все - в том числе и психология - будет иным, новым, лучшим, более совершенным. "Какая дерзость - осмелиться говорить о психологии будущего, когда уже трудно знать психологию вчерашнего и сегодняшнего дня! И можно ли предвидеть, что станут делать психологи завтра?" - восклицал более пятнадцати лет назад выдающийся психолог Поль Фресс, президент Международной Ассоциации психологов, президент XXI Международного психологического конгресса, автор известных монографий и редактор фундаментальных руководств. . . В настоящем случае дерзость имеет лишь одно оправдание, приведенное выше - конец эпохи. . . Несколько "смягчить вину" может то обстоятельство, что у психологии всегда были особые отношения с временем: непространственное психическое "локализовалось" во времени. Кстати, в конце прошлого века выдающиеся психологи были убеждены, что психология делает лишь первые шаги: Вундт утверждал, что время экспериментальной психологии еще придет, а "в настоящее время дело обстоит иначе", Джемс говорил, что психология еще не наука, а "нечто, обещающее в будущем стать наукой" [7, с. 364]. Прежде, чем пытаться заглядывать в будущее, стоит обратить внимание на настоящее. Что же происходит в современной российской психологии?

2

В настоящее время российская психология находится в состоянии кризиса. Это мнение является достаточно распространенным. Многие авторы при этом полагают, что острота и глубина кризиса год от года все более и более возрастают. Если в начале "перестройки" основные причины кризиса психологи видели в идеологических деформациях, которым подвергалась наука, в "застойных" явлениях в обществе в целом и в управлении наукой, в частности, то сейчас большинство авторов склонны связывать кризис с неудачами естественнонаучного подхода, доминировавшего в отечественной психологической науке. В. Н. Дружинин еще в 1989 году отмечал, что "отечественная психология оказалась в ряду наук, наиболее отставших от мирового уровня и требований практики" [8, с. 3].

"Особенность нынешнего состояния психологической науки обусловлена следующими важными обстоятельствами:

- Пренебрежение человеком, характерное для периода бюрократического извращения социализма, привело к пренебрежительному отношению

к наукам, исследующим проблемы человека, и в первую очередь психологии. Психология влачила существование на "голодном пайке".

- Бюрократическая система управления наукой зачислила психологию в разряд общественных наук, которые в наибольшей степени поразили догматизм и застой; велось систематическое истребление творческой мысли (общественные науки отчасти превратились в служанку идеологии, обосновывающей благотворность бюрократического извращения социализма для общества). Но психология - экспериментальная наука, и это ее отличие от большинства общественных наук породило отношение к ней как к "золушке", которую нельзя допускать до двора" [8, с. 3-4].
Еще одно обстоятельство отставания психологии, по мнению этого автора, - "психологическая неграмотность общества" [8, с. 4].

Проходит немного времени и акценты существенно меняются. Приведу выдержки из выступлений участников "круглого стола" "Психология и новые идеалы научности" [17].

А. П. Огурцов: "Во-первых, мне кажется явным кризис или неблагополучие советской психологии. Это выражается в том, что отсутствуют широкие теории в рамках психологии. Кроме того, отсутствуют научные школы в психологии, подобные тем, которые существовали в 30-е годы. Может быть, это объясняется тем, что психология вступила в период "нормальной науки", если употребить термин Т. Куна. Но, увы, нет теоретической парадигмы в психологии. Во-вторых, в психологии уже давно существует естественно-научная парадигма. Складывается или нет в психологии альтернативная естественнонаучной гуманитарная парадигма? В социологии существует явное противоборство двух методологических ориентаций - естественнонаучной и гуманитарной. Гуманитарная парадигма связана прежде всего с методами понимания, с интерпретацией смысла человеческих действий и т. п." [17, с. 3-4].

В. П. Зинченко: "Сегодня ситуация в нашей отечественной психологии нуждается в более сильных определениях, чем кризис. Дело в том, что в советский период она развивалась не по нормальной логике кризисов, а по безумной логике катастроф, происходивших с наукой не реже, чем раз в 10-15 лет. И сейчас на состоянии психологии сказывается их суммарное действие" [17, с. 4].

В. М. Розин: "Кризис психологии, идущий перманентно (еще в 20-х годах Л. С. Выготский писал о кризисе в психологии, о том же в 70-х говорил А. Н. Леонтьев), сегодня может быть уверенно квалифицирован как кризис построения психологии по образцу (или идеалу) естественной науки." [17, с. 12].

Итак, кризисная ситуация налицо. Подчеркну только, что наличествующий кризис носит преимущественно *методологический* характер.

Действительно отечественная психологическая наука переживает сейчас трудный этап, связанный с радикальным пересмотром методологических посылок. Нельзя не согласиться с мнением О. К. Тихомирова, отмечающего, что "методологический плюрализм не должен рассматриваться как негативное явление" [22, с. 58]. В то же время методологический плюрализм не должен переходить в методологическую растерянность, в действия по принципу "все наоборот". А. В. Брушлинский характеризует такие действия следующим образом: "то, что раньше отвергалось, теперь лишь поэтому превозносится, а то, что считалось хорошим, ныне просто отбрасывается с порога" [1, с. 14-15]. Важно отметить, что кризис, по-видимому, интернационален. Поль Фресс, президент XXI Международного конгресса, в 1976 году открыл заседание знаменательной фразой: "Психология находится в состоянии кризиса!" [26]. Просто в России он переживается острее в силу целого ряда обстоятельств. Впрочем, оставим мировую психологию и вернемся к российской.

Трудно не обратить внимания на удивительное сходство (в некоторых, разумеется, отношениях) между кризисом в психологии, разывавшимся в первой трети нашего века, с кризисом нынешним. Обратимся к анализу давнего психологического кризиса. Современный кризис еще ждет методологического диагноза, прошедший же анализировался такими классиками науки как Л. С. Выготский, К. Бюлер, К. Левин и др.

3

В те далекие двадцатые годы было принято ставить диагноз: в наличии кризиса и в мировой, и в российской психологии со времен работы Н. Н. Ланге (1914) не сомневался, кажется, никто. Упомянем только "диагнозы" М. Я. Басова (1924, 1928), П. П. Блонского (1925), Л. С. Выготского (1925, 1927, 1931 и др.), В. А. Вагнера (1923), А. Р. Лурии (1932), С. Л. Рубинштейна (1934, 1935), Б. Г. Ананьева (1931) и др. (список неполон). Бесспорно, самым развернутым и основательным анализом явилась книга Л. С. Выготского (1927), опубликованная лишь в 1982 году. Принято считать, что методологические позиции Выготского наиболее отчетливо сформулированы в книге "Исторический смысл психологического кризиса" (1927, опубл. 1982). В значительной мере это так. Но правда и то, что Выготский был прежде всего и "до конца последовательным методологом" (если воспользоваться его собственным выражением по другому, естественно, поводу). Поэтому целесообразно рассмотреть методологические поиски Выготского более широко. Представляется полезным соотнести его методологические рассуждения 1924г. (Предиди-

словие к книге А. Ф. Лазурского), анализ психологического кризиса (1927) и методологические изыскания 1931г. (Предисловие к книге А. Н. Леонтьева).

Не имея возможности анализировать творчество Выготского в целом, отметим лишь, что важной представляется точка отсчета. Есть основания полагать, что в своих ранних работах (рукопись о Гамлете) Выготский исходил из мистической концепции души, хотя совсем "не был занят вопросами психологии. . ." Кратко остановимся на "диагнозах" Выготского. 1) 1924г. : предисловие к книге Лазурского. Оценивая позитивно естественнонаучный подход Лазурского, Выготский отвергает идею "души", выбрасывая этот фрагмент из нового издания книги. "С одной стороны, успехи физиологической мысли, проникшей методами точного естествознания в самые сложные и трудные области высшей нервной деятельности, с другой, всевозрастающая оппозиция внутри самой психологической науки по отношению к традиционным системам эмпирической психологии обусловили и определили собой этот кризис" [5, с. 63]. К этому добавляется требование - пока еще в мягкой форме - психология должна стать марксистской. Выход из кризиса Выготский видит в создании *научной системы*. "Такая система еще не создана. Можно с уверенностью сказать, что она и не возникнет ни на развалинах эмпирической психологии, ни в лабораториях рефлексологов. Она придет как широкий биосоциальный синтез учения о поведении животного и общественного человека. Эта новая психология будет ветвью общей биологии и вместе основой всех социологических наук" [5, с. 76]. Итак, средство - синтез достижений в разных направлениях науки. 2) 1927 г. : "Исторический смысл психологического кризиса". "*Существуют две психологии* - естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса. . ." [3, с. 381]. Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии психологии ("диалектики психологии"). Психологии нужен свой "Капитал". "Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии". ". . . психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [3, с. 422-423]. Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, "общей психологии". В качестве средства предлагался аналитический метод ("Весь "Капитал" написан этим методом"), предполагающий выделение "клеточки" и исходящий из того, что "развитое тело легче изучить, чем клеточку" [3, с. 407]. 3) 1931: предисловие к книге А. Н. Леонтьева. "Свое выражение этот кризис нашел в ложной идее двух психологий: естественнонаучная, каузальная, объяснительная психология и телеологическая, описательная, понимающая психо-

логия, как две самостоятельные и совершенно независимые друг от друга дисциплины" [4, с. 7]. "Психологии предстоит кардинальный поворот на пути ее развития, связанный с коренным отказом от этих двух тенденций. . . "[4, с. 7]. Поворот состоит в использовании историко-генетического подхода: "Историческое происхождение и развитие высших психологических функций. . . является. . . ключом ко всей проблеме психологии человека. . . " [4, с. 12].

Попытаемся проанализировать изменение позиций Выготского по вопросу психологического кризиса. Первый "диагноз" несет печать "методологической наивности". В качестве средства выхода из кризиса Выготский предлагает использовать "синтез". По тем временам (1925) синтез был "универсальным" методом, позволяющим объединить все, что угодно (субъективную психологию и объективную, марксизм и психоанализ и т. д.). Действовать "à la Корнилов" или "à la Челпанов" Выготский просто не мог. Поэтому он предпринимает новый анализ. Здесь уже прослеживается "методологическая зрелость". Ясно, что "синтез" разнородных подходов невозможен. Л. С. Выготский подробно анализирует такие "методологические достижения" коллег. Разработка методологии психологии - первоочередная задача. Поскольку в готовом виде взять ее неоткуда (даже у классиков марксизма ее нет), то создавать ее надо по образцу метода Маркса. Таким образом, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, можно создать новую психологию. Как известно, эта программа Л. С. Выготским также не была осуществлена. На наш взгляд, причина в том, что из исходной "клеточки" под названием "реакция" ("Кто разгадал бы клеточку психологии - механизм одной реакции, нашел бы ключ ко всей психологии" [3, с. 407]) психологию получить не удастся. "Развитое тело изучать легче, чем клеточку", но это оказывается именно "тело", а не "душа"(т. е. не "вся психология"). Выготского интересует именно психология - сознание. А метод теперь не логический, а исторический (генетический). Но проблема специфики психологического подхода остается. Поэтому давая третий "диагноз", Выготский специально подчеркивает, что история происхождения и развития психологических функций является "ключом ко всей проблеме психологии человека" [4, с. 12]. И далее: "Вместе с этим внесением исторической точки зрения в психологию выдвигается на первый план и специально психологическая трактовка изучаемых явлений. . . " [4, с. 12]. Использование этого подхода, как известно, принесло Выготскому и его ученикам заслуженную славу и позволило сформулировать знаменитую концепцию. Как теоретик, Выготский, получив результаты, мог быть доволен. Как методолог, он не был удовлетворен. . .

Поскольку здесь нет возможности сколь-нибудь подробно анализировать взгляды "моцарта психологии", отметим лишь то, что во всех приведенных диагнозах на первый план выходит методология. Существенно, что в этих трех текстах Л. С. Выготского методология понималась по-разному. Напомню также и то, что обещание перейти к позитивному изложению "общей психологии" ("Исторический смысл психологического кризиса") осталось невыполненным. Вероятно, это одна из причин неопубликования рукописи - она, фактически, осталась неоконченной. Во-вторых, само отношение к методологии как к тому, что должно быть построено, разработано *исходя из специфики психологии* все более приходило в противоречие с учением, претендовавшим и на всеислие и на верность. В-третьих, требовались переделки текста. Жизнь стремительно менялась: приближалось время, когда психологии иметь собственную научную методологию стало просто опасно. Цитаты (скрытые) из Л. Д. Троцкого уже были невозможны: политическая ситуация тоже очень быстро менялась. Наконец, самое главное. Менялись представления Л. С. Выготского о методологии. Потому и не оставил он развернутого изложения "общей психологии" (методологии), что взгляды на нее постоянно менялись. Л. С. Выготский писал в 1927 году, что к разработке методологии психологию толкают, с одной стороны, философия, с другой стороны, практика. Через десять лет ситуация радикально изменилась: место философии занял "диалектический и исторический материализм", принципиально решивший все философские вопросы, начиная с основного; в 1936 году стало ясно, что психологии нужно держаться подальше от практики социалистического строительства - судьба педологии и психотехники этот тезис убедительно доказала. . .

Наступила эпоха, когда методология психологии стала "дочерью марксизма-ленинизма". На многие годы закрепилось клише - "марксистско-ленинская философия - методологическая основа советской психологии". Кстати, это вовсе не означает, что методология психологии совсем исчезла. В значительной степени она продолжала разрабатываться, маскируясь цитатами "классиков". Во-первых, марксизм (не вульгаризированный) не самая беспомощная философия. Многие туда удалось "вписать": теория отражения и деятельностный подход могут служить хорошими примерами. Во-вторых, существовали свободно мыслящие люди, которые в сложных условиях идеологического (и не только!) давления пытались выражать свои идеи, виртуозно используя в качестве "прикрытия" цитаты. . . К счастью, у марксизма, как известно, были "источники", поэтому под марксизмом иногда обнаруживалось нечто иное. . . В советской психологии успешно "работали" схе-

мы И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, Б. Спинозы и... Впрочем, это отдельная тема.

Мне кажется, Выготский был прав, утверждая первоочередность методологических вопросов. Действительно, "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего" [3, с. 417] и ". . . психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [3, с. 423]. Удивительно, но ситуация в психологической науке в очередной раз "воспроизводится": спустя много лет и философия, и практика вновь настоятельно требуют от психологии в первую очередь разработки ее методологии. . .

4

Сегодня наша российская, постсоветская психология переживает трудные времена. Прежде всего они трудные в самом главном - в методологии. В методологии в том старом смысле, в каком это слово использовалось во времена Л. С. Выготского - его знаменитое сочинение "Исторический смысл психологического кризиса" было именно *методологическим исследованием* - авторское жанровое определение было очень точным.

Какая же должна быть эта новая методология? Старой методологии - дочери марксизма-ленинизма уже нет, новая еще не появилась. Сегодня нужна другая методология. Новая, выходящая за пределы трактовки психического как отражения, учитывающая достижения мировой психологической мысли. . . Какая будет эта методология? Что она собой будет представлять? Проще всего в качестве ответа процитировать слова признанного классика Л. С. Выготского: "Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [3, с. 422-423]. Поскольку эту методологию еще только предстоит разработать, позволю немного пофантазировать. Тем более, входя в третье тысячелетие. . .

Начать уместно с констатации факта, что необходимость собственной психологической методологии в смысле Выготского признается далеко не всеми. Обратимся вновь к материалам круглого стола "Психология и новые идеалы научности".

Н. И. Кузнецова: "Здесь высказывалось мнение, что выход психологии из кризиса связан с переходом к парадигме гуманитарного мышления. XX в. убедительно показал, что никакой принципиальной разницы в стиле мышления - будь то теоретическая физика, теоретическая лингвистика или антропология не было и нет. Существуют методологические осо-

бенности различных научных дисциплин, но это тривиально. Эти особенности не нарушают общих критериев научного познания, общего логического хода развития науки, хотя и должны рефлексироваться. Единство естественных и гуманитарных наук - это стратегическая линия, а обособление гуманитарных наук от естественных, их искусственная изоляция ведет только к провинциализму" [17, с. 26]. Во многом аналогично рассуждает М. А. Розов: "Я глубоко убежден, что мы мыслим в гуманитарных и естественных науках примерно одинаково. Мышление, если оно правильное, одинаково и в одних науках, и в других. Надо просто правильно мыслить." [17, с. 37]. В. Н. Дружинин также подчеркивает "общенаучный характер" критериев научности: "Отечественная психология должна была самостоятельно выработать критерии научности, и такие попытки делались. Отчасти этим объясняется стремление некоторых видных ученых-психологов заняться методологическими проблемами психологии, что и породило массу методологических и околометодологических трудов. Однако критерии достоверности научного знания являются общенаучным достоянием. Беда общественных наук в том, что на роль единственной методологии претендовало официально одобренное направление, представленное в учебниках диамата и истмата. Если точные и естественные науки могли работать, опираясь на общенаучные критерии достоверности, то ведомственная принадлежность психологии препятствовала этому" [8, с. 4].

Итак, с точки зрения сторонников этой позиции специальная *содержательная* методология (т. е. методология с *элементами гносеологии*, методология в смысле Выготского) современной психологии не нужна. Что же касается методологии психологии, то она может заниматься чисто техническими вопросами: планированием эксперимента, статистической обработкой и т. д. Можно увидеть некоторую аналогию с положением дел в зарубежной, в частности, американской психологии. М. С. Роговин и Г. В. Залевский, специально анализировавшие эту проблему, отмечали, что в большинстве американских руководств авторы ограничиваются лишь общими вопросами эксперимента и игнорируют другие методы исследования [20]. Таким образом, налицо перспектива превращения отечественной методологии психологической науки в сциентистски ориентированную технократическую дисциплину. "Оборотная сторона" такого решения вопроса - признание того, что психология является естественнонаучной дисциплиной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно, что это может привести только к углублению раскола в психологии и, следовательно, к нарастанию кризисных явлений. Еще раз напомним слова М. С. Роговина и Г. В. Залевского: "За монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограниче-

ний" [20, с. 27]. Похоже, что ситуация повторяется. Сохранение психологии как естественнонаучноориентированной дисциплины существенно ее обедняет, не дает возможности рассматривать человека как духовное существо. Неудовлетворенность "естественнонаучной психологией" заставляет обратить взор, исполненный надежды, на гуманистический подход, на герменевтику, постструктурализм и т. д. Но надежды оказываются тщетными, ибо герменевтика и т. д., фактически, лишают психологию статуса науки в полном смысле слова, каковой она, без сомнения, является.

Настоящую ситуацию, на мой взгляд, хорошо описали венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке: ". . . пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психология невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии. Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, *герменевтическая логика исторических наук*. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой" [6, с. 90-91].

Средство выхода из сложившейся ситуации автор настоящих строк видит в разработке психологией собственной методологии. В рамках собственной содержательной психологической методологии (традиции которой заложены Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановским, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном и др.) должна быть разработана модель соотношения теории и метода, учитывающая специфику предмета психологической науки и не сводящая психологию к "естественной", либо "гуманистиче-

ской" парадигме, что в равной степени губительно для психологии как науки.

Возникает еще один вопрос. Если в американской психологии нет методологии в традиционном для нашей науки смысле слова, то как же они обходятся? Во-первых, у них иные традиции. Влияние позитивизма на западную психологическую науку было значительно сильнее, чем на российскую. Методологические (в нашем смысле) проблемы считались там "метафизикой". Во-вторых, на Западе есть "философия науки", направление, которое очень много сделало для того, чтобы исследовать, как функционирует наука, как она развивается, как добывает и обосновывает научное знание. . . Действительно, имена и труды К. Поппера и П. Фейерабенда, И. Лакатоса и Дж. Агасси, В. Куайна и Т. Куна, Х. Паттена и С. Тулмина говорят сами за себя. Но философия науки разрабатывалась и разрабатывается на моделях физики и астрономии, химии и математики, биологии и. . . К сожалению, когда речь заходит о психологии, на нее или распространяют (без должной проверки, "просто" исходя из "презумпции единства научного знания") положения, сформулированные при исследовании развития других научных дисциплин, либо выводят "за скобки", утверждая, к примеру, что психология находится на "допарадигмальном" уровне (кстати, тоже чаще всего без специального анализа). Психологии от этого, естественно, не легче. . . Представляется, что философия науки в долгу перед психологией. Или, может быть, новая психология послужит стимулом к пересмотру универалистских концепций философии науки. Впрочем, это отдельная тема, бесспорно, требующая специального обсуждения, так же как и взаимоотношения научной психологии и герменевтики, постструктурализма и др. направлений в современной философии. Вернемся к российской психологии.

По-видимому, психология уже подошла (или подходит) к тому рубежу, когда требуется ясное осознание того, что в науке происходит, каковы основные тенденции развития, каковы взаимоотношения основных реализуемых подходов и т. д. То есть речь идет все-таки о методологии современной российской психологии, своего рода *философии психологии*. Может быть, следует говорить об общей методологии наук, изучающих психику, как это предлагали М. С. Роговин и Г. В. Залевский [20]. По моему мнению, должна существовать специальная методология психологии, *содержательная методология психологии*, исходящая из специфики предмета психологической науки.

Можно назвать несколько характеристик этой методологии.

Наверное, это должна быть *методология на исторической основе*. Этот тезис в свое время формулировался Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, М. Г. Ярошевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии*. В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*. И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология. Не пытающаяся свести "многомерное" человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное.

Итак, новая методология психологии. Это не супертеория. Скорее совокупность принципов, правил, норм. . . В методологии представлены три составляющие, соответствующие трем группам задач, стоящих перед этой областью знания: познавательная, коммуникативная, практическая.

"Познавательная" составляющая - традиционная для классической методологии сфера интересов: структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т. д. Здесь что ни слово - проблема. Обозначу для примера лишь некоторые. Предмет науки. В области психологии есть основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный [14]. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой "проблему". Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации [9, 20], то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано соотношение теории и метода в психологии. В "познавательной" составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода метаметодология. Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотнесение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

"Практическая" составляющая - область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога - практика, ее методология - важный блок "практической" составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий - не менее актуальный "модуль", не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркну - именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет "объектную", а не "предметную" ориентацию [14], она более "антропологична", если воспользоваться терминологией П. Фресса [23].

"Коммуникативная" составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки [13]. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как "внутри" научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии - в соотношении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотношения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов (более подробно см. [13]).

В перспективе возможно выделение "психотерапевтической" составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи. . . Впрочем, это уже явно XXI век. . .

5

Все же вернемся к той проблеме, которая была поставлена в самом начале этой статьи. Нужна ли психологии собственная содержательная методология? Возьмем в качестве примера вопрос соотношения теории и метода в психологии.

Безусловно, такое соотношение имеет место. Многие авторы высказывались, отчетливо фиксируя такие отношения в истории психологической науки. А.Н.Ждан, проведя специальное историко-психологическое исследование, резюмирует: "Таким образом, история отечественной науки дает яркие примеры действительно диалектического единства теории и метода, в частности, эксперимента, когда экс-

периментальные методы являются результатом большой теоретической работы, а их применение способствует развитию теории. Обращение к истории отечественной, в частности, советской психологии позволяет утверждать, что именно на путях органического единства психологической теории и метода нашими учеными были сделаны наиболее важные теоретические открытия, обеспечено практическое применение результатов психологического исследования" [10, с. 40]. Представляется несомненной связь между теорией и методом. Практически всеми авторами, анализировавшими данную проблему, наличие такой связи подтверждается. Важно подчеркнуть, что теория при этом выступает как определяющая методы, детерминирующая их выбор. Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд вопросов, имеющих отношение к данной проблеме, в отечественной психологии не получил достаточного освещения. В первую очередь это касается самого единства теории и метода. Здесь можно увидеть некоторое противоречие. Действительно, с одной стороны теория обуславливает выбор метода, в этом смысле она "первична". С другой стороны, не менее хорошо известно, что теория является результатом научного исследования и, следовательно, результатом использования тех или иных методов. Можно предположить, что причина такого парадокса в том, что связь теории и метода в нашей психологии рассматривается почти исключительно в статике, вне контекста развития, возникновения и становления научной теории. Приходится констатировать, что данный вопрос в нашей психологии специально практически не исследовался. Введение принципа "развития" теории заставляет предположить, что к выбору метода (или его конструированию) имеет отношение не "готовая" теория, являющаяся результатом научного исследования, а или ее отдельные компоненты, либо некоторое "предвосхищение", "предтеория". В свете этих соображений становятся понятны указания некоторых авторов, полагающих, что выбор методов определяется не теорией как таковой, а предметом науки, ее объектом и т. д. Есть, кроме того, ряд вопросов, не получивших специального исследования, но имеющих для психологии исключительное значение. Это представляется удивительным, но тем не менее - факт, что практически все психологи, писавшие о теории, о методе, об их соотношении предпочитают обсуждать именно эмпирические методы. В. Н. Дружинин один из немногих, кто отмечал существование теоретических методов психологии, предложил их классификацию. В существующей методолого-психологической литературе не удалось найти указаний на то, использует психология теоретические методы других наук (дедуктивный или индуктивный) или теоретические методы психологии имеют свою специфику. Не приходится говорить о

том, что открытым остается вопрос о связи теоретических и эмпирических методов в психологической науке: таких исследований до сих пор не проводилось. Мне не известны также историко-методологические работы, в которых была бы поставлена специальная задача исследовать проблему соотношения теории и метода.

Эти соображения побудили провести историко-методологическое исследование соотношения теории и метода на ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки. Выбор объекта исследования объясняется неразработанностью проблемы. Поскольку в доступной психологической литературе нет соответствующих историко-методологических описаний, не разработан соответствующий понятийный аппарат, целесообразно начать с описания тех типов соотношения, которые могут быть выделены в истории психологической науки. Возможно, анализ основных направлений в психологии во второй половине XIX - начале XX вв. поможет создать более общую модель, объясняющую соотношение теории и метода в психологии. Во всяком случае, представляется, что проделать эту работу совершенно необходимо прежде, чем решать, например, в высшей степени увлекательные историко-методологические задачи, подобные той, о которой упоминает Б. Ф. Ломов: "У нас часто и много говорят о роли ведущих советских психологов в формировании общих принципов психологии и разработке ее методологических основ. Однако сопоставление предложенных каждым из них оригинальных конкретно-научных концепций, их теоретический анализ почти не проводились. Чтобы представить историю советской (в целом отечественной) психологии в ее действительной полноте, необходимо в контексте исследования развития методологии (и общих принципов психологической науки) исследовать также и конкретно-научные концепции, истоки их формирования, их место в системе психологического знания и их перспективы" [11, с. 46].

Связь метода и теории в психологии несомненна, многие авторы даже утверждают, что можно говорить о единстве теории и метода [11]. Между тем механизм связи теории и метода изучен явно недостаточно. Исследование этого вопроса тем более важно, что многими авторами вопрос как бы "выносится за скобки", поэтому выпадает из поля внимания. Примером может служить известная работа Жана Пиаже [16]. Если начинать с эмпирического исследования (использующего тот или иной метод), в котором обнаруживаются факты и законы, создается впечатление, что задачей науки является объяснение. При этом интересующий нас вопрос, почему используется именно такой метод, оказывается неправомерным, поскольку метод был "задан" изначально. Таким образом, проблема "закрывается". Мы, напротив, полагаем, что это один из наи-

более важных методологических вопросов психологического исследования.

К сожалению, вследствие ограниченного объема статьи здесь не могут быть изложены сколь-нибудь подробно результаты историко-методологического исследования методов, использовавшихся в психологии во второй половине XIX - начале XX вв., а также особенностей психологических теорий в этот период [15].

Историко-методологическое исследование использования методов в психологии XIX века показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. Было проанализировано использование метода интроспекции в психологии второй половины XIX - начала XX вв. Давно было известно, что существуют различные разновидности и модификации данного метода. Было показано, что структура метода интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Аналогичное отношение было выявлено при историко-методологическом исследовании, в котором изучалось использование метода эксперимента в психологии. Это позволило ввести понятие "предтеория". Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы науки и т.п.). Может быть описана структура предтеории: "опредмеченная" проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения. В основе возникновения предтеории лежит *проблема*. Для того, чтобы проблема стала основой предтеории, она должна быть *опредмеченной*. Поясним это. В психологии существуют традиции, с которыми психолог должен считаться. К ним в первую очередь относится та, согласно которой психология должна заниматься изучением "психэ" (при всех различиях трактовок *интуитивное* представление является общим и хорошо описывается через самонаблюдение). Объяснение "души"(внутреннего мира - мыслей, чувств, воспоминаний и т. д.) - *сверхзадача любой психологии*. Даже самые радикальные реформаторы - представители объективной психологии - не уходили от этого. Разрыв с этой традицией лишает права называть свою концепцию *психологической*. Поэтому даже бихевиоризм Дж. Уотсона был психологическим - хоть и в специфической форме (включенными в поведение), психические явления были сохранены. Другой традицией, которой должна соот-

ветствовать опредмеченная проблема - определение психофизиологического статуса психического явления. Иными словами, опредмечивание означает, дуалистически (имплицитно или эксплицитно) или монистически будет рассматриваться психический феномен. Таким образом, опредмечивание проблемы это включение ее в контекст так или иначе трактуемого предмета психологии. Центральным элементом в структуре предтеории является *базовая категория*. Базовая категория фиксирует тип трактовки предмета, определяет основную ориентацию исследования, поэтому имеет самое непосредственное отношение к методу (точнее, идее метода). Базовая категория, таким образом, является основной детерминантой метода. Базовая категория тесно связана с моделирующими представлениями - той моделью, с которой соотнесен предмет исследования. Исследование теорий мышления, например, показало, что в качестве моделирующих представлений может выступать поток сознания, направленный ход мыслей, решение задачи и т. д. Историко-методологическое исследование показывает, что в качестве основных базовых категорий в психологических концепциях середины XIX - начала XX вв. выступают "структура", "функция (акт)", "процесс" ("генезис" и "уровень" как базовые категории появляются позднее) . В зависимости от выбранной базовой категории метод может быть структурным, функциональным либо процессуальным. Генезис и уровень чаще используются в сочетании с другими категориями (в этих случаях исследование имеет комплексную ориентацию). Они также часто выступают в качестве *объясняющей категории*. Могут быть выделены виды объяснения, использующиеся в психологии. Используемый метод (например, структурная интроспекция) позволяет получить эмпирический материал, который подлежит *интерпретации* Ядром, определяющим вид интерпретации, является объясняющая категория. В "наивных" концепциях, характерных для ранних этапов развития психологии как самостоятельной науки, часто наблюдается совпадение базовой категории и категории объясняющей. В более поздних концепциях происходит "наложение": эмпирический материал добывается методом, соответствующим одной категории, а интерпретируется с помощью другой. Это создает возможности для появления других (альтернативных) видов объяснения.

Историко-методологическое исследование позволило также выявить виды психологической теории. Исходным видом является *концептуализация* эмпирических данных с помощью объясняющей категории, совпадающей с базовой. Для объяснения могут использоваться гипотезы *ad hoc*. На более поздних этапах появляются теории, в которых для объяснения используется "наложение" схем: метод исследования и метод ин-

терпретации не совпадают, т. к. порождаются различными категориями (базовая и объяснительная категории не совпадают). Таким образом, метод приобретает опосредствованный характер: эмпирические данные уже не представляют собой "непосредственного знания" о психическом, но являются лишь материалом для анализа и *интерпретации*. Использование эмпирических методов создает возможность для появления теоретических методов исследования в психологии. Схема теоретического метода воспроизводит структуру эмпирического, позволяя психологу моделировать в собственном сознании те или иные процессы. Такой метод может использоваться психологом интуитивно или осознанно. В последнем случае метод может приобретать характер мысленного эксперимента.

Выявлено, что метод в психологии имеет уровневое строение. Могут быть выделены по крайней мере три уровня: уровень "идей", уровень "содержаний", уровень "техник". В зависимости от того, на каком уровне раскрывается метод, он выступает существенно по-разному. Понятно, что на высшем уровне метод имеет "идеологические" характеристики (например, структурная интроспекция или объективное функциональное наблюдение). На этом уровне определяется идея метода и основная ориентация исследования. Если идея метода (внутреннее восприятие или, к примеру, объективный эксперимент) определяется пониманием предмета науки, то ориентация задается соответствующей базовой категорией (структурная, функциональная и т. д.). На этом уровне метод выступает как нормативный, определяющийся базовой категорией (или их сочетанием). На втором уровне ("содержаний") проявляется "теоретичность" метода, т. е. интимная связь с теорией (конкретным научным содержанием). Для раскрытия этого уровня метода определяющее значение имеет моделирующее представление. На этом уровне метод выступает скорее как дескриптивный. На этом уровне проявляется реальное соотношение предмета исследования и моделирующих представлений. На третьем ("техническом") уровне метод может быть описан через совокупность приемов и операций, его составляющих. Для понимания этого уровня значимо моделирующее представление и ориентация на тот или иной тип объяснения.

Аналогичные уровни могут быть выделены и в теоретическом методе. Отметим, что при такой трактовке диалектический метод в психологии выступает одной из разновидностей теоретического генетического метода.

Завершая статью, хочу сказать о том, что на сегодняшний день методологические проблемы в нашей российской психологии выходят на первый план. Кризисные явления, которые мы наблюдаем в психологи-

ческой науке, имеют глубокие корни. По искреннему убеждению автора настоящих строк, нашей психологии в самом скором времени предстоит радикальный пересмотр взглядов на предмет психологической науки. Поэтому исследования по проблеме отношения теории и метода приобретают особенную актуальность: ведь в структуре психологической теории неявно представлено то или иное понимание предмета. В настоящей статье разговор шел о ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки. Представляется многообещающим методологическое исследование "зрелой" психологической теории - такой, какой она стала в двадцатом веке. Вероятно, методологический анализ классических школ в психологии в плане взаимоотношения теории и метода позволит в значительной степени по-новому представить развитие психологической мысли в XX столетии. Результаты исследований, частично представленных в этой статье, свидетельствуют, что психология, по видимому, в большей степени "аксиоматична", чем принято считать: невыявленность "предтеории", ее неоформленность такое положение вещей удачно маскирует. То, что современная психология имеет выраженный опытный, эмпирический, в значительной степени экспериментальный характер, дела в принципе не меняет. В связи с этим еще раз хочется повторить, что необходимо разворачивание исследований, в первую очередь теоретических, по предмету психологии. Время "одномерных" подходов к изучению психического заканчивается. Для того, чтобы быть готовыми к использованию новых - синтетических, многомерных подходов, полезно хорошо представлять внутреннее "устройство" старых. В конце концов за старым рано или поздно приходит новое. А у психологии еще все впереди. С. Л. Рубинштейн был прав, когда писал в "Основах общей психологии": "Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем" [21, с. 46].

* * *

. . . Приближение любого рубежа способствует росту числа прогнозов, ожиданий, надежд. Прогнозы, как известно, подтверждаются редко. А надежды иногда сбываются. Я надеюсь, что давний совет Л. С. Выготского - разрабатывать методологию - поможет в преодолении кризиса в психологической науке в наши дни. На "методологический" характер проблем указывал и другой классик психологии XX века - К. Г. Юнг: "Каждый новый случай для меня - почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю молодость современной психологии, которая на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время для гениальных теорий еще не наступило. Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объем-

ности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно "души", психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом* (здесь и далее курсив К. Г. Юнга) научного исследования. Из этого следует, что наблюдения и суждения одновременно выступают в качестве *субъекта, инструмента (средства)*, при помощи которого мы подобные исследования осуществляем. Угроза возникновения такого мощного порочного круга заставляет быть в этих вопросах крайне осторожным и релятивным, что само по себе часто воспринимается неверно" [25, с. 12-13].

И все-таки хотелось бы закончить эти "футуропсихологические" заметки на оптимистической ноте. Поль Фресс в известной статье "О психологии будущего" настаивал на единстве психологии:» Сегодня проблема состоит не в том, чтобы создавать или не создавать психологию как науку, а в том, чтобы понять не угрожает ли бурное развитие ее единству" [23, с. 49]. "Я стою за сохранение Единства Психологии:

1) потому что ее объект - человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается лишь поведением;

2) потому что у нас общий метод: исходя из поведенческих актов исследовать их биологические и личностные условия, а также условия, связанные с окружающей средой;

3) потому что единство, к которому мы придем, не есть единство синтетического знания, а единство все более полного знания сложности и взаимодополняемости систем, которые определяют каждый из наших поступков" [23, с. 53].

Только что приведенные слова были сказаны, когда психология находилась на другом рубеже - вступала во второй век своего существования как самостоятельной науки. "Отец" научной психологии Вильгельм Вундт не только выступил в качестве создателя научной программы, реализация которой позволила психологии наконец выделиться из философии, но и оформил разделение психологической науки на физиологическую, экспериментальную и психологию народов (социальную, культурно-историческую). Попытки объединить, "синтезировать" эти две психологии предпринимались, но оказались безуспешными. Л. С. Выготский в своем методологическом исследовании достаточно подробно проанализировал и способы, и результаты такого синтеза.

Мне кажется, что ситуация в психологии в очередной раз повторяется. Не может оказаться продуктивным переход от естественнонаучной ори-

ентации к ориентации гуманистической. Тем более невозможно их простое объединение. Даже такой мощный метод научного анализа, каким является системный (или системно-структурный) подход не в состоянии выполнить эту работу.

Причина, на мой взгляд, в том, что не проделана *содержательная методологическая работа*. Предмет психологической науки должен быть осмыслен таким образом, чтобы *психическая реальность*, становясь *психологической*, не утрачивала своей многомерности. Как писал семьдесят лет назад Л. С. Выготский, "все слова (курсив Л. С. Выготского - В. М.) психологии суть метафоры, взятые из пространств мира"[3, с. 369]. Поэтому можно только приветствовать возобновление научных исследований по предмету психологии [2]. Хотелось бы только подчеркнуть, что это - единственный путь, позволяющий отстоять единство психологии, позволяющий в какой-то степени приблизиться к Великой тайне человеческой души. Пока же "основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство его понимания" [19, с. 5].

"Строить мост в психологию XXI века означает вновь определить, что мы понимаем под "психической реальностью" и какова природа психики? Это принципиально важно, ибо современная психологическая наука зашла в теоретический тупик, и психологи разных школ и направлений плохо понимают друг друга" [2, с. 7]. В ответе на эти вопросы и состоит главная задача методологии психологии - "общей психологии", как ее называл Л. С. Выготский. А без нее, похоже, не обойтись: "Кто пытается перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него" [3, с. 418]. И по-прежнему все надежды психологов устремлены в будущее. Как и во времена Выготского хочется надеяться, что эта наука будущего начнет, наконец, изучать целостного живого человека во всей его многомерности. "Нужды нет, что эта психология будет так же мало походить на нынешнюю, как - по словам Спинозы - созвездие Пса походит на собаку, лающее животное(Этика, теорема 17, схолия)" [3, с. 436].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
2. Волков И. П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып. 3, 1996.

- 3.Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собрание сочинений. т. 1. М., 1982.
- 4.Выготский Л. С. Предисловие // Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. М., 1931.
- 5.Выготский Л. С. Предисловие к книге А. Ф. Лазурского "Психология общая и экспериментальная" // Выготский Л. С. Собрание сочинений. т. 1. М., 1982.
- 6.Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! Возможная причина шумного успеха идей Л. С. Выготского. // Вопросы философии, № 4, 1997.
- 7.Джемс У. Психология. М., 1991.
- 8.Дружинин В. Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // Психологический журнал, т. 10, № 1, 1989.
- 9.Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1993.
- 10.Ждан А. Н. Из истории вопроса о соотношении теории и эксперимента в психологии // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М. :Наука, 1990.
- 11.Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М, 1984.
- 12.Мазилев В. А. Проблема метода в психологии: Статья первая // Психотехнологии в социальной работе/Ред. В. В. Козлов. Вып. 2. Ярославль, 1997.
- 13.Мазилев В. А. Стены и мосты // Психотехнологии в социальной работе/Ред. В. В. Козлов. Вып. 2. Ярославль, 1997.
- 14.Мазилев В. А. Проблема предмета психологии. Ярославль, 1997.
- 15.Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1997.
- 16.Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966.
- 17.Психология и новые идеалы научности(материалы "круглого стола") // Вопросы философии, № 5, 1993
- 18.Роговин М. С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования: Ежегодник 1978. М., 1978.
- 19.Роговин М. С. Введение в психологию. М., 1969.
- 20.Роговин М. С., Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
- 21.Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- 22.Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М., 1992.

- 23.Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал, т. 2, № 3, 1981.
- 24.Юнг К. Г. Аналитическая психология. С. -Пб., 1994.
- 25.Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
- 26.XXI Congress International de Psychology. P., 1978.
- 27.Boring E. A History of Experimental Psychology. N. Y, 1950.
- 28.Jung K. G. Ges. Werke. B. IV, 1969.

ПСИХОЛОГИЯ: ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО

Мазилев Владимир, Ярославский педуниверситет

"Двигательное и речевое возбуждение...
бредовые интерпретации... случай, по-види-
мому, сложный... Шизофрения, надо полагать"
Михаил Булгаков "Мастер и Маргарита"

Читатель, конечно же, узнал в названии статьи выражение из бессмертного романа Михаила Афанасьевича Булгакова. Автор должен пояснить, что статья, на которую пал взор читателя, посвящена не психологическим аспектам душевного недуга: профессор еще не объяснил, что такое шизофрения. Этот текст о методологии психологической науки. Упоминание М.А.Булгакова в данном контексте, однако, вовсе не случайно. Я убежден, что выдающийся писатель постиг высший смысл научного исследования. Трудно противостоять искушению привести выдержку из двадцать третьей главы "закатного" романа.

"Все сбылось, не правда ли? - продолжал Воланд, глядя в глаза головы. - Голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и я живу в вашей квартире. Это - факт. А факт - самая упрямая в мире вещь. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот уже совершившийся факт. Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория и солидна и остроумна. Впрочем, все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это!" [5, с.265].

Конечно же, писатель прав: и сбывается преимущественно то, во что человек верит, да и теории, формулируемые человеком (как солидные и остроумные, так и - иногда - не слишком основательные и не вполне блестящие), оказываются подозрительно похожими на верования. Не исключено, что рано или поздно научная методология выяснит, что теория в конечном счете и есть некоторая попытка обоснования верований. Воистину, все теории стоят одна другой. Впрочем, оставим этот темный вопрос и обратимся к шизофрении.

Некоторое время назад в мои руки попал номер журнала "Вопросы философии" (номер четвертый за 1997 год). Открыв его, я испытал переживание, весьма сходное с известным в психологии под названием "deja vu" - "уже виденное". В этом номере я увидел статью венгерских авторов Л.Гараи и М.Кечке [9]. Я готов был поклясться, что уже видел когда-то раньше эту статью в этом журнале (номер журнала был свежий, пахнувший типографской краской). Автор настоящих строк готов был заключить, что это не иначе, как какие-то "коровьевские штуки". Впрочем, все быстро разъяснилось: оказалось, что редакция уважаемого журнала (не путать с Массолитом!) решила перепечатать, внося необходимые изменения, статью, которая уже была этим журналом опубликована годом ранее [10]. Таким образом, и журнал был тот же, и статья та же, и память, как оказалось, не подвела. Можно было облегченно вздохнуть, все обошлось без чертовщины и даже без не вполне понятных феноменов *deja vu*. Ситуация разъяснилась, но и название статьи венгерских психологов Л.Гараи и М.Кечке "Еще один кризис в психологии!" [9,10] и сам факт "двойной" публикации показались символическими: кризис в психологии "воспроизводится" с завидным постоянством. При этом очень полезно знать, имеем мы дело с рецидивами, обострениями старого кризиса, или же в наши дни мы являемся свидетелями нового кризиса, имеющего свою природу, свои корни и с кризисами прежними, по сути, не связанного. Так возник первоначальный замысел этой статьи. А в самом тексте венгерские авторы говорят о "шизофрении" в современной психологии, имея в виду ее расщепленность на естественнонаучную и герменевтическую. Ф.Е.Василюк [6] предпочитает использовать слово "схизис": он имеет в виду расщепление психологии на научную и практическую. Тем не менее: "шизо" или "схизо" - разница невелика, греческое или латинское, но слово прозвучало. Итак, шизофрения, как и было сказано.

У меня это слово вызывает вполне определенные ассоциации.

Дело в том, что слово "френулюм", переводимое с латыни обыкновенно как "ум", на самом деле означает "диафрагму" - грудо-брюшную преграду. Происхождение слова указывает на своеобразное представ-

ление древних о локализации психических способностей. Напомню, что выдающийся мыслитель античности Аристотель полагал, будто мозг - железа для охлаждения крови. А что касается ума, то достаточно точным указанием на его предполагаемое местонахождение является первоначальное значение слова... Стало быть, шизофрения в каком-то смысле и попытка расщепления преграды. Но оставим пока этот сюжет...

Поскольку ассоциации часто бывают полезными, "зацепимся" за нее. Обратимся ненадолго к античности: к Платону и Аристотелю. Смысл подобного обращения разъяснится очень скоро. Пока скажем лишь, что при желании первые указания на симптомы болезни можно усмотреть в трудах великих греков. При этом особенно забавно то, что самого слова "психология" еще нет, а болезнь, по-видимому, уже есть...

1

Аристотель, как известно даже студенту-первокурснику, - "отец психологии" - автор первого трактата с психологической проблематикой: "О душе" [1]. Уточним, что тогда, естественно, не было ни психологии как науки (философское знание охватывало все аспекты души - выделять особый, психологический не было никакой нужды), ни самого слова - психология. Оно, как опять же хорошо известно, появилось куда позднее. Но другое слово изобрел Платон. В диалогах "Федр" и "Законы" Платон говорит об искусстве управления людьми, которое должно опираться на определенное знание человеческой души [30,31]. Для обозначения этого искусства Платоном используется слово "психагогия". Как справедливо указывает И.Брес, "психагогия" соседствует у Платона с "рассуждениями о душе" («logos peri ...»). Напомню, "peri psyche" - аристотелевский трактат "О душе", с которого начинается в западной традиции философский этап разработки психологической проблематики. Очевидно, что уже во времена Аристотеля и Платона существовало некоторое разграничение знаний о душе ("рассуждения о психике", с одной стороны, "искусство действовать", сообразно ее законам, с другой). Знание о душе и психопрактика: зародыш разделения на "научное" и "практическое". Следовательно, при желании в этой дифференциации (замечу, при отсутствии общего термина - психология) можно увидеть одно из первых проявлений проблемы, которая выйдет на первые роли значительно позднее. Тем не менее, проблема возникла. Можно формулировать ее по-разному. "Психология и жизнь", или (что точнее) - "психология: наука и жизнь". Хочу напомнить читателю, что психология пока еще не наука. До этого еще очень далеко. Наукой психология станет лишь во

второй половине XIX столетия. Тогда проблема станет очевидной. Пока же можно говорить лишь о предыстории...

Разумеется, здесь нет возможности проследить ни предысторию, ни собственно историю этой проблемы. Поэтому ограничимся несколькими эпизодами. Наука и практика, теория и практика...

Конечно, это старая философская проблема. Она должна отчетливо проявиться, как только появляется наука. Как известно, это происходит в XVII- XVIII вв. Поэтому вовсе не удивительно, что великий Кант посвятил специальную работу исследованию справедливости поговорки "Может быть это и верно в теории, но не годится для практики" (1793)[17]. Проблема эта, как уже упоминалось, не является новой и для психологии. Наверное, правильнее было бы сказать, что в разные эпохи она выступает в разных обликах.

Так, на заре научной психологии, в конце XIX столетия, на нее обратил внимание В.Дильтей, утверждавший, что "в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых" [12, с.29]. Безусловно, столь жестко сформулированный упрек оказал существенное и многоплановое (хотя иногда и опосредованное) влияние на развитие научной психологии: одни старались брать примеры из жизни для иллюстрации научных положений, другие, как В.Брайан и Н.Хартер начали исследовать практическую деятельность, третьи, как М.Вертгеймер, мечтали создать такую психологию, которая была бы направлена на решение жизненных проблем и одновременно была строго научной.

На рубеже XIX и XX вв. возникает мощный "социальный заказ": психологические знания становятся остро необходимы в промышленности и медицине, образовании и армии, юриспруденции и искусстве. Как реакция возникает психотехника - приложение психологии "для практических целей культуры", как говорил сам создатель психотехники Г.Мюнстерберг. В начале XX века начался настоящий бум прикладной психологии. В работе "Исторический смысл психологического кризиса" (1927) Л.С.Выготский, анализируя, в частности, положение дел в психотехнике, отмечал, что несмотря на то, что психотехника "себя не раз компроментировала, что ее практическое значение очень близко к нулю, а теория часто смехотворна, ее методологическое значение огромно" [8, с.388]. Выготский поясняет, в чем состоит методологическое значение практики. Противоречия психологической методологии переносятся на почву практики и только здесь могут получить свое разрешение. Спор перестает быть бесплодным, практика перестраивает всю методологию науки.

Не имея возможности анализировать историю проблемы в це-

лом, приведем один пример. Два замечательных психолога двадцатого столетия - Макс Вертгеймер и Борис Михайлович Теплов - направляли свои усилия на то, чтобы справиться именно с этой проблемой.

2

Б.М.Теплов и М.Вертгеймер, бесспорно, могут быть отнесены к числу выдающихся психологов двадцатого столетия. Оба внесли значительный вклад в становление научной психологии, обогатили мировую психологическую науку новыми подходами, были авторами фундаментальных теорий. Вместе с тем представляется, что между ними существует куда более глубокое сходство, чем принято считать. Мы полагаем, что это сходство заключается в близости позиций по вопросу, значимому для любой научной психологии – по вопросу об отношении психологической теории к практике, *к жизни*: "Психология должна изучать "жизненное" и при этом оставаться подлинной наукой" [37, с.117]. На наш взгляд, эта "центральная тенденция творчества" Вертгеймера является основной и для Б.М.Теплова.

Как известно, Б.М.Тепловым была написана большая статья о М.Вертгеймере [37]. По видимому, эта статья может датироваться 1935 годом. Опубликована она была лишь в 1981 году. Высокие оценки, содержащиеся в этом тепловском тексте, свидетельствуют об особом отношении автора к М.Вертгеймеру: "Умнейший и талантливейший ученый, создавший самую влиятельную - для определенной эпохи - психологическую теорию, придумавший буквально все основные идеи ее..." [37, с.131]. Бросается в глаза удивительный "параллелизм" в творчестве выдающихся психологов. Оба отдали дань исследованиям восприятия. И Вертгеймер, и Теплов были "первопроходцами" в исследовании проблем практического мышления (первый в начале века, отказавшись от традиционных методик вюрцбургской школы, проводит исследование о числах и числовых образах у примитивных народов, второй, как известно, положил начало исследованиям мышления в конкретной деятельности, что привело к формированию самостоятельного направления в отечественной психологии мышления). И Вертгеймер, и Теплов пытались создать (естественно, разными путями и различными средствами) строгую научную теорию, направленную, в конечном счете, против психологии, порожденной картезианским дуализмом. Если в конце жизни Вертгеймер обратился к исследованию социальных проблем и проблем личности (теория этики, проблемы демократии, человеческое достоинство), то Теплов занимался психофизиологией индивидуальных различий человека. К этому можно было бы добавить, что оба психолога имели музыкальное образование, увлекались музыкой, оба опубликова-

ли работы по психологии музыки. Оба ценили художественную литературу как образец жизненной психологии, оба использовали фрагменты литературных произведений в собственных психологических исследованиях. Можно увидеть и другие черты сходства: похож "научный стиль" - те характеристики, которые Теплов обнаруживает у Вертгеймера (тщательная продуманность применяемых методов, безусловная доказательность, чрезвычайная добросовестность и т.д.), в полной мере могут быть отнесены и к нему. Наконец, оба психолога были людьми широкой образованности и культуры. Можно предположить, что М.Вертгеймер (1880-1943) как представитель старшего поколения был для Б.М.Теплова (1896-1965) примером психолога, обладающего "редкой способностью действительно "жизненно" ставить психологические вопросы, находить "психологию" в самых разнообразных житейских ситуациях" [37, с.117]. Не будем забывать того, что гештальтпсихология в двадцатые-тридцатые годы не только была ведущим направлением в мировой психологической науке, но и во многом символизировала *научный подход* к проблеме психического вообще. Не случайно совершенно особым образом относился к гештальтпсихологии Л.С.Выготский. Важно, что Вертгеймер, овладевший искусством интроспекции (первые работы которого были выполнены в Вюрцбурге), имел возможность убедиться, что процедуры аналитической интроспекции чрезвычайно "произвольны": при специальном обучении (называвшемся тренировкой) испытуемого можно научить описывать либо содержания сознания, либо его структуру, либо даже акты сознания. Феноменологический метод гештальтпсихологии позволял покончить с "произволом" аналитической интроспекции. Гештальтпсихология выдвинула новое понимание предмета психологии, которое было *неаналитическим* (принцип целостности). Именно "целостность сознания" позволила приблизить психологию к "жизни". А отказ от поиска *психологических факторов*, обеспечивающих эту целостность, делал гештальтпсихологию в глазах современников "настоящей" наукой. Слова Б.М.Теплова о том, что Вертгеймер один "из наиболее поучительных для нас" психологов, заслуживают внимания, т.к. позволяют лучше понять тенденции и логику развития психологической науки. Разумеется, это только одна страница из истории драматических отношений психологической науки и жизни...

3

Таким образом, разрыв между теорией психологии и психологической практикой существовал в двадцатые годы, существует он и сейчас. Может быть, этот разрыв стал еще более заметным. В последние годы в нашей стране резко возрос интерес к практическим методам воздейст-

вия на личность, различного рода психопрактикам и психотехнологиям. Книжный рынок наводнен различными пособиями по "корректировке" личности и ее отдельных сторон. Зачастую трудно сразу определить, где современные технологии, а где откровенное шарлатанство. Печальнее всего то, что теоретической основой многих психопрактик является все, что угодно, но только не положения академической психологической науки. В качестве основы психотехнологий работают "трансперсональная психология" и различные "мифологии", концептуализированный здравый смысл и "биоэнергетика". Нет только научной психологии. Интересно, почему?

В юбилейном номере журнала "Вопросы психологии" (посвященном 100-летию со дня рождения Л.С.Выготского) помещена чрезвычайно интересная статья Ф.Е.Василюка [6]. Название этой статьи - "Методологический смысл психологического схизиса". Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е.Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: "К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности..." [6, с.26]. Ф.Е.Василюк подчеркивает, что "наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят *научного, теоретического, методологического значения практики*. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики" [6, с.27].

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что "наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке *общепсихологической методологии*" [6, с.27].

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отмечу, что с последним тезисом согласиться нельзя. На мой взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. Если схизис будет ликвидирован такой ценой, то, право, это будет просто заменой на более привычное русскому уху звучание (ср. "схизо" в названии известной болезни, где речь так же идет о расщеплении). никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, хочу высказать опасения, что, на мой взгляд, с общепсихологически методологическим значением практики дело обстоит не так просто.

Прежде всего констатируем, что лозунг "от исследования психики к работе с психикой", в принципе, не является новым. Об этом более двадцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г.П.Щедровицкий. Психотехнические "мотивы" в творчестве Л.С.Выготского обнаруживал А.А.Пузырей [32]. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся "равноправными": и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, "сглаза" и т.д. становятся процедурами принципиально рядоположными. "Заряженные" емкости, установки на исцеление... Признаться, меня это не вдохновляет. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается).

В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторю, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей.

Ф.Е.Василюк пишет: "В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория *формирования*, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики" [6, с.32]. Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Впрочем, еще К.Д.Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в "Педагогической антропологии": "Ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям". Может быть, дело в психологических теориях?

Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика *объектна*. Наука - и в этом ее сила - *предметна*,

что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о "человекомерных" (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии - разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). И консультативная работа - это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л.С.Выготский в 1927 году иронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с "ренессансом" психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит "свою" теорию.

Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна (как например, в НЛП) и может быть объектом специального анализа [22]. Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует - и это очень важно - об явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва?

4

Нельзя не заметить, что диссоциация научной психологии и психологической практики "объясняет" лишь часть "симптоматики". Другая часть целиком относится к "научной" психологии и представляется, что практика за это непосредственно "ответственности" не несет. Речь идет о знаменитом "кризисе в психологии". О кризисе в психологии написаны целые тома и глубокие статьи.

Среди писавших были такие выдающиеся мыслители как Л.С.Выготский и К.Левин, К.Бюлер и С.Л.Рубинштейн. Не будем здесь пытаться дать панораму кризиса (см. об этом нашу работу "Кризис в психологии" [23]).

Жан Пиаже, характеризуя развитие психологической науки, отмечал: "Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой" [29, с.189]. О том, что кризисы плодотворны, писали и другие известные психологи. По моему убеждению, оценка потенциальной плодотворности кризиса в значительной степени зависит от того, с какого рода кризисом мы имеем дело. Ибо кризисы бывают разные. Поэтому на первый план выходит проблема квалификации нынешнего кризиса в психологии.

По мнению, разделяемому ныне многими, современная отечественная психология пребывает сейчас в состоянии глубокого кризиса. В третьем номере журнала "Вопросы психологии" за 1997 год помещена статья Е.Д.Хомской "О методологических проблемах современной психологии", в которой констатируется "наличие методологических трудностей в различных областях психологии" [40, с.113]. В заметке от редакционной коллегии фиксируется "ситуация методологического кризиса, сложившаяся в отечественной психологии за последние годы" [28, с.125]. Н.И.Чуприкова отмечает, что "приходится согласиться не только в целом с диагнозом, поставленным Е.Д.Хомской, но и с квалификацией его как очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии в связи с новой социальной и внутриспсихологической ситуацией (в частности, вследствие широкого распространения психоанализа, психотерапевтической практики и идей гуманистической психологии)" [41, с.126]. С тем, что в современной психологии существуют "острые теоретические и методологические трудности и противоречия", согласен и В.В.Давыдов [11, с.127].

О наличии кризиса или серьезных методологических трудностей писали В.П.Зинченко [14, 15], О.К.Тихомиров [38], А.В.Брушлинский [4] и др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами [49,9] и др. Складывается впечатление, что факт кризиса, причем явно методологического, налицо. Сразу вспоминается знаменитый "открытый кризис" в психологии, описанный и проанализированный К.Бюлером [47] и Л.С.Выготским [8], К.Левином [16] и С.Л.Рубинштейном [34,35]. А есть ли связь этого кризиса с современным? И когда впервые возникли кризисные явления в психологии?

Удивительно, но датировка возникновения кризиса совпадает с датой... возникновения научной психологии. Вот что писал об этом в книге, изданной в 1914 году знаток и прекрасный методолог психологии Н.Н.Ланге: "Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиаль-

ных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ" [18, с.69]. Н.Н.Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий "огромного расхождения" ("отсутствия общепринятой системы в науке") - если оно существует, то психология не имеет "основы", "фундамента", позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Видимо, Н.Н.Ланге в датировке кризиса был точен. Франц Brentano в "Психологии с эмпирической точки зрения" (1874) писал: "Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже - уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрстет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию" [2, с.11]. Под этими словами в конце второго тысячелетия могли бы подписаться многие современные научные психологи.

Эта работа не ставит задачи специального историко-психологического исследования возникновения и развития методологии психологической науки. Поэтому мы ограничимся прослеживанием лишь отдельных моментов. Необходимо отметить, что методологические вопросы вынуждены были затрагивать очень многие психологи. Со времени опубликования известной работы Н.Н.Ланге "Психология" [18], в которой говорилось о кризисе в психологии, свои "диагнозы" давали многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М.Бехтерева Н.Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием "Кризис экспериментальной психологии" [50]. Еще в конце прошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [52]. Впрочем, в любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф.Бrentано [46]: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной

психологии. Впрочем, куда важнее другое: в том, что кризис есть, согласны все, но причины его различные авторы видят по-своему.

В те далекие двадцатые годы было принято ставить диагноз. Упомяну только "диагнозы" М.Я.Басова (1924,1928), П.П.Блонского (1925), Л.С.Выготского (1927), В.А.Вагнера (1923), А.Р.Лурии (1932), С.Л.Рубинштейна (1934,1935), Б.Г.Ананьева (1931) и др.

Даже одно перечисление впечатляет, хотя приведенный список заведомо неполон: не составило бы труда его значительно расширить. Каждый из названных авторов имел свой взгляд на причины, динамику и пути выхода из кризиса. Более того, многим авторам принадлежит несколько диагнозов. Например, может быть прослежена эволюция взглядов на причины психологического кризиса и способах его преодоления у Л.С.Выготского (1925,1927,1931,1934), у А.Р.Лурии (1925,1928,1930,1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их "разнонаправленность".

Важно подчеркнуть, что в двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических вопросов. Несомненный факт кризисного состояния заставил психологов многократно анализировать его ближайшие причины, его источники и движущие силы, факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном - они утверждали, что новая психология еще только должна родиться) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории. Безусловно, самым глубоким и основательным методологическим сочинением той эпохи была рукопись Л.С.Выготского "Исторический смысл психологического кризиса" [60], написанная в 1927 году и опубликованная лишь в 1982 году, спустя много лет после смерти автора. Поражает многообразие затронутых автором проблем и их аспектов. Бесспорно, Л.С.Выготский - классик отечественной, да, пожалуй, и мировой психологической науки. Но классик "живой". Если верно определение, по которому "классик - это тот, кого почитают, но не читают", то с Выготским все обстоит иначе. Нельзя не согласиться с американским психологом Джорджем Верчем, написавшим о неисчерпаемости идей Выготского так: "Я читаю Выготского уже почти четверть века и это более, чем что-либо другое, только подкрепляло мою уверенность, что мне никогда не удастся до конца извлечь все предлагаемое..." [7, с.6]. Безусловно, Выготский один из тех интеллектуалов, "чьи работы могут

служить системой мышления с нескончаемой продуктивностью" [7, с.6]. Сказанное Верчем справедливо для книги Выготского "Исторический смысл психологического кризиса" в абсолютной степени. В этой книге, в частности, представлена "объяснительная схема психо-логии" - взаимодействие понятия и объяснительного принципа, выделены и описаны этапы эволюции психологической теории в области психологии и многое другое. В "Историческом смысле психологического кризиса" едва ли не впервые в мировой психологической науке выявлено *методологическое значение практики* для психологии как науки, проанализирована определяющая роль практики в ее развитии. Как это ни печально, приходится соглашаться с мнением известного советского методолога науки Э.Г.Юдина, еще в семидесятих годах отмечавшего, что со времени Выготского многие важные вопросы, поставленные им, так и не были исследованы.

Однако вернемся к анализу психологического кризиса. Было бы очень интересно сопоставить сходства и различия в диагнозах ученых, которые впоследствии стали ведущими психологами СССР. К сожалению, здесь нет такой возможности, поэтому ограничимся упоминанием работ Л.С.Выготского и С.Л.Рубинштейна. Принято считать, что методологические позиции Л.С.Выготского наиболее отчетливо сформулированы в книге "Исторический смысл психологического кризиса". В значительной мере это так. Но правда и то, что Выготский был прежде всего и "до конца последовательным методологом" (если воспользоваться его собственным выражением по другому поводу). Поэтому целесообразно рассматривать методологические поиски Выготского более широко. (Отошлем читателя к анализам Л.С.Выготским кризиса в психологии, данного в наших работах [23], [24],[51]).

Поскольку здесь нет возможности сколь-нибудь подробно анализировать взгляды "моцарта психологии", отметим лишь то, что во всех диагнозах Л.С.Выготского на первый план выходит методология. Существенно, что в этих трех текстах Л.С.Выготского методология понималась по-разному. Напомню также и то, что обещание перейти к позитивному изложению "общей психологии" ("Исторический смысл психологического кризиса") осталось невыполненным. Вероятно, это одна из причин неопубликования рукописи - она, фактически, осталась неоконченной. Другую можно обнаружить в том обстоятельстве, что, само отношение к методологии как к тому, что должно быть построено, разработано *исходя из специфики психологии* все более приходило в противоречие с учением, претендовавшим и на всеислие и на верность.

В-третьих, требовались все большие переделки текста: цитаты (скрытые) из Л.Д.Троцкого уже были невозможны (становились смер-

тельно опасны) - ситуация очень быстро менялась. Наконец, самое главное. Менялись представления Л.С.Выготского о методологии. Поэтому и не оставил он развернутого изложения "общей психологии" (методологии), что взгляды на нее постоянно менялись. Л.С.Выготский писал в 1927 году, что к разработке методологии психологию толкают, с одной стороны, философия, с другой стороны, практика.

Через десять лет ситуация радикально изменилась: место философии занял "диалектический и исторический материализм", принципиально решивший все философские вопросы, начиная с основного; в 1936 году стало ясно, что психологии нужно держаться подальше от практики социалистического строительства - судьба педологии и психотехники этот тезис убедительно доказала...

Анализ кризиса в психологии был сделан и С.Л.Рубинштейном (1934, 1940). В своей знаменитой статье "Проблемы психологии в трудах Карла Маркса" (1934) [35] С.Л.Рубинштейн пишет о кризисе зарубежной психологии: "Современная зарубежная психология, как известно, переживает кризис(...). В психологии этот кризис привел к тому, что психология распалась на психологии, а психологи разбились на школы друг с другом враждующие. Кризис в психологии принял, таким образом, настолько острую и открытую форму, что он не мог не быть осознан крупнейшими представителями психологической науки" [35, с.19-20]. С.Л.Рубинштейн подвергает критике анализ К.Бюлера, который заключался в попытке "синтеза" различных психологий как "друг друга дополняющих аспектов". "Бюлер попытался объединить подход к предмету психологии интроспективной, психологии бихевиоризма и психологии духа, рассматривая их как три аспекта единого предмета психологии.

Этот путь заранее был обречен на неудачу. Он приводит лишь к объединению субъективной идеалистической концепции сознания с механистической концепцией человеческой деятельности" [35, с.23]. К анализу кризиса в психологии С.Л.Рубинштейн возвращается в работе "Философские корни экспериментальной психологии", опубликованной в 1940 году [34]. Характерно, что в этой работе С.Л.Рубинштейн ведет отсчет кризиса с вундтовской психологии: "Однако у Вундта вместе с тем уже определено намечаются все основные элементы, которые раскрылись затем в кризисе психологии. Само сведение экспериментальной психологии к психологии физиологической и противопоставление ей исторической психологии (психологии народов), отнесение к первой элементарных психофизических функций, а высших духовных проявлений ко второй, уже заключают в себе в зародыше то разложение психологии на ряд "психологий", которое получило особенно заостренное выражение у Шпрангера, противопоставившего "психологию духа" как подлин-

ную психологию, физиологической психологии, как собственно физиологической дисциплине. Этот распад единой психологии на ряд психологий, особенно показательный для кризиса, начинается уже у Вундта" [34, с.77]. С.Л.Рубинштейн подчеркивает, что решающим для понимания кризиса является то, что и поведенческая психология и интроспективная исходят из одного понимания психики, сознания. Таким образом, кризис психологии это кризис декартовско-локковской концепции сознания. Выход из кризиса С.Л.Рубинштейн видит в разработке принципа единства сознания и деятельности ("проблемы сознания в его отношении к деятельности" [35, с.45]).

Сформулированные С.Л.Рубинштейном и другими психологами положения составили методологическую программу советской психологии. С этих пор можно было говорить лишь о кризисе зарубежной - "буржуазной" психологии. В советской все было замечательно: у советской психологии были достижения, все методологические вопросы "в принципе" были решены, оставались лишь чисто рабочие моменты, связанные с расширением сферы исследований, обобщением результатов. Кризисы происходили лишь в буржуазной психологии.

К сожалению, активные методологические изыскания двадцатых годов в советской психологии к существенным прорывам в методологии не привели. А уже с конца двадцатых путь формирования методологии психологии в СССР был predetermined союзом с марксизмом-ленинизмом. (Хочу заметить в скобках, что полностью за пределами данной публикации остался потрясающе интересный вопрос о сравнительной оценке влияния на психологию марксистских положений ("Капитал" и "Тезисы о Фейербахе" влияли в разных направлениях!), ленинские, плехановские, сталинские, бухаринские и, конечно же, троцкистские. Публикация работ Энгельса, других архивных материалов во второй половине двадцатых существенно повлияла на направление поисков. Анализу этих вопросов автор предполагает посвятить специальную работу). Почему же исследования середины двадцатых годов (пока идеологическое давление было еще выносимым) не дали развернутой содержательной психологической методологии?

Можно попытаться назвать несколько причин.

Во-первых, методологические изыскания двадцатых годов, по видимому, и не могли дать верной теоретической картины развития психологии как науки. Дело в том, что в предшествующие годы научная психология находилась под сильным влиянием позитивизма. Наиболее распространенным было представление о непосредственности психоло-

гического знания. Считалось, что самонаблюдение (интроспекция) или объективное наблюдение *непосредственно* дают материал, который наука интерпретирует. Таким образом, психология не была еще теоретической дисциплиной в полном смысле слова. Конечно, в исследованиях психологов разных направлений (в первую очередь, в работах психоаналитиков - З.Фрейда и К.Юнга, а также вюрцбургцев, изучавших процесс мышления) постепенно формируется представление о том, что метод психологии не имеет непосредственного характера, и, следовательно, готовятся предпосылки для того, чтобы психология стала действительно теоретической наукой. Но пока это всего лишь предпосылки. Работа по превращении психологии в теоретическую дисциплину происходила в основных психологических школах (гештальтпсихология, психоанализ, бихевиоризм), как их именуют учебники по истории психологии (особенно преуспела в этом гештальтпсихология). В отечественной науке превращению психологии в полноценную теоретическую дисциплину способствовал культурно-исторический подход Л.С.Выготского, психологический анализ поведения М.Я.Басова, принцип единства сознания и деятельности С.Л.Рубинштейна. В начале двадцатых годов, когда интенсифицировались методологические поиски, ситуация была существенно иной. Сторонники объективной и субъективной психологии исходили из идеи о психологии как "непосредственной" науке. Существовал "наивный" взгляд на психологию, согласно которому субъективный или объективный метод давал "непосредственное" знание о сознании или о поведении. "Наука" только "интерпретировала" эти данные - собственной теории не было. Интерпретация осуществлялась с помощью логики и языка. Эти взгляды справедливо критиковались Л.С.Выготским и С.Л.Рубинштейном. Последний, в частности, обосновав принцип единства сознания и деятельности, по сути, доказал, что методы психологии имеют опосредствованный характер.

Опосредствованные методы только начинают возникать в советской психологии в двадцатые годы. В отечественной психологии в разработке таких методов велика заслуга Л.С.Выготского и его учеников. Без опосредствованных методов, на наш взгляд, не может возникнуть *психологическая теория в полном смысле слова*. И она возникает, эта современная по типу теория. В силу особенностей социокультурного и идеологического плана она оформляется как деятельностьная теория. В течение многих лет в советской психологии методология и деятельностьный подход оказались связанными чрезвычайно тесно.

Во-вторых, постоянно увеличивающееся идеологическое давление. Современному молодому читателю уже трудно представить себе ту степень идеологического контроля, которая существовала в нашей

стране. Впрочем, об этом говорить здесь не буду... Энтузиазм обновления первых послереволюционных лет, когда психологи мечтали создать новую науку (см. воспоминания А.Р.Лурии [19, с.130-131]), проходит. Глубоких и искренних попыток использовать марксистские положения для решения психологических вопросов уже недостаточно. Для примера можно привести эпизод из научной биографии того же А.Р.Лурии.

Как известно, в 1929 году А.Р.Лурия участвовал в работе IX Международного конгресса психологов в США. По материалам этого конгресса А.Р.Лурия пишет статью "Пути современной психологии"[21]. Содержательная работа А.Р.Лурии с интересом читается через шестьдесят пять лет со времени написания, содержит интересные выводы и оценки, подтвержденные временем. Статья опубликована в журнале "Естествознание и марксизм" No 2-3 за 1930 год. Публикация предваряется сообщением "От редакции" [27], в котором отмечается, что "статья дает совершенно извращенное, немарксистское толкование и методологическую оценку отдельных направлений в науке о поведении "[27, с.62-63]. Редакция отмечает "антимарксистское, по существу" объяснение автором корней современного американского прагматизма. Цитирование этого характерного документа эпохи полезно потому, что дает исчерпывающее представление о "методологических" взглядах редакционной коллегии. Редколлегия дает "открытый урок", наглядно демонстрируя, какая нужна "методология": "Вместо того, чтобы показать сущность капиталистической рационализации и системы организации труда, направленных к усиленной эксплуатации рабочего класса, превращения его в автомат или придаток к машине, вместо того, чтобы раскрыть, каким образом вся эта практика современного американского капитализма находит свое отражение в психоневрологии, автор ограничивается политически "болотными" рассуждениями..."[27, с.62-63]. В любом журнале той эпохи можно найти аналогичные пассажи. Роль методологии сводится к идеологическому и политическому. Кстати, редакционная статья, открывающая этот номер, имеет символическое название: "За партийность в философии и естествознании". Изменения происходили настолько стремительно, что даже "технические обстоятельства" становились значимыми ("Редакция журнала оговаривает, что настоящий номер, подготовленный и отредактированный редакцией старого состава... задержался в выходе по техническим обстоятельствам и в своем содержании не отражает того поворота, о котором говорит передовая статья"). Но продолжим цитирование заметки: "Редакция считает необходимым в одном из ближайших номеров дать развернутую критику псевдомарксистских

взглядов А.Р.Лурия и других психоневрологов, капитулирующих перед достижениями современной буржуазной психоневрологии, некритически усваивающих их и пропагандирующих их у нас под флагом марксизма"[27, с.62-63]. И последний штрих: "...необходимо перед партийной и научной общественностью со всей серьезностью поставить вопрос о более тщательном подборе людей, отправляемых за границу. От них наша страна должна получать не поверхностную обывательскую информацию, а серьезную и политически верную ориентировку в вопросах современной буржуазной науки"[27, с.62-63].

Краткая редакционная заметка очень точно характеризует смысл наступившей эпохи. Наступила эпоха идеологизации. Вместо глубины анализа теперь требуется верный классовый подход. Теперь методологическое пространство сужено чрезвычайно. Любой выход за пределы дозволенного требует не только мужества, но и изобретательности в подборе цитат из классиков, могущих "защитить" "крамольный" ход мысли. В условиях тотальной идеологизации дискуссии утратили свое позитивное, стимулирующее развитие науки значение.

В-третьих, сама идея развития применительно к психологии как науке стала излишней. Это звучит парадоксально, но в то время, когда идея развития становится ведущей в психологии, она "уходит" из методологии. Уйти совсем, однако, она не может - это было бы анахронизмом, поэтому она "подменяется".

Идея развития применительно к психологии как науке была подменена ожесточенной критикой различных концепций зарубежной психологии.

Пролетарская наука - верная, передовая. Буржуазная же может в лучшем случае иметь только отдельные положительные тенденции, имеющие ограниченное значение. Короче говоря, советская психология должна быть "вершиной" развития психологии. В этом смысле вся советская психология была "вершинной". Диалектика, берущаяся на вооружение, неизбежно требует "остановить мгновение". Как прусское государство у Гегеля должно было символизировать высший "синтез", так и наука нового общества просто обязана была быть более передовой. Не то, чтобы развитие науки отрицалось. Совсем нет. Советская психология каждое десятилетие отмечала очередные достижения: проблемы разрабатывались, вопросы изучались, концепции формулировались, в зависимости от решений того или иного съезда партии решались особенно актуальные задачи, поставленные последней перед советскими психологами. Важно, что при этом предполагалось, что главные вопросы решены окончательно. Если позволительно в данном случае воспользоваться термином Томаса Куна, то развитие психологии в СССР

представляло собой вполне парадигмальную науку. Оставалось решать задачи-головоломки и выполнять все предусмотренные виды работ в пределах парадигмы. Парадигма была на века (учение было и "всесильно" и "верно" одновременно: верно, потому что всесильно, а все-сильно, естественно, по причине принципиальной верности - здесь ничего не скажешь - диалектическая логика!).

Наконец, в-четвертых, к этому времени не сложилась еще психологическая практика, на методологическое значение указывал Л.С.Выготский (см. об этом подробнее в статье Ф.Е.Василюка [6]). На этом моменте здесь мы останавливаться не будем.

Но вернемся в тридцатые годы. Наступила эпоха, когда методология психологии стала "дочерью марксизма-ленинизма". На многие годы закрепилось клише - "марксистско-ленинская философия - методологическая основа советской психологии". Кстати, это вовсе не означает, что методология психологии совсем исчезла. В значительной степени она продолжала разрабатываться, маскируясь цитатами "классиков".

Во-первых, марксизм (не вульгаризированный) не самая беспомощная философия. Многие туда удалось "вписать": теория отражения и деятельностный подход могут служить хорошими примерами.

Во-вторых, существовали свободно мыслящие люди, которые в сложных условиях идеологического (и не только!) давления пытались выражать свои идеи, виртуозно используя в качестве "прикрытия" цитаты... К счастью, у марксизма, как известно, были "источники", поэтому под марксизмом иногда обнаруживалось нечто иное... В советской психологии успешно "работали" схемы И.Канта и Г.В.Ф.Гегеля, Б.Спинозы и... Впрочем, это отдельная тема.

Мне кажется, Выготский был прав, утверждая первоочередность методологических вопросов. Действительно, "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего"[8, с.417] и "...психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" [8, с.423]. Удивительно, но ситуация в психологической науке в очередной раз "воспроизводится": спустя много лет и философия, и практика вновь настоятельно требуют от психологии в первую очередь разработки ее методологии...

В семидесятые годы в книге "Деятельность. Сознание. Личность"(1975) А.Н.Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: "Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в кото-

рых кажется исчезающим сам предмет психологии" [19-а, с.3]. Понятно, что речь идет о мировой психологии - отечественная имеет свою судьбу: "По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека" [19-а, с.4]. Как писал А.Н.Леонтьев, "мы все понимали, что марксистская психология - это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться" [19-а, с.5].

Прошло десять лет, началась "перестройка", ситуация стала меняться. В первое время казалось, что только падут "оковы тяжкие" и все нормализуется. Если в начале "перестройки" основные причины кризиса психологи видели в идеологических деформациях, которым подвергалась наука, в "застойных" явлениях в обществе в целом и в управлении наукой, в частности, то сейчас большинство авторов склонны связывать кризис с неудачами естественнонаучного подхода, доминировавшего в отечественной психологической науке.

Важно отметить, что кризис, по-видимому, интернационален. Поль Фресс, президент XXI Международного конгресса, в 1976 году открыл заседание знаменательной фразой: "Психология находится в состоянии кризиса!" [384, р.49]. Просто в России он переживается острее в силу целого ряда обстоятельств.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф.Брентано, существует уже в течение века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н.Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса.

Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л.Гараи и М.Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода: "Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отли-

чалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: "Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука" [9, с.87]. Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия – чисто "социальные" феномены поддаются "естественным" методам. Л.Гараи и М.Кечке в статье с символическим названием "Еще один кризис в психологии!" вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х.Дельгадо, где описывалось изменение "социального" поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса ("Мы сведем когда -нибудь..." и т.д.). "Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности изменения таким способом социального порядка целых сообществ и необязательно только у животных" [9, с.87].

"На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: "Психология находится в состоянии кризиса!" Президент утверждал: "Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову". Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где *поведение* будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: "Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю идентичен тому, кто ее творит" [9, с.87].

Итак, XXI Международный конгресс устами П.Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на

следующем - XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен.

Показательны в этом отношении рассуждения Поля Фресса [39]. Анализируя продолжающееся со времен В.Вундта разделение психологии на естественнонаучноориентированную и культурноориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: "Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования" [39, с.51]. Он поясняет, почему является сторонником "Единства Психологии": "потому что ее объект - человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением." [39, с.53].

«Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии.

Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, *герменевтическая логика исторических наук*. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой" [9, с.90-91].

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи высказывают надежду на то, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л.Гараи и М.Кечке, яркая статья которых уже неоднократно мною цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С.Выготского: "В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского" [9, с.91]. Крупный американский исследователь М.Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р.Лурии [48].

Я отношусь к таким ожиданиям с пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в *фундамент психологии*. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Итак, "шизофрения, как и было сказано" [5, с.66]?

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети нашего века, с кризисом нынешним. Очевидно, что кризис начавшийся, по уверению Н.Н.Ланге, в семидесятые годы прошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А.Н.Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология "вернулась" в мировую психологию, кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение, согласно которому периодически происходят "обострения" этого кризиса. И с таким обострением мы имеем дело сейчас.

По моему мнению, дело в психологии обстоит так. Существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в семидесятые годы прошлого столетия. Он не преодолен, с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого общего существуют более локальные кризисы развития, являющиеся естественной фазой нормального процесса развития. Их "наложение" воспринимается как "обострение" или как возникновение "нового" кризиса (это зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит?

Уже приводилось достаточное количество мнений на этот счет. Причем их число легко умножить. К примеру, К.Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к

галилеевскому [16]. П.Я.Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: "Подлинным источником "открытого кризиса психологии" был и остается онтологический дуализм - признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно - *toto genere* - разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя" [16, с.3]. П.Я.Гальперин полагал, что "с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе" [16, с.3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной. Обращу внимание на то обстоятельство, что практически все авторы, писавшие про кризис, подчеркивали его методологический характер. Как говорил Выготский, "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего" [8, с.417].

А самая первая методологическая проблема - проблема предмета. Представляется, что смысл кризиса в том, что неадекватно определен и понят предмет психологии. Нетрудно увидеть, что естественнонаучный и гуманистический подход различаются в первую очередь тем, что психическое в этих подходах выступает существенно по-разному. В одном определяется в логике естественных наук, в другом в логике гуманитарных. А это свидетельствует лишь о том, что психология устранилась от самостоятельного определения собственного предмета. Хотя это, по видимому, первая задача содержательной психологической методологии. В смысле Л.С.Выготского и С.Л.Рубинштейна. В этом отношении не хотелось бы, чтобы традиции отечественной психологии оказались утраченными. Таким образом, ясно, что преодолеть кризис за счет переориентации с одного подхода на другой, очевидно, не удастся. Нужна серьезная методологическая работа по теоретическому анализу предмета психологии. То время, когда казалось, что эту работу можно выполнить чужими (т.е. других наук) средствами прошло. Ясно, что кроме психологии эту работу никто выполнить не сможет. "Отец" научной психологии Вильгельм Вундт не только выступил в качестве создателя научной программы, реализация которой позволила психологии, наконец, выделиться из философии, но и оформил разделение психологической науки на физиологическую, экспериментальную и психологию народов

(социальную, культурно-историческую). Попытки объединить, "синтезировать" эти две психологии предпринимались, но оказались безуспешными. Л.С.Выготский в своем методологическом исследовании достаточно подробно проанализировал и способы, и результаты такого "синтеза".

Мне кажется, что ситуация в психологии в очередной раз повторяется. Не может оказаться продуктивным переход от естественнонаучной ориентации к ориентации гуманистической. Тем более невозможно их простое объединение. Даже такой мощный метод научного анализа, каким является системный (или системно-структурный) подход не в состоянии выполнить эту работу. Причина, на мой взгляд, в том, что не проделана *содержательная методологическая работа*.

Предмет психологической науки должен быть осмыслен таким образом, чтобы *психическая реальность, становясь психологической, не утрачивала своей многомерности*. Как писал семьдесят лет назад Л.С.Выготский, "все слова (курсив Л.С.Выготского - В.М.) психологии суть метафоры, взятые из пространств мира" [8, с.369]. Поэтому можно только приветствовать возобновление научных исследований по предмету психологии. Хотелось бы только подчеркнуть, что это - единственный путь, позволяющий отстоять единство психологии, позволяющий в какой-то степени приблизиться к Великой тайне человеческой души. Пока же "основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания" [33, с.5].

Если психология хочет найти выход из кризиса, то она должна предпринимать для этого определенные шаги, должна проделать определенную методологическую работу по осмыслению своего предмета. Причем, что особенно важно подчеркнуть, должна выполнить сама, самостоятельно. Никакая философия этой работы не проделает, поскольку не имеет для этого адекватных средств. Это - внутреннее дело самой психологии и ее самая актуальная задача.

Если психология по-прежнему хочет делать вид, что кризис (схизис, по Ф.Е.Васильку, шизофрения, по Л.Гараи и М.Кечке) - явление преходящее, в известном смысле случайное, то он, естественно, будет продолжаться, углубляться. Как неизбежное следствие этого, научная психология будет по-прежнему терять свои позиции, уступая проблемные поля своей науки "мастерам-психотехнологам-практикам" самого широкого профиля.

Вообще-то, стоит вспомнить об основаниях. Ведь еще А.Ф.Лосев предупреждал: "Чтобы вообще рассуждать о вещи, надо знать, что такое она есть. И уже это-то знание должно быть адекватным. Если же вы

бойтесь, как бы ваше знание не оказалось неадекватным, то это значит, что вы бойтесь, как бы не оставить рассматриваемый вами предмет совсем в стороне и не перейти к другому" [20, с.191]. Если использовать терминологию А.Ф.Лосева, психологии предстоит еще работа "в эйдосе". Напомню слова А.Ф.Лосева: "Феноменология - там, где предмет осмысливается независимо от своих частичных проявлений, где смысл предмета самотождествен во всех своих проявлениях" [20, с.191]. Чтобы рассуждать о вещи, надо знать, что она есть. "Но феноменология - лишь установление области и границ исследования. Она - лишь намечание разных направлений, в которых должна двигаться мысль, чтобы создать науку об интересующем ее предмете. Наука, логос - не феноменология. Феноменология рассматривает предмет не в логосе, а в эйдосе" [20, с.192]... Впрочем, наши проблемы еще на уровне феноменологии. Может быть, наступает пора изменить свой взгляд на предмет психологии.

5

Подведем краткие предварительные итоги. Кризис, разобщенность в современной психологии налицо. Трещины (пропасти) или, если это кому-то понравится больше, препятствия, перегородки расщепили, разъединили психологию на отдельные части. Контакт между ними в значительной степени нарушен. Отношения с "жизнью" поддерживают лишь отдельные структуры, выступающие как автономные. Описанные "препятствия", конечно, имеют разные корни. Тем не менее, есть основания говорить о глубинном кризисе в психологии. На мой взгляд, наличие этого глубинного кризиса и является подлинной причиной болезни (не будем спорить, психоза или невроза).

По моему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый - относительно неглубокий. Это - нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, "локальный" кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень - уровень "основных парадигм". Еще Вундт - создатель научной психологии - заметил в "Основах физиологической психологии", что психология "занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками". История психологии в XX столетии может быть представлена в виде своеобразного движения "маятника". Периодические обострения кризиса - не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее "половине". Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности

психологии ценю "логического империализма" той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л.Гараи и М.Кечке), возникает мнение, что психология вновь в кризисе.

И третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В.Вундта, Ф.Брентано и В.Дильтея). Истоки кризиса, на мой взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценю, которую психология заплатила за *свою научность и самостоятельность*, стало ограниченное понимание предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило энергетические определения), с другой, разделение психики на высшую и низшую лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики духовного). Вероятно, утверждение о противопоставлении физиологии кому-то покажется неверным: ведь сам Вундт был физиологом, а его психология именовалась физиологической. Тем не менее, разрыв оформился и дуалистичность нашей научной психологии очевидна и на пороге третьего тысячелетия. К тому же провозглашение психологии эмпирической наукой способствовало фактическому прекращению теоретических исследований по проблеме предмета психологии (это казалось возвращением к метафизике, рациональной психологии). Результатом такого положения вещей явилось то, что, фактически, психология разрабатывалась в значительной степени за счет логики других наук (биологических, либо социальных), т.к. предмет психологии реально раскрывался в рамках концепций, тяготеющих к биологии, либо социологии. На мой взгляд, глубинный смысл кризиса в психологии как раз и состоит в неадекватном определении предмета, в результате чего подлинный предмет подменяется "частичными", "одномерными" и редукция становится неизбежной: психэ сводится к адаптации, к регуляции, к отражению, к ориентировке и т.д. Таким образом, выход из кризиса может быть найден только в том случае, если трактовка предмета научной психологии будет пересмотрена.

ЭПИКРИЗ

Сочинение текста (даже при условии использования компьютера) требует времени. В течение всего времени составления текста этой статьи автора не покидало некоторое чувство незавершенности и недосказанности. Чем вызвано было чувство, увы, было неясно. Все эти смутные, неясные, темные заключения, конечно, всем «пишущим»

прекрасно известны. От них легко отмахнуться, легко признать "условно несуществующими" и снова впасть в привычное "уютное оцепенение". Однако, хорошо известно, что настойчивость иногда дает результаты. И неожиданно вспомнилось, что *deja vu* в отношении статьи Л.Гараи и М.Кечке, описанное автором настоящих строк в самом начале этой статьи, не было первым. Я вдруг вспомнил, что в тот момент, когда в мои руки попал первый вариант статьи (публикация 1996 года в журнале "Вопросы философии"), также возникло чувство "знакомости". Известная "сладость", сопровождающая подобного рода ощущения, возникает лишь тогда, когда имеет место узнавание, предполагающее "идентификацию" хотя бы в качестве смутной догадки, некоего "предположения о". Ведь сказал великий поэт:

О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг" [26, с.124].

В иных случаях это просто мучительно. И вот в какой-то момент, вслед за этим тягостным ощущением возникло другое, приятное, вызванное воспоминанием, ясным и отчетливым: Харьков в сентябре 1993 года, золотая осень, Международные психологические чтения, посвященные 60-летию Харьковской психологической школы, гостиница "Украина", и текст... английского варианта этой самой "многострадальной" статьи Л.Гараи и М.Кечке, полученный "на вечер" из рук Владимира Петровича Зинченко... Что сказать? Что память (даже неплохая) несовершенна, известно давно. Более значим, конечно, аспект символический...

Возможно, кризис в психологии вообще вечен и непреодолим, поэтому неизбежны бесконечные повторения. Нельзя исключить и того, что в данном случае мы имеем дело с некоей "защитой": не следует проникать туда, куда до некоторых пор проникать не следует.

И будет лучше, если психология будет заниматься другими "проблемными полями". Может быть, просто "не сезон"...

Но все же, все же... Все-таки, хочется надеяться, что психология сделает некоторые шаги, которые позволят по-иному представить ее предмет. Или, если угодно, расщепить преграды, мешающие психологии обратиться к своему подлинному предмету...

В некотором смысле болезнь может рассматриваться как несомненное благо и, возможно, следовало бы сочинить оду шизофрении. Не станем забывать, что, согласно некоторым теориям, болезнь - не что иное, как форма приспособления к условиям жизни. Ведь говорил же Юнг: "Слава Богу, ему повезло, он стал невротиком, то есть приспособо-

бился". "Среди так называемых невротиков существует немало людей, которые, родись они ранее, невротиками не стали бы, т.е. они не страдали бы от внутренней раздвоенности. Живи они тогда, когда человек был связан с природой и миром своих предков посредством мифа, когда природа была для него источником духовного опыта, а не просто окружающей средой, эти люди были бы избавлены от внутренних разладов. Речь о тех, для кого утрата мифа невыносима, и кто не может найти свой путь в этом мире, довольствуясь естественнонаучными представлениями о нем, фантастическими словесными спекуляциями, которые не имеют ничего общего с мудростью" [42, с.150]. "Наши современники, мучимые внутренними разладами, - всего лишь "ситуативные невротики", их видимая болезненность исчезает, как только пропасть между "я" и бессознательным сводится на нет. Кто сам ощутил этот внутренний разлад и побывал в подобном положении, сможет лучше понять бессознательные психические процессы и будет застрахован от опасности преувеличивать размеры невроза, к чему психологи часто склонны. Кто на собственном опыте не испытал нуминозное действие архетипов, едва ли сможет избежать путаницы, когда столкнется с этим на практике. Он будет переоценивать или недооценивать это, но его критерии окажутся исключительно рационального, а не эмпирического порядка. Именно здесь начинаются губительные заблуждения - и этим страдают не только медики - из них первое: предпочтение рационального, умственного пути - остальным. Такого рода попытки преследуют тайную цель отстраниться, насколько это возможно от собственного подсознания, от архетипических состояний, от реального психологического опыта, и заменить его надежной на вид, но искусственной и ограниченной, двухмерной идеологической действительностью, где настоящая жизнь со всеми ее сложностями заслонена так называемыми "отчетливыми понятиями" - идеологемами. Таким образом, значение приобретают не реальности опыта, но пустые имена, которые отныне занимают их место. Это ни к чему не обязывает и чрезвычайно удобно, поскольку защищает нас от испытания опытом и осознания его. Но дух живет не в концепциях, но в поступках и реальных вещах. Слова никого не согреют, тем не менее эту бесплодную процедуру бесконечно повторяют" [42, с.150-151]. И далее: "Поэтому наиболее трудными, как и наиболее неблагодарными для меня пациентами, кроме "патологических фантазеров", являются так называемые интеллектуалы. У них правая рука не знает, что делает левая. Они культивируют своего рода *Psychologie a compartiments* (оградительная психология, букв.: "психология с перегородками"). Они не позволяют себе ни единого чувства, неконтролируемого интеллектом, т.е. они пытаются все уладить и пригладить, но в ре-

зультате более других страдают от всякого рода неврозов" [42, с.151]. Если в этих рассуждениях "пациента" заменить на "психологическую науку", то, вероятно, нельзя не согласиться с их справедливостью.

Перегородки, как и было сказано...

Карл Густав Юнг в молодости интересовался проблемой шизофрении, которую тогда именовали *dementia praecox*. "Юнг строил свой подход, исходя из общего постулата о том, что психическое расстройство характеризуется разъединенностью личности, тогда как психическое здоровье есть проявление личностного единства.

При шизофрении личность представляла раздробленной на множество частей, а не на две-три, как при истерии. Кроме того, если истерик сохранял контакт с реальностью с помощью определенной части личности, которую к тому времени уже называли "эго", то у шизофреника такой контакт был утрачен, поскольку эго стало жертвой вторжений из бессознательного и сделалось всего-навсего одним "голосом" среди множества" [13, с.236-237]. "По мере развития своего понятия коллективного бессознательного и теории архетипов он пришел к представлению, что психоз вообще и шизофрению в частности можно объяснить как:

а) переполненность эго содержаниями коллективного бессознательного и

б) давлением на личность отколовшегося комплекса или комплексов" [36, с.164].

Хочу напомнить, что мы говорим о болезни не отдельного субъекта, а целой науки (точнее, целого комплекса наук)...

Не правда ли, похоже на известный "синдром третьекурсника" медицинского института, когда студент, изучающий симптомы той или иной болезни, к своему ужасу находит все признаки и у себя? Шизофрения, истерия, невроз... "...Шизофреническое сообщение и поведение можно рассматривать как имеющие смысл только, если возможно определить, что собой представляет смысл. Именно в этом случае впервые была использована техника ассоциации, а позже амплификации для изучения клинического материала в соединении с культурными и религиозными мотивами" [36, с.164]. Это соображение отчетливо показывает, насколько велика роль методологии психологической науки в излечении ее от тяжелого кризиса.

Действительно, понять *смысл* психологических изысканий можно только с помощью методологии, причем содержательно-психологической методологии.

Но обратимся еще раз к Юнгу: "...я утверждаю, что в громадном большинстве случаев так называемой *dementia praecox* субъект вслед-

ствие прирожденного или, реже, благоприобретенного аномального расположения вовлекается в психологические конфликты, по существу своему еще отнюдь не патологические, а общечеловеческие. Конфликты эти вследствие особой своей интенсивности являются несоразмерными с остальными душевными способностями и поэтому их нельзя побороть обычным человеческим способом, т.е. ни развлечением, ни разумным самообладанием. Эта невозможность разрешить конфликт и вызывает действительную болезнь. Когда данный субъект почувствует, что никто не в состоянии ему помочь и что сам он также не в силах справиться с внутренними затруднениями, его охватывает паника, приводящая к хаосу душевного расстройства" [45, с.341]. Представляется, что комментарии излишни...

Если наше представление о регулярных кризисах в психологической науке есть все-же нечто большее, чем общее беспокойство, вызванное определенными лунными фазами, то надеяться на появление "лунной дорожки", автоматически приводящей в итоге к цели, вряд ли дальновидно. Возможно, это преодоление болезни состоится в результате своего рода "логотерапии", обретении психологией некоего нового смысла своей деятельности, связанного, в свою очередь, с изменением трактовки научного предмета... И расшатыванием, разрушением ненужных перегородок, мешающих представить психическое в его действительном, реальном объеме. Наверное, для этого понадобится какая-то амплификация, новый синтетический метод. Видимо, это методологическая задача. Одна из первых задач методологии психологии XXI века... Если есть болезнь, нужно лечение. Для психологии это, очевидно, психотерапия. Какая? Это отдельный, притом достаточно непростой вопрос. Логотерапия или гештальттерапия, или... Представляется, что в любом случае это должна быть позитивная терапия. В смысле - положительная, оптимистическая.

Когда-то великий писатель сказал, что все теории стоят одна другой. Это правда. В основе каждой теории лежит некое допущение. Среди возможных допущений есть и такое:

"Все будет правильно. На этом построен мир" [5, с.311].

Хотелось бы, чтобы психология стала не позитивистской, но позитивной - оптимистической наукой, наукой о наиболее "возвышенном и совершенном", как некогда полагал великий Аристотель.

Использованная литература

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1975.

550 с.

2. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. С.176.
3. Брес И. Генезис и значение психологии// Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123-140.
4. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 109 с.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита//Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т.5. М.: Худ. литература, 1990, с.7-386.
6. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса// Вопросы психологии, No 6, 1996, с.25-40.
7. Верч Дж. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996. 176 с.
8. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса// Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.,1982, с 291-436.
9. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, No 4, 1997, с.86-96.
10. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! Возможная причина шумного успеха идей Л.С.Выготского// Вопросы философии, No 5, 1996, с.63-71.
11. Давыдов В.В. Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии?//Вопросы психологии, 1997, No 3, с.127-128.
12. Дильтей В. Описательная психология. С.-Пб.:Алетейя, 1996. 156 с.
13. Зеленский В. Аналитическая психология: словарь. Спб.:Б.С.К.,1996. 324 с.
14. Зинченко В.П. Культурно - историческая психология: опыт амплификации. //Вопросы психологии, 1993, № 4, с. 5 - 19.
15. Зинченко В.П. Методология или "охранная грамота"?//Вопросы психологии, 1997, No 3, с.129-131.
16. История психологии: период открытого кризиса: Тексты/ Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М.:МГУ, 1992. 364 с.
17. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.:Мысль, 1966. С.743.
18. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды/ Под ред.М.Г.Ярошевского. М.: Изд-во"Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996. 368 с.
19. Левитин К.Е. Личностью не рождаются. М.:Наука, 1990. 208 с.
- 19-а. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.:Политиздат, 1975. 304 с.
20. Лосев А.Ф. Философия имени.М.:МГУ,1990. 271 с.
21. Лурия А.Р. Пути современной психологии// Естествознание и

марксизм, 1930, No 2-3, с.62-102.

22. Мазиллов В.А. Социальная работа и методологические проблемы психологии// Методологические и технологические основы современной социальной работы в России. Ярославль: Яр ГУ, 1997, с.47-54.

23. Мазиллов В.А. Кризис в психологии. Ярославль, 1998 (в печати).

24. Мазиллов В.А. Современная российская психология: поиски новой методологии//Психологический пульс Ярославля. Ярославль: МАПН, 1998.

25. Мазиллов В.А. О психологии созидания// Бюллетень Международной Академии психологических наук. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997, с.22-26.

26. Мандельштам О. Сочинения.т.1. М.: Худож.лит.,1990. 638 с.

27. От редакции// Естествознание и марксизм, 1930, No 2-3, с.62-63(врезка)

28. От редколлегии// Вопросы психологии, 1997, No 3, с.125-126.

29. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм// Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1,2. М.:Прогресс, 1966, с.157-194.

30. Платон. Собрание сочинений в четырех томах . Т.2. М.:Мысль, 1993. 528 с.

31. Платон Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1994. 830 с.

32. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского и современная психология. М.:МГУ,1986.

33. Роговин М.С. Введение в психологию. М.:Высшая школа, 1969. 384 с.

34. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии// Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.:Педагогика, 1973, с.68-90.

35. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса// Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.:Педагогика, 1973, с.19-46.

36. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга.М.: ЭСИ, 1994. 184 с.

37. Теплов Б.М. О Максе Вертхеймере, основателе гештальтпсихологии// Вопросы психологии, 1981, No 6, с.116-132.

38. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии.М.:МГУ, 1992. 87 с.

39. Фресс П. О психологии будущего// Психологический журнал, т.2, No 3,1981, с.48-54.

40. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной

- психологии//Вопросы психологии, 1997, No 3, с.112-125.
41. Чуприкова Н.И. Какой должна быть сегодня научная психология?//Вопросы психологии, 1997, No 3, с.126-127.
42. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Airland, 1994. 406 с.
43. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Спб., 1994. 132 с.
44. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995. 228 с.
45. Юнг К.Г. О психогенезисе в dementia praecox//Избранные труды по аналитической психологии. Т.3. Цюрих, 1939.
46. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.
47. В_8Б_Ohler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927. XV, 223 S.
48. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology// I Международная конференция памяти А.Р.Лурии - First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, p.117.
49. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978. 462 p.
50. Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. Paris, 1911.
51. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today// Psychological Pulse of the Russia. Moscow-Yaroslavl: International Academy of Psychology, 1997, pp.126-134.
52. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. М_8Б_Onchen, 1899.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗГЛЯДА НА СМЕРТЬ

Малеева Ирина, ЯрГУ

*Если бы мы были внимательней и мужественней,
то смерть была бы нам родной, близкой и привычной.*
Митрополит Антоний (Блум)

*Смерть - это стрела, пущенная в тебя, а жизнь -
то мгновение, что она до тебя долетит.*
Суфийская мудрость.

Смерть - исконная философская тема, такая же широкая как жизнь. Может быть, она не всегда явно звучит у того или иного мыслителя, но всегда является внутренней пружиной философских размышлений. Отношение к смерти, смысл смерти - основа решения мировоззренческих вопросов: о человеческом бытии, об устройстве мира, вообще. Самосознание, отличительная человеческая особенность, неразрывно связана с осознанием собственной смертности. Не даром философы разных времен и народов вслед за Цицероном повторяют, что философия есть помышление о смерти. Тема эта имеет множество аспектов и ракурсов рассмотрения, коснемся некоторых из них.

В самом общем смысле, под смертью понимают прекращение жизни, переход организма в неорганическое состояние. Смерть неотвратно наступает все живое. Философский же аспект смерти касается человеческого отношения к смерти, к собственной смертности. Несмотря на повседневное наблюдение естественного перехода всего живого от жизни к смерти, человек никак не может смириться со своей смертью, с конечностью своего существования; ищет бессмертия и обособляет себя на этом основании из животного мира.

Р. Лифтон в своем исследовании (Lifton R, Living and dying. NY, 1977) классифицирует категории иммортализации: биологическое бессмертие (продление в потомстве), творческое (продление в результатах своей деятельности), теологическое (трансцендирование смерти через установление связи с вечными духовными ценностями), натуралистическое (путем слияния с природой), чувственное (достижение измененных состояний сознания, состояния просветления, экстаза, расширенных состояний). На самом деле, в истории философии мы встречаемся с более дифференцированным набором "теорий" бессмертия, что вызвано невозможностью для человека понять и принять смерть как конец своего бытия.

Жизнь и смерть являются взаимоструктурирующими принципами бытия. С одной стороны, осознание человеком собственной смертности заставляет его осознанно относиться к собственной жизни, искать ее смысл, с другой стороны, уровень и характер саморефлексии и рефлексии отношений человек - мир определяет отношение человека к смерти.

Поэтому отношение к смерти является индикатором типа цивилизации. На этой посылке строит свою теорию социальный философ Филипп Ариес. Он утверждает, что существует связь между установками в отношении к смерти, доминирующими в данном обществе на определенном этапе развития, и самосознанием личности, типичной для этого общества. Ариес так описывает эволюцию отношения человека к смерти.

- Начальный этап эволюции, восходящей к архаической стадии - "прирученная смерть". Смерть воспринималась как обыденное явление, без особых страхов. Человек пока еще органично включен в природу, между живыми и мертвыми существует определенная гармония. Уход не воспринимался как полный и бесповоротный разрыв, т. к. между мирами живых и мертвых не ощущалось пропасти.

- Второй этап - "смерть своя", Ариес связывает с распространением идеи Страшного суда, первоначально как суда над всем человечеством, а с пятнадцатого века - как индивидуального процесса (свидетельство осознания человеческой индивидуальности). Росло понимание различия между мертвыми и живыми, кладбища начали устраивать за городскими стенами.

- Третий этап - "смерть далекая и близкая", связан с массовыми эпидемиями в Европе. Незащищенность перед столь распространенной, почти обыденной смертью толкает на различные способы защиты: игнорирование собственной опасности, забвение смерти, "пир во время чумы", "пляски смерти"... Впервые появляется эротизм смерти.

- Четвертый этап - "смерть твоя". Смена "цивилизации инстинктов" "цивилизацией объектов" в 18-ом веке, когда иным стал характер семьи (образцовым стал брак по любви), изменилось и отношение к смерти близкого человека, переживаемое теперь сильнее, чем возможность собственной. Смерть - разлука. "Небеса - место новой встречи любящих сердец" - подрыв тождества смерти с болью, страданием.

- Современный этап - "смерть перевернутая". Забвение, медицинализация смерти. Ариес связывает это со сменой мест сексуальности и смерти в коллективном бессознательном. (один из основных экзистенциалов всегда должен выступать в виде табу, но в ходе истории они меняются местами).

Несмотря на существование различных мнений по поводу изменяемости восприятия смерти в ходе истории, будет справедливо утверждать, что смерть воспринимается не только индивидуальным сознанием, но и коллективным, являясь, таким образом, фактором культуры.

В обыденной жизни людей современной цивилизации существует табу смерти. Мы не рассуждаем о собственной кончине, оберегаем детей от столкновений со смертью и раздумий о ней. Так, филологическое исследование А.М.Кацева ("Языковые табу и эвфемия". Л., 1988) показывает широкий спектр иносказаний, выработанных в английском, немецком, французском, русском, испанском и итальянском языках, дабы не звучали слова "смерть", "умирать", "кладбище" и т. д. "Люди страшатся смерти, как малые дети потемок" (Фрэнсис Бэкон).

Подобное избегание разговоров, размышлений о смерти и, как бы, попытка вовсе изъять смерть из существования объясняется отношением современной культуры к человеческой личности как к наивысшей самоценности, отчужденностью современного человека.

А человек Древнего Китая в воображаемом пространстве времени занимает необычную для нас позицию: он обращен лицом к прошлому, к будущему же повернут спиной, и вся устремленность его ретроспективна. Будущее не привлекает слишком большого внимания - ведь время движется по кругу. Отсюда - взгляд на смерть как на "возвращение" и одновременно как на "превращение", ибо Дао лепит из старого материала все новые формы: ничего не пропадает, но ничего и не остается неизменным. Жизнь, скорее всего, лишь сон и не нужно бояться Пробуждения.

Другой аспект рассматриваемой темы затрагивает Мишель Вовель, ("Смерть и Запад с 1300 года до наших дней"), указывая на важность различения двух моделей отношения к смерти: обыденное восприятие и религиозную трактовку смерти. И если религиозные трактовки, образ смерти в культуре эволюционируют, то обыденное восприятие смерти, отношение к смерти близких кажется более неизменным на протяжении многих веков; памятники литературы и искусства дают тому свидетельства. В.П.Горан в своем исследовании анализирует личностное самосознание героев Древних эпосов Месопотамии, Египта и Греции перед лицом смерти, и мы вполне можем сопереживать тем древним героям и сегодня.

Считается, что подлинное философское исследование проблемы смерти было начато в связи с изменением ракурса рассмотрения человеческого бытия экзистенциалистами. В классической философии если эта тема и затрагивалась, то в контексте идеалистической проблематики бессмертия души, страдания и искупления, греха и смирения. "Обычные философские этики не имеют завершительной эсхатологической части. И если они и трактуют о проблеме бессмертия, то без углубления проблемы самой смерти и преимущественно в связи с нравственной ответственностью человека..., в лучшем случае с потребностью

завершения бесконечных стремлений человеческой личности. Идея бессмертия обосновывалась при помощи натуралистической метафизики, признания души субстанцией. Тут не было никакого прикосновения к глубочайшей проблеме смерти... Проблема смерти есть не только проблема метафизики, она также есть проблема более углубленной, онтологической этики."(Н.Бердяев)

Предшественник экзистенциализма Серен Кьеркегор воспринял от Лютера идею о том, что жизнь формируется не ее началом, но ее концом, т. е. смертью, и развил ее. Затем Мартин Хайдеггер вывел смерть из теологического и натуралистического плана рассмотрения, задал ей онтологический статус. Отказываясь от субстанционального бытия, Хайдеггер предлагает рассматривать бытие человека в качестве его возможности, т.е. того чем он может стать. Для того, чтобы представить бытие человека в его цельности и завершенности, к бытию в возможности добавляется его конечность, смерть, которая выражает законченную возможность человеческого бытия. Смерть - это самая сокровенная возможность, не относящаяся к кому-либо другому: нельзя умереть вместо другого, смерть - всегда моя смерть. Таким образом, именно сознанием смертности, по Хайдеггеру, определяется субъективность, индивидуализация. Смерть есть то, что делает человеческое бытие "собственным" или "подлинным". Неподлинное бытие к смерти - повседневное существование человека, где смерть - обыденное событие. Стремясь забыть о смерти, не размышлять о ней, забалтывая страх смерти, человек имеет боязнь, что есть слабость недостойная, равнодушие, отчуждение от смерти. В подлинном бытии к смерти человек вырывается из потерянности в обыденности, обособляется от других и освобождает себя для собственной смерти, а осознав до конца тот факт, что он не знает своей смерти, человек опускается в бездны страха. Этот ужас человек испытывает от ощущения собственной принадлежности не только поверхности, но и глубине, не только времени, но и вечности.

В культуре смерть воспринимается как неизживаемая загадочность, как ускользающая сверхразумность. Смерть определяет бытие культуры тем, что вынуждает последнюю вечно ее дешифровать (впрочем, без надежды на окончательный успех), лишая смерть ее трансцендентного статуса, не будучи, однако, в силах это осуществить. Культура стремится "одомашнить" Смерть, т.е. трансформировать ее из трансцендентного объекта в объект трансцендентальный, целиком описываемый средствами данного культурного языка. В то же время в рамках самой культуры осознается факт несводимости такой природной реальности, как смерть ко всякой культурной форме, к любому накладываемому на нее смысловому контуру.

Особое отношение к смерти имеют мистики. Как и большинство философов, они считают смерть важнейшим моментом человеческой жизни, но, в отличие от ученых, мистикам Древнего Востока был доступен иной мир (Египетская и Тибетская книги мертвых). При этом феномен смерти не сводится к одному моменту, а имеет продолжительность, этапы. По сути, цель любого мистического учения - подготовка сознания человека к переходу от жизни к смерти, от бытия к небытию. Современные исследования человеческой психики (в частности, С.Гроф) показывают, что это не досужие выдумки.

Еще Карл Густав Юнг, уделявший много времени изучению мифологий и различных мистических течений, сделал попытки внести элементы восточного мировоззрения в круг рассматриваемых европейской наукой проблем. В последние годы жизни он обсуждал, в частности, вопрос о том, какая часть психики продолжает существовать после физической смерти. Факты из прошлого и наблюдения за психикой современных ему людей позволили Юнгу считать возможным новое рождение после путешествия в области Бардо. "В западном мире только католическая церковь оказывает хоть какую-то помощь душам умерших, в целом, на Западе нет ничего, что можно было бы сравнить с "Книгой мертвых". Предание относит "Книгу мертвых" к числу сокровенных книг, в которых описан специфический способ магического "исцеления души" после смерти. С рациональной точки зрения культ мертвых основан на вере во вневременное существование души, но его иррациональную основу следует искать в психологической потребности живых что-нибудь сделать для умерших. Эта потребность проявляется даже у "просвещенных" людей, переживших смерть близких или друзей, благодаря чему - независимо от степени нашей "просвещенности" - на Западе сохранились обряды, связанные с мертвыми. Но, не считая католических заупокойных месс, эти обряды проводятся на очень низком уровне - и не потому, что мы не способны убедить себя в бессмертии души, а потому, что крайне рационализировали указанную психологическую потребность. Мы ведем себя так, словно смерти вообще нет и, независимо от своей веры в загробную жизнь, ничего для умерших не делаем. Уровень католических заупокойных месс достаточно высок, ибо они направлены на психическое благополучие умерших, а не на слезливую сентиментальность живых, но и они не сравнимы с высочайшим духовным напряжением, запечатленным в "Книге мертвых". Ее наставления столь подробны и столь приспособлены к малейшим изменениям в состоянии умершего, что каждый серьезный читатель вправе задать себе вопрос: "А что если мудрые ламы и в самом деле заглянули за пределы трех измерений и сорвали завесу с величайшей из тайн?"

Мудрый Восток предостерегает также и от ложного мнения, что будучи духовным, можно победить смерть. Ошо замечает, что смерть можно победить только, если побеждена и жизнь тоже. Они две стороны одной монеты, у вас не может быть монеты только с одной стороной. Все, что мы знаем, это наша земная жизнь... Мы не знаем совершенно ничего о том, что находится за пределами жизни-и-смерти. Откуда появляется жизнь, оттуда же появится и смерть. Точнее сказать, жизнь и смерть идут бок-о-бок. Они два крыла или две ноги - они идут рядом.

Нет ни абсолютной жизни, ни абсолютной смерти, - а люди в неведении говорят о них (Инь-цзы). Небытие - это голова, жизнь - позвоночник, а смерть - крестец; жизнь и смерть, существование и погибель - одно единое тело (Чжуан-цзы). Для современной науки это остается пока красивым загадочным образом.

Использованная литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Вашестов А.Г. Ариес. // Современная западная философия: Словарь - М., 1991.
3. Горан В.П. Идея судьбы и зарождение личностного самосознания в древних культурах Месопотамии, Египта и Греции. // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
4. Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии. // Одиссей: человек в истории. М., 1989, с. 115.
5. Ошо Язык существования. М., 1996.
6. Смерть как феномен культуры, Сыктывкар, 1994.
7. Фрейд З. Мы и смерть. По ту сторону принципа наслаждений. СПб. 1994.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
9. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - Просвещение. М., 1991.
10. Юнг К.-Г. Психологический комментарий к "Тибетской книге мертвых". // Тибетская книга мертвых, СПб, 1992.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С БЕЗРАБОТНЫМИ.

Непомилуева Елена, ЯрГУ

Проблема массовой безработицы стала актуальна для России сравнительно недавно – несколько лет назад. Ее решение отчасти возложено на местные центры занятости населения. Центр занятости не в состоянии изменить условия рынка труда; задача работника службы занятости – разобраться в проблеме клиента и предложить приемлемые варианты трудоустройства или переобучения. В обязанности консультанта также входит воздействие на клиентов с целью повышения их мотивации к труду. Профессионализм специалиста тем выше, чем больше клиентов ему удалось трудоустроить.

При взаимодействии с клиентами работнику службы занятости приходится сталкиваться со многими проблемами психологического характера: в основном эти проблемы связаны с неадекватным, как кажется сотруднику, поведением клиента. Обычно возникают следующие группы проблем:

- трудности в установлении контакта с клиентом;
- группа проблем, связанных с эмоциональным состоянием клиента (агрессия или истерика);
- конфронтация между сотрудником и клиентом, их негативное и пренебрежительное отношение друг к другу;
- отсутствие необходимой информации о клиенте;
- угрозы сотруднику центра занятости со стороны клиента, требования немедленно выплатить пособие;
- низкая активность клиента в самостоятельном поиске работы;
- нежелание воспринимать информацию и доводы консультанта;
- низкая мотивация к труду или полное нежелание работать;
- несоответствие ожиданий клиента реальной ситуации на местном рынке труда;
- упорные, недостаточно мотивированные отказы от всех предлагаемых сотрудником вариантов трудоустройства или переобучения;

Большинство проблем разрешимо при профессиональном подходе к делу сотрудником службы занятости. В том, что проблема часто перерастает в конфликт почти всегда виноват сам консультант, главным фактором возникновения межличностного конфликта является его непрофессионализм, неопытность, неправильные установки по отношению к клиенту и некорректное поведение. Сотрудник не должен доводить ситуацию до конфликта. Бесконфликтное взаимодействие с клиентом является эталоном делового общения. Оптимизировать общение с клиентом можно только путем изменений в поведении сотрудника, т.к. клиент, пришедший на прием в центр занятости в своих действиях практически ничем не регламентирован, кроме личных культурных

и нравственных норм. Эффективность общения с клиентом напрямую зависит от психологической компетентности сотрудника, которая в данном случае предполагает знание некоторых общих психологических особенностей клиентов людей различного пола, возраста и уровня образования, внутреннего состояния клиента, умение эффективно применять методики взаимодействия с безработными, а также способность длительное время сохранять устойчивое душевное равновесие и высокая стрессоустойчивость. Важно почаще задавать себе вопрос: почему клиент ведет себя именно так?

Высокий уровень безработицы в России отчасти обусловлен некоторыми психологическими установками русских людей, их низкой мотивацией к труду. Многие оказались психологически не готовы к изменению ситуации в стране, к тому, что государство сняло с себя обязанность трудоустройства каждого гражданина. Люди привыкли, что их обязательно ожидает работа с пусть невысоким, но стабильным заработком. Оказавшись в положении безработного многие даже не пытаются и не хотят искать работу. Они обиженно сидят у разбитого корыта и ждут, когда государство, наконец, вспомнит о своих прежних обязанностях и устроит их на высокооплачиваемую работу по специальности. Характерная для многих русских людей низкая мотивация к труду объясняется и длительным господством уравнилельной системы выплаты заработной платы.

Хамство и агрессивность по отношению к сотруднику – свидетельство не только низкого культурного уровня клиента. Чаще всего это признак фрустрированного состояния, бессилия перед сложившейся ситуацией. Авторы всех методик общения с безработными советуют не принимать близко к сердцу и не относить исключительно на свой счет грубости клиента, ни в коем случае не стремиться ответить ему тем же. На прием приходят люди с разным уровнем образовательного и культурного ценза, разными психологическими особенностями. Они не обязаны придерживаться какого-либо стандарта в своем поведении. Профессиональное мастерство работника службы занятости заключается в умении устанавливать контакт и решать проблемы любого клиента.

При установлении и поддержании контакта с клиентом необходимо учитывать его эмоциональное состояние в данный момент, психологические особенности, тип темперамента и модальность восприятия.

Причины, по которым люди упорно отказываются от всех предлагаемых им вариантов трудоустройства или переобучения, разнообразны. Чаще всего неоднократные отказы связаны с недопониманием ситуации на местном рынке труда, или с нежеланием работать, т. е. с низкой мо-

тивацией к труду. Воздействие на клиента с целью повышения его мотивации к труду – одна из самых сложных задач консультанта.

Желания и интересы людей не возникают сами по себе, человеку необходима подробная информация о предмете желания. Рассказывая клиенту о предлагаемой работе, консультант должен описать ее с самой привлекательной для собеседника стороны. Работнику центра занятости рекомендуется до начала переговоров с клиентом тщательно продумать свои доводы в пользу того или иного варианта трудоустройства, возможные контраргументы клиента и свои дальнейшие аргументы в пользу выбора той или иной работы. Консультант должен владеть также стратегией снятия возражений.

Зачастую причина конфронтации между сотрудником и клиентом коренится в психологических установках собеседников. Клиент, например, считает, что его обязаны трудоустроить. Для работника центра занятости абсолютно неприемлемы такие установки, как: «я не должна подстраиваться под своего клиента, ведь это он ко мне пришел», «если бестолковый клиент не воспринял информацию, это его проблемы», «клиент всегда должен делать то, на что я ему указала, он не имеет права на собственную точку зрения», «в конфликтах всегда виноват клиент». Некоторые сотрудники службы занятости подсознательно относятся к своим клиентам как к людям второго сорта, считая, что им дано право командовать ими.

Исследования показали, что у многих работников службы занятости полностью отсутствует шкала оценки своих действий с точки зрения их правильности и корректности по отношению к клиенту. Должностные инструкции явно не вмещают в себя разнообразие возникающих в практической деятельности ситуаций.

Важный элемент профессиональной этики сотрудника службы занятости заключается в том, что каким бы неприятным и даже отвратительным не казался консультанту клиент, он не имеет права демонстрировать свои отрицательные эмоции по отношению к нему.

В основе всех методик взаимодействия с безработными - лояльность к клиенту, искреннее желание помочь, а не поучать, стремление как можно лучше разобраться в жизненной ситуации клиента, проникнуться его проблемой.

Целесообразно разбить все собеседование на четыре этапа: введение к собеседованию, сбор информации о проблеме клиента, воздействие на собеседника и выработка плана совместных действий. Для того, чтобы ориентироваться в проблеме клиента достаточно хорошо, нужно прежде всего уметь слушать и правильно задавать вопросы, неназойливо осведомляясь об интересующих фактах из жизни клиента, так, чтобы

у него не возникло впечатления, что посягают на его личную жизнь. Разговаривая с клиентом, нельзя ограничиваться задаванием вопросов только одного типа. Рекомендуется также реже применять вопросы закрытого типа.

Общение, взаимодействие с клиентами является основной составляющей деятельности работника службы занятости. Это общение носит вынужденный характер и требует от консультанта значительных эмоциональных и интеллектуальных затрат. Взаимодействуя с клиентом, социальный работник применяет манипулятивный и диалогический типы общения. Использование императива признается неэффективным.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ НА РЕАКТИВНУЮ ТРЕВОЖНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Смирнова Юлия, ЯрГУ

В данной статье представлены результаты эксперимента, который является продолжением проводимого нами исследования по выявлению влияния тренинга по ИИПТ на уровень реактивной тревожности его участников.

Эксперимент был проведен в ходе выездного профессионального восьмидневного тренинга по ИИПТ “Инсайт”, проводившегося с 6 по 13 ноября 1997 года на базе пансионата “Ярославль”, автор и ведущий тренинга - В. Козлов.

Основные задачи исследования.

Проследить групповую динамику и некоторые аспекты индивидуальной динамики изменения реактивной тревожности в течение эксперимента.

Характеристика выборки.

В эксперименте участвовало 17 человек: 14 женщин и 3 мужчин. Возраст от 18 до 42 лет. Средний возраст 22 года. Уровень образова-

ния: высшее - 9 человек, неполное высшее - 5 человек, среднее - 3 человека.

Используемые методы.

Все участники эксперимента были протестированы с помощью четырех тестов - "Шкалы самооценки" Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, шкалы субдепрессии (измерение степени выраженности сниженного настроения), основанного на опроснике Зунга и адаптированного в НИИ им. Бехтерева Т.И. Балашовой, теста М. Люшера и проективной методики исследования личности "HAND-тест".

Обработка результатов.

Оценка тесноты связи между уровнями реактивной тревожности измеряемыми до и после процессов, между уровнями субдепрессии проводилась с помощью коэффициента Стьюдента, подтверждающим значимость различий средних арифметических измерений. Расчеты проводились средствами ЭВМ (программа "Стадия"). Для уточнения полученных данных были использованы данные тестов Люшера и "HAND-теста", обработка которых производилась вручную.

Процедура проведения эксперимента.

Эксперимент проводился на протяжении шести дней тренинга. Замеры по шкале субдепрессии проводились в 2-й и 8-й дни тренинга - до начала и в конце тренинга соответственно. Параллельно участники тренинга были протестированы с помощью проективного "HAND-теста" По тесту Ханина- Спилберга было проведено 6 замеров - во 2, 4, 6-й дни тренинга. Замеры проводились дважды в день, до и после процесса психотерапии, за 30 минут до ее начала и в течении 30-40 минут после ее проведения. Замеры проводились во второй половине дня (с 16 до 20 часов). Результаты замеров дали возможность отразить изменения в динамике измеряемой реактивной тревожности. По тесту Люшера замеры проводились в ходе 2, 3, 4, 7-го дней тренинга за 10-15 минут до начала и 20-30 минут после окончания процесса.

Полученные результаты и их интерпретация.

Результаты сравнения уровня субдепрессии до и после процесса терапии в целом по группе.

Сравнение результатов за 7.11 и 12.11: количество человек - 13, $M_1=34,9$, $M_2=31,5$, t Стьюдента=1,08; значимость=0,289; ст. свободы=1,24; нулевая гипотеза подтвердилась.

Результаты сравнения РТ до и после процесса терапии в целом по группе.

Данные эксперимента за 7.11: количество человек - 12, $M_1=24,5$ $M_2=26,6$, t Стьюдента=1.3, значимость=0,24, ст. свободы=1.3; нулевая гипотеза.

Данные эксперимента за 9.11: количество человек -10, $M_1=22,7, M_2=29,0$, t Стьюдента =1.26, значимость=0,221, ст. свободы=1,18, нулевая гипотеза.

Данные эксперимента за 11.11: количество человек - 10 , $M_1=22,6, M_2=16,9$, t Стьюдента = 2,29, значимость= 3,27E-2, ст. свободы=1,18, конкурирующая гипотеза.

В ходе эксперимента наблюдается повышение уровня реактивной тревожности участников тренинга на протяжении первых двух его замеров, сделанных в начале и середине тренинга и ее снижения к концу тренинга, что подтверждает результаты ранее проведенных экспериментов. Результаты тестирования по шкале субдепрессии подтверждают тот факт, что испытуемые в целом находились в состоянии низкого уровня тревожности и не имели ярко выраженных депрессивных тенденций. Таким образом, вполне логичным будет вывод об успешности психотерапевтического влияния тренинга в целом на групповой уровень тревожности , особенно последних его дней.

Тест Люшера и “Hand - тест” помогли выявить и интерпретировать яркие случаи значительного снижения уровня реактивной тревожности у некоторых у участников тренинга.

Пример 1.

Н.,22 года.

Результаты по тесту Спилбергера -Ханина. 7.11 - 1замер :38, 2 замер:40. 9.11- 1замер:7, 2замер:36. 11.11- 1замер: 44, 2 замер:7.

Результаты по шкале субдепрессии. 1 замер :53, 2 замер:38.

Результаты замеров по тесту Люшера в динамике:1 замер : 26347015, 2 замер: 67320415, 3 замер: 26347015, 4 замер: 26730415.

В 1-м и во 2-м замерах ярко прослеживаются показатели тревоги (основные цвета на 6,7,8-й позициях и компенсация осуществляется за счет дополнительных цветов). Тревога значительно снижается к 3-му замеру и вновь возрастает в 4-м замере. В 1-м замере проявлены такие подавленные и несущие тревогу тенденции и актуальные проблемы как потребность в поддержке и одобрении, спокойной обстановке, что позволило бы расширить сферу контактов и надеяться на лучшее в будущем (=3=4). Проявляется беспокойная неудовлетворенность, раздражительность и нетерпеливость, вызывающие трудности концентрации внимания (-5-1). В целом, наблюдается стремление к избеганию конфликтов и восстановлению душевных сил. (+6-1) Эмоциональная напряженность сопряжена с физиологическим дискомфортом потребностью в покое. В целом, ситуация, в которой оказалась испытуемая воспринимается ею как трудно разрешимая. Горечь разочарования, неудовлетворенность собой, избыточная самокритичность. Испытуемая

выражает пассивный протест против сложившихся обстоятельств. (+6,+7) Но несмотря на сложность ситуации, предпринимаются попытки достижения целей, действия продуманы, планомерны и осторожны. (x2x3) Во втором замере при сохраняющейся эмоциональной и физиологической напряженности наблюдается появление активности в преодолении трудностей, появляется стремление к лидирующей позиции и доминантности отношений с окружающими (x3x2). Во избежании конфликтов проявляется тенденция к сдерживанию непосредственных реакций и ярких эмоциональных всплесков (=0=4). Продолжает проявляться стремление избавиться от гнетущего состояния, в чем видна нетерпеливость. Заявленная потребность в понимании и доброжелательных отношениях не удовлетворена. Напряженность вызывает чувство раздражения, ощущение непонятности значимыми окружающими (-1-5). Группа (+6-5) свидетельствует о повышенной ранимости в данной ситуации при повышенной требовательности к социальному окружению, что сохраняется на протяжении всех 4-х замеров. На протяжении 3-го и 4-го замеров (+2+6) выступает пассивно-оборонительная позиция. Упорство в отстаивании своих целей становится неустойчивым, наталкивается на трудности, что вызывает повышенную раздражительность, тревожную неуверенность, усталость, ухудшение самочувствия. Испытуемая выбирает рассудочный, пассивно-созерцательный подход, используемый для укрепления своих позиций и самоутверждения (+2-5). В 4-м замере появляются стенические реакции, состояние возбуждения, подъема и бодрости (x7x3), но во избежании конфликтов проявляется тенденция к сдерживанию непосредственных реакций и ярких эмоциональных всплесков, позволительных, как считает испытуемая, лишь для контактов в узком кругу (=0=4).

Результаты интерпретации теста Люшера могут быть дополнены результатами Hand-теста. Ниже представлены некоторые результаты тестирования испытуемой, проведенного в начале и конце тренинга.

Оцениваемое состояние До занятий После занятий

Аффектация	9%	20%
Директивность	9%	0
Тревожность	9%	0
Активность	16%	40%

Данные свидетельствуют о возрастании способности к активной социальной жизни, возрастании желания сотрудничать с людьми, возрастании способности к эмпатии, уменьшения агрессивных тенденций, уменьшения нежелания приспособляться к социальному окружению, снижении тревожности, нервно-психического напряжения.

Использованная литература.

1. Курбатова Т.Н., Муляр О.И. "Проективная методика исследования личности "HAND-тест". Санкт-Петербург, 1995г.

2. Руководство по использованию восьмицветного теста Люшера. Составитель О.Дубровская. Серия "Библиотека практического психолога", выпуск 1.М:"Фолиум", 1995, 64 с.

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ И РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Черничкина Вера, ЯрГУ

Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (от 24.11.95, № 181-ФЗ) определил государственную политику в отношении инвалидов, и одним из важнейших направлений ее является комплексная реабилитация инвалидов. Правительство Ярославской области 21.07.97 утвердило Положение об Индивидуальной программе реабилитации инвалида. Она включает перечень реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление способностей инвалида к бытовой, общественной, профессиональной деятельности в соответствии со структурой его потребностей, кругом интересов, уровнем притязаний, с учетом прогнозируемого уровня его соматического состояния, психофизиологической выносливости, социального статуса и реальных возможностей социально-средовой инфраструктуры(1). Формирование Индивидуальной программы реабилитации

инвалида возложено на Государственную службу медико-социальной экспертизы (МСЭ).

Ярославская область первая в Российской Федерации организовала на должном уровне Учреждение государственной службы медико-социальной экспертизы. Главное достижение - введение в штат каждого бюро медико-социальной экспертизы двух новых должностей - психолога и специалиста по социальной работе, что не могут себе позволить другие области Российской Федерации (например, на всю Ивановскую область предусмотрены 3 подобные должности). Такой передовой опыт создает очень хорошую базу для реальной помощи инвалидам: совместное, интегративное участие врачей, психолога и специалиста по социальной работе в судьбе больного человека отвечает современным гуманистическим концепциям помощи и ставит ее на качественно новую основу. Осознание необходимости тесного взаимодействия психологии и медицины имеет старые корни. Давно известны холистические представления о человеке как органической целостности телесных и психических свойств, обуславливающих их взаимовлияние. Каковы же функции психолога в службе медико-социальной экспертизы?

Исходя из должностной инструкции, утвержденной руководителем Учреждения государственной службы МСЭ от 26.12.97, психолог является экспертом-диагностом. Среди его обязанностей:

- 1) проведение психологического диагностического исследования состояния высших психических функций и мотивационной сферы инвалидов и освидетельствуемых;
- 2) оценка структуры дефекта и выявление возможностей для реабилитации;
- 3) определение психологического реабилитационного потенциала;
- 4) формулировка психологического экспертного заключения;
- 5) оценка совместно с врачом результатов психодиагностического исследования и др.

В арсенале психолога-эксперта-диагноста должно быть около 30 методик. Практика показывает, что наиболее часто применяются следующие:

1. Запоминание слов
2. Опосредованное запоминание
3. Таблицы Шульце
4. Тест Бурдона (корректирующая проба)
5. Исключение предметов
6. Исключение лишнего
7. Простые аналогии
8. Дом, Дерево, Человек

9. Тест Розенцвейга

10. Незаконченные предложения.

В ближайшее время психолог каждого бюро МСЭ получит Тест Люшера и Куб Линка, применение которых было задержано финансовыми трудностями Учреждения.

Хотелось бы остановиться на одной из проблем психодиагностики, которая имеет важное значение именно при экспертизе. Постановка большинства практических задач предполагает «на выходе» не просто описательную характеристику особенностей обследуемого инвалида «здесь и теперь», но и прогноз его поведения, прогноз развития компенсаторных функций в различных ситуациях, желательно на длительный срок. А проблема низкой прогностической способности психодиагностических инструментов является камнем преткновения для пользователей. Часто «перед нами лишь феноменологическое описание диагностируемого свойства, может быть достаточное для узнавания его «облика», но совершенно недостаточное для подлинного понимания его природы. И далеко не случайно, что в многочисленных методических разработках по психодиагностике, как правило, отсутствует раздел практических рекомендаций для педагогической или вообще компенсаторной коррекции»(2, с.19). Выводы психодиагностических обследований часто имеют скорее констатирующий, описательный характер, но бедны рекомендациями и прогнозами, которые так необходимы при экспертизе. Основное внимание уделяется анализу поведения, результатов, полученных в *момент испытаний*, и очень слабо используется информация о прошлом опыте инвалида: биографический метод, анализ документов, медицинский анамнез, анализ продуктов деятельности обследуемого. Это увлечение только наличным состоянием инвалида не случайно: оно связано с неспособностью психологов использовать полученную информацию, с трудностями ее формализации, интерпретации и сравнительного анализа. Причины слабой прогностичности психодиагностики - не столько в недостатках диагностических инструментов, сколько в проблемах, связанных с процедурами интерпретации полученных результатов. На этом этапе проявляется значение квалификации диагноста. Здесь важна как психологическая компетентность, так и глубина теоретического анализа результатов - это главные составляющие экспертного знания. Теоретическая база - данные многих отраслей психологии: дифференциальной, общей, инженерной, возрастной, социальной, сравнительной, медицинской, нейропсихологии, - может существенно дополнить интерпретацию и спрогнозировать определенные поведенческие особенности, акты, стратегии и даже события.

Построение мощной базы знаний психодиагноста-эксперта при грамотной их систематизации не является чем-то недостижимым, хотя и достаточно трудоемко. Оно предполагает систематизацию и накопление знаний не только относительно типологии людей, включая инвалидов, дифференциальных особенностей различного уровня (свойства нервной системы, психодинамические, коммуникативные, ценностные характеристики, когнитивный стиль, личностные стратегии и т.п.), но и знаний относительно динамики изменения этих особенностей в зависимости от возраста (возрастная психология), здоровья (медицинская психология), задач и условий существования индивида (социальная и инженерная психология). Знания представляются в виде фактов (т.е. классов объектов и взаимосвязей между ними), процедур и правил манипулирования фактами, а также в виде информации о том, когда и как следует применять правила и процедуры(3, с.120).

Такая система построения экспертного знания психолога диагноста вполне пригодна для медико-социальной экспертизы. К тому же ситуация облегчается присутствием специалиста по социальной работе. Интеграция теоретических и практических достижений психологии в деятельности психолога-эксперта позволяет формулировать углубленную интерпретацию результатов исследования, а значит, прогнозировать поведение, и, следовательно, разрабатывать мероприятия коррекции и реабилитации. Правильная и глубокая диагностика в медико-социальной экспертизе - залог успешных и эффективных мер социально-психологической реабилитации инвалидов.

Литература.

1. Положение об Индивидуальной программе реабилитации инвалида. Утверждено постановлением Правительства Ярославской области от 21.07.97.
2. Слободчиков В.И. Вопросы теории и диагностики психического развития.//Вопросы психологии.-1982.-№1.-с.19-28.
3. Трофимова И.Н. Прогнозирование поведения человека как задача экспертной психодиагностической системы.//Вопросы психологии.-1994.-№3.-с.115-121.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ИМИДЖ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Щербаков Александр , ЯРГУ

Новые условия функционирования российского общества, всех его важнейших институтов, таких как правительство, законодательная и исполнительная властные структуры, политические партии и объединения, силовые структуры; повышающаяся социальная активность и вовлеченность в политические процессы населения; нестабильные экономические условия; крайняя размытость и прозрачность границ формирующихся социальных классов требуют от властных структур проведения максимально корректной, осторожной и взвешенной информационной политики во избежание возникновения общественного недовольства и раздражения, формирования информационного вакуума и психологического диссонанса у граждан. В осуществлении такой политики немалая роль отводится профессионалам, специализирующимся на анализе содержания и динамики общественного мнения, на отслеживании личностных и социально-психологических аспектов в принятии решений, на формировании образа власти и имиджа конкретного лидера, что является важнейшей задачей и необходимым условием успешной работы политических и государственных институтов. Такими экспертами в данном случае выступают социальные психологи и социологи, решающие проблемы, входящие в компетенцию этих наук.

Исследования политических явлений с психологической точки зрения насчитывают несколько десятилетий и имеют прочные традиции в западной психологии. За эти годы сформировалась самостоятельная наука «политическая психология», берущая свое начало из социальной психологии и политологии. Однако отечественные исследования в русле политической психологии находятся еще в зачаточном состоянии несмотря на очевидную их актуальность и востребованность.

Как уже отмечалось выше, контакт с массами в осуществлении политических преобразований и реформ, в принятии решений (особенно непопулярных), в сфере пропаганды и воздействия имеет первостепенную важность. Такой контакт может осуществляться двумя путями : непосредственно и опосредованно. Непосредственный контакт подразумевает личные встречи лидера с общественностью, гражданами. Опосредованность другого способа контакта заключается в использовании специальных технических средств, дающих возможность оперативного и

единовременного коммуникативного взаимодействия с огромным количеством респондентов. Речь идет о массовой коммуникации (далее МК), осуществляемой по определенным каналам, самыми распространенными из которых являются телевидение, радио и печать. В специальной литературе авторы предлагают разные варианты названий этого феномена: «массовая коммуникация» [1], «массовые информационные процессы» [5], «социальная коммуникация» [4], а также используется традиционное - «массовая информация». Мы будем оперировать термином «массовая коммуникация», в силу того, что данное понятие подразумевает не только однонаправленную передачу информации, а прежде всего обмен ею, «общение больших социальных групп» [1]. Средства массовой коммуникации (СМК) в политике не только играют роль информатора, но и выполняют ряд важнейших социально-психологических функций. Такие функции, выделяемые Н. Н. Богомоловой для МК вообще, мы попытаемся рассмотреть применительно к политической сфере:

1) Функция социальной ориентировки и формирования общественного мнения. Учитывая то, что происходит стремительное перераспределение удельного веса информации о мире в пользу СМК, сведения, получаемые по каналам МК удовлетворяя потребность в данных для ориентировки в мире политических и социальных явлений усложняют, обогащают опыт индивида и активизируют его собственную позицию, что и является условием формирования общественного мнения.

2) Функция социальной идентификации проявляется в удовлетворении потребности личности осознания своей причастности к определенной части общества (профессиональной, возрастной и т. д.), что дает ему чувство собственной значимости, уверенности в себе и психологической защищенности. В процессе такой идентификации субъект определяет политические интересы и предпочтения своей социальной общности и это оказывает огромное влияние на процесс выработки собственной позиции.

3) Особенно ярко проявляется при анализе политических выборных кампаний функция контакта с другим человеком, когда реципиент может устанавливать субъективную связь с коммуникатором (в данном случае претендентом), сопоставлять свои мнения с его мнением. В результате определяется собственное к нему отношение, формируется законченный, целостный образ политика и на его основе делается выбор.

Все вышеозначенные функции в той или иной мере играют роль при формировании имиджа политика в СМК. Как отмечается в социально-политической литературе [3], поддержка индивидом тех или иных политических взглядов, убеждений и реальных политиков происходит с

одной стороны, на основе фундаментальных образований, таких как социальная стратификация, приверженность определенных идеалов (демократических, коммунистических и т. п.), а с другой стороны, в меньшей степени, на основе манипуляций его психикой в предвыборный период, имеющими целью создание определенного образа политической партии в целом или конкретного лидера, причем в последнем случае очень часто решающую роль играют не столько политические взгляды, сколько грамотно преподнесенная личная привлекательность претендента.

Естественным образом здесь встает вопрос о выделении характеристик воздействующего на аудиторию человека, которые являлись бы факторами положительно влияющими на его восприятие. Такие характеристики обозначены в результатах исследований, посвященных СМК. В частности, Н. Н. Богомолова [1], выделяя в своей монографии элементы образа коммуникатора, приводит данные экспериментов по определению характеристик восприятия реципиентами дикторов. Отмечается существование двух категорий, включающих в себя ролевые и индивидуальные характеристики. Под ролевыми понимаются объективные социально-демографические показатели, такие как пол, статус, профессия, возраст. Индивидуальные характеристики - особенности внешности, поведения, мимики, пантомимики, голоса, а также личностные черты. Однако, на наш взгляд, во-первых, они нуждаются в дополнительной корректировке, а во-вторых, что особенно важно, понимание политического лидера воздействующего через СМК только как носителя информации неверно в силу того что политик не является простым диктором, а олицетворяет некоторые социальные институты и, к тому же, система оценок политического лидера реципиентами гораздо сложнее и непредсказуемее. Более того, деятельность всей системы МК именно как инструмента политического воздействия подразумевает подключение множества дополнительных механизмов восприятия, оценки, принятия и осознания информации, формирования готовности к действию у реципиента как *личности*, включенной в систему общественных отношений.

Таким образом, перед современной отечественной социально-политической психологией стоит множество интереснейших, актуальных и серьезных задач, требующих, однако, тщательности, обоснованности и адекватности в определении подходов к означенным проблемам, в подборе и утверждении методологической основы, а также учета специфики российского менталитета, факторов национальной психологии. Под обоснованностью и тщательностью в выборе подходов понимается во-первых, четкое видение психологом целей и задач своей работы в

области политической рекламы, поскольку дело это новое и незнакомое не только для психолога, но и для социолога, режиссера телевидения, рекламиста и других специалистов, принимающих участие в разработке имиджа политика; во-вторых, - способность отдавать себе отчет в своих возможностях и ясно осознавать границы своей компетентности. Что же касается методологии работы, необходимо заметить, что в сфере политической психологии - при анализе СМК, при оценке эффективности и специфики воздействия рекламы, а также при решении ряда других задач, с успехом могут использоваться как традиционные психологические методы, так и современные, с успехом применяемые на западе, но у нас до недавнего времени неиспользовавшиеся у нас. Эффективность использования того или иного метода зависит от поставленной цели, а также от типа представляемой в результате информации и ее соответствия задачам. Отметим здесь лишь некоторые из этих методов. В частности, оправдывает себя использование при отслеживании динамики образа политика, изучения социальных установок контент-анализ, который позволяет рассмотреть и собственные речи и выступления лидера, и публикации прессы, и документы обратной связи (например, письма респондентов в редакции газет, журналов, телевидения, радио). Контент-анализ чаще используется в совокупности с другими методами - с опросом, методом экспертной оценки, наблюдением. Весьма популярен и такой распространенный в социологии и психологии метод как опрос. Этот метод универсален, дешев и позволяет получить за короткое время большой объем данных. Главный недостаток его известен: это невозможность получения информации о неосознаваемых испытуемым феноменах отношения к объекту исследования.

Отметим также и так называемые качественные методы, все активнее используемые в нашей стране. Качественные методы отличаются от опирающихся на статистические процедуры количественных тем, что носят нестандартизированный характер и направлены на раскрытие полной феноменологической картины изучаемого явления. Это позволяет вскрыть процессуальные характеристики, мотивационную составляющую различных объектов. К качественным методам относятся, например, глубинные интервью, расширенные креативные группы, фокус-группы, мозговой штурм и другие. Однако они уязвимы с точки зрения субъективности участников по сравнению с количественными методами и это является главным их недостатком.

Третьим требованием к работе психолога в сфере политики мы назвали важность учета специфики российской психологии. Необходимость собственных отечественных исследований в области политической психологии диктуется с одной стороны, национальным

своеобразием культурных, ценностных систем и мотивационной сферы, а, с другой стороны, совершенно особой современной экономической, правовой и политической ситуацией в России, также требующей своего учета.

Цели же и задачи собственных исследований мы видим, в частности, в попытке анализа, операционализации и психологической рефлексии понятия «имидж», экспериментального выделения характеристик восприятия реципиентами политика в средствах массовой коммуникации, а также определения факторов оптимальности ситуации политического воздействия и ее составляющих на массы.

Функция психолога не сводится к тому, чтобы «... «сделать» из данного политика человека, который понравится избирателям» [2 ,с147], однако определение стратегии формирования образа, его содержания, анализ обратной связи, поиск путей воздействия на установки и настроения граждан ему вполне по силам. Важнейшим условием успешного осуществления этого является наличие большого массива наблюдений, экспериментальных результатов, научных знаний, которые можно было бы с успехом экстраполировать в сферу практической деятельности психолога в политике.

Литература

1. Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. - М.: Изд-во МГУ, 1991.
2. Гозман Л. Я. Психология в политике - от объяснений к воздействию // Введение в практическую социальную психологию . М.: «Смысл», 1996.
3. Дилигенский Г. Г. Социально - политическая психология: учебное пособие для ВУЗов. - М.: Наука, 1994.
4. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. - СПб.:СПбГУП , 1996.
5. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. - М.: Мысль, 1973.

НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЯРОСЛАВЛЕ.

Яшков Александр, ЯРГУ

Эта небольшая статья посвящена новой для Российских условий форме работы с наркопотребителями, которая в настоящее время получила свое развитие в городе Ярославле.

Что привело к необходимости создания подобного проекта? Ни для кого не является секретом, что распространение наркотиков и, как следствие этого, наркоманий, среди активной части населения России приняло в данный момент лавинообразный характер. По данным МВД России около 2 миллионов человек регулярно употребляют наркотические средства, около 15 процентов 150-ти миллионного населения страны имели контакт с наркотиками. За последнее десятилетие число наркопотребителей возросло в 2 раза. Следует отметить, что эта статистика отражает лишь официально зарегистрированные случаи, тогда как реальные цифры могут быть на порядок выше.

Еще одна сторона данной проблемы, привлекающая все большее внимание к ней, - это динамика ВИЧ - инфицирования в процессе совместного употребления инъекционных наркотиков посредством нестерильных инструментов. На 23/09/1997 в России зарегистрировано 5760 случаев ВИЧ-инфекции, из них, по официальным данным, 465 произошли вследствие внутривенного введения наркотиков, в 1175-ти случаях причина заражения неизвестна. Какая-то часть от этого числа, несомненно, относится к сфере употребления наркотических средств.

Данные тенденции за последние годы характеризуются увеличением и пока нет оснований для оптимистических прогнозов на обозримый отрезок времени.

Все эти причины и привели к необходимости создания новых для России форм работы с данной проблемой.

Рассмотрим круг предпосылок, определивших Ярославль в качестве своего рода пилотного города в рамках данного эксперимента.

Ярославль - это крупный промышленный, транспортный и культурный центр, географически расположенный между Москвой и Санкт-Петербургом, что определяет легкий доступ информации и, соответственно, новейших наркотиков в наш город.

Большое количество учебных заведений привело к концентрации активных молодых людей в Ярославле, их притоку из других городов и из-

за границы. Как известно, основу популяции наркопотребителей составляют молодые люди в возрасте 17-30 лет.

Ярославль - город с развитыми культурными традициями, в котором исторически сложились достаточно большие группы творческой, неформально мыслящей молодежи и обширная полумаргинальная «тусовка», в рамках которых употребление психоактивных веществ не считается неодобряемым способом поведения, а скорее даже приветствуется и мотивируется творческим стимулированием, склонностью к экспериментированию, расширением границ обыденного восприятия и прочими подобными причинами.

Не следует забывать о большом количестве представителей этнических меньшинств, постоянно проживающих в городе. Среди этой части населения употребление ряда наркотических веществ находится в рамках национальных традиций. Они также активно распространяют наркотики растительного происхождения, способствуя облегчению доступа к запрещенным веществам и, соответственно, дальнейшему росту наркоманий.

Еще одним фактором, действующим как в общегосударственном масштабе, так и в Ярославле, является широкая кампания, развернутая СМИ, направленная против наркотиков. Телевидение, центральные и местные издания обрушивают на население шквал далеко не всегда корректной информации, что зачастую имеет обратный эффект и способствует поддержанию моды на наркотики в обществе. Наркотики модны сейчас - модно употреблять их, говорить и писать о них, модно знать о них как можно больше. В наши дни Россия переживает наркотический бум, и это печальный факт.

Все перечисленные предпосылки на данный момент времени привели к тому, что в Ярославле сформировалась устойчивая и достаточно обширная группа наркопотребителей, постоянно пополняющаяся новыми членами. Это настоящая социальная проблема, требующая своего разрешения или хотя бы урегулирования доступными средствами.

Одним из конкретных шагов, предпринятых в этом направлении, было создание в сентябре 1996 года, при поддержке фонда Дж. Сороса и городской администрации города Ярославля некоммерческого проекта под рабочим названием «Друзья помогают друзьям», цели которого можно обозначить следующим образом:

Социально-демографическое исследование популяции наркопотребителей Ярославля методами беседы, анкетирования и включенного наблюдения. Эта работа проводится для отделения фонда Сороса в штате Коннектикут и для центра изучения общественного мнения Ярославской городской администрации.

Распространение информации санитарного характера среди инъекционных наркоманов (луинов) с целью профилактики ВИЧ-инфекции и венерических заболеваний.

Выдача клиентам центра стерильных инструментов для инъекций и прочих расходных материалов.

Идеологической основой описываемого проекта является философия минимизации вреда (harm reduction).

В рамках данного подхода декларируется лояльное отношение к луинам, упор делается на личную безопасность потребителя наркотика и безопасность его окружения. Программа работы носит прежде всего профилактический, исследовательский и обучающий характер, не преследуя целей порицания или полного искоренения подобной формы поведения.

Опыт похожих гуманитарных проектов оправдывает себя во многих развитых странах, начиная уже со второй половины 80-х годов, и Ярославский центр построен в общем и целом по уже существующим образцам.

Мотивацией для потенциальных клиентов центра является платное собеседование и платные услуги по привлечению новых клиентов и распространению информации. Немаловажным фактором в данной ситуации является анонимность собеседования, неформальность обстановки и та психологическая поддержка, которую клиент получает в процессе общения с работниками службы. Это и определяет уникальность данного вида работы в российских условиях, где до недавнего времени наркоманами занимались лишь официальные организации с репрессивным подходом.

Нельзя не отметить того, как условия российской действительности и русский менталитет отражаются на деятельности центра, построенного по западным образцам. Неадаптированность опросников к отечественным условиям вызвала необходимость их доработки уже в ходе исследования. Это относится и к учебной части собеседования, откуда была исключена неактуальная для ярославских луинов информация, внесены необходимые дополнения.

Трудности в работе определяются еще и индивидуальными особенностями клиентов, чей образ жизни и восприятие окружающего можно назвать, в лучшем случае, специфичными. Отсюда проистекают такие естественные формы поведения клиентов как необязательность, лживость и склонность к мошенничеству. От работников центра в данном случае требуется не только лояльность, но и наличие четко обозначенной позиции и понимание сути идеи минимизации вреда, для того, чтобы сформировать достаточно ясные линии поведения по отношению к

клиентам. В любом случае посетители центра должны ощущать те разумные рамки услуг, им предоставляемых, и определенную дистанцию по отношению к себе. Опыт показывает, что соблюдение подобных правил приводит к здоровой атмосфере в общении и взаимному уважению работников и клиентов центра.

На настоящий момент работу организации «Друзья помогают друзьям» можно признать успешной и достаточно эффективной. На 18 декабря 1997 года было опрошено 498 человек, обмен шприцев составляет сейчас в среднем около 1300 штук в месяц, что можно считать признаками доверия со стороны ярославских наркопотребителей и эффективности профилактической работы центра.

Конечно, еще рано говорить об охвате всего сообщества наркопотребителей данной формой социальной помощи, поскольку клиентами центра в подавляющем большинстве являются безработные, малоимущие студенты и маргинальные элементы, которым уже нечего терять и для которых денежное вознаграждение, предлагаемое за собеседование, является существенным мотивирующим фактором. Потребители дорогих наркотиков (кокаин, героин, метадон) составляют очень малую часть посетителей центра, поскольку единственной для них мотивацией может являться лишь любопытство, а никак не денежное вознаграждение. Силен пока еще и фактор страха перед правоохранительными органами.

В нашей обзорной статье мы не смогли описать всех нюансов работы ярославского центра помощи наркоманам, но вместе с тем не подлежит сомнению, что подобные проекты имеют в России большие перспективы. К счастью и к сожалению. Можно лишь сказать в заключение, что центр «Друзья помогают друзьям» и аналогичные ему формы социальной работы - это разумная альтернатива попыткам искоренить наркоманию, которые дают только эпизодический эффект. Используемые центром методики позволяют ассимилировать наркопотребителя в общество, а не отторгать его, и сейчас это наиболее разумный способ поведения в отношении людей, стоящих на этом опасном пути.

Имидж: определение и свойства.

Никольская Инна, ЯрГУ

Понятие имиджа является важным для многих сфер практики: политики, рекламы, массовых коммуникаций. Многочисленность контекстов порождает противоречивость толкований данного феномена, множество различных определений, отсутствие прослеживаемой связи с другими социально-психологическими и общепсихологическими концептами.

Проанализировав теоретические и практические изыскания психологов, практиков рекламы и паблик рилейшенс, мы выделили следующие свойства имиджа:

1. Имидж содержательно представляет из себя некоторый набор качеств, приписываемых объекту восприятия.
2. Можно выделить следующие “измерения” имиджа: эмоционально-оценочное отношение к объекту, а так же его направленность (общий положительный или отрицательный знак)
3. Сформированный имидж влияет на поведение потенциального клиента, создавая определенную готовность к действию в результате положительной или отрицательной оценки объекта.
4. Схематичность, неполнота отображения социальной действительности в имидже.
5. Имиджу присуща устойчивость - сходство категориальных структур у людей, представителей различных социально-профессиональных групп. В динамическом плане можно сослаться на указания ряда специалистов, практиков рекламы об устойчивости отрицательного имиджа фирмы по отношению к корректирующим воздействиям.

Как видим, имидж, обладает свойствами, сходными со стереотипом: ярко выраженной эмоциональной оценкой, устойчивостью у представителей различных социальных групп, схематичностью. С установкой имидж роднит то, что сформированный имидж влияет на готовность к совершению определенных действий по отношению к оцениваемому объекту. Это позволяет сделать вывод, что имидж относится к установочным знаниям, однако, на наш взгляд, обладает рядом особенностей, позволяющих говорить о нем как обособленном механизме социальной перцепции. Имидж - это специально конструируемый образ для потенциальных покупателей или избирателей, который должен соответствовать их ожиданиями и потребностям. В имидже изначально, по определению, задается: а)схематичность и неполнота, б)положительная направленность эмоционального оценивания. Положительная оценка, присущая имиджу, крайне важна, так как является залогом устойчивости предприятия и политика в кризисных ситуациях и коррелирует со сбытовой активностью товара. Имидж играет роль и имеет место при опосредованном общении больших групп людей, когда основным источником

информации о фирме, товаре или политическом деятеле являются средства массовой коммуникации. Мы полагаем, что такие знания, которые человек получает через средства массовой коммуникации, усваиваются зачастую в готовом виде и с трудом поддаются эмпирическим проверкам. Имидж как результат перцепции товара, политика и компании гораздо в меньшей степени основан на чувственном восприятии или непосредственном контакте субъекта с объектом, нежели другие установочные знания.

В результате мы даем следующее определение: имидж - это образ социального объекта, специально конструируемый в соответствии с ожиданиями больших групп людей для того, чтобы произвести благоприятное впечатление, характеризующийся устойчивостью, а так же изначально заданной неполнотой отображения и схематичностью.

Использованная литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. М.: Наука, 1994.
2. Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация как общение больших социальных групп. - В кн. Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. с. 263-277.
3. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979.
4. Феофанов О.А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974.
5. Ogilvy D. Confessions of an advertising man. New York, 1964.